

Санкт-Петербургский государственный университет

ПЕТРОВА Александра Геннадьевна
Выпускная квалификационная работа

Концепты *свет* и *тьма* в русской лингвокультуре на фоне корейской

Уровень образования: магистратура

Направление 45.04.02 «Лингвистика»

Основная образовательная программа ВМ.5622. «Русский язык и русская культура в аспекте русского языка как иностранного»

Профиль «Русский язык и русская культура в аспекте русского языка как иностранного»

Научный руководитель:

доцент, к.ф.н.,

Кафедра русского языка как иностранного и методики его преподавания,
Самохвалова Лейла Джалаловна

Рецензент:

Реброва Ирина Витальевна,
доцент, к.ф.н.,

Кафедра славистики,
Зальцбургский
университет имени
Париса Лодрона.

Санкт-Петербург

2022

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I. ПОНЯТИЕ О КОНЦЕПТЕ В АСПЕКТЕ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ.....	10
1.1. Концепт как объект исследования в когнитивной лингвистике и лингвокультурологии.....	10
1.1.1. Понятие о когнитивной лингвистике	10
1.1.2. Концепт как когнитивная единица и ее маркирование в языке. Структура концепта.....	12
1.1.3. Концепт в аспекте лингвокультурологических исследований. Понятия о языковой картине мира и лингвокультуре.....	18
1.2. Типология концептов.....	26
1.3. Концепт в аспекте межкультурной коммуникации	33
1.4. Концепт в структуре художественного текста	34
1.5. Методы исследования концептов	36
1.6. Алгоритм анализа материала исследования	42
ВЫВОДЫ.....	44
ГЛАВА II. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТОВ <i>СВЕТ</i> И <i>ТЬМА</i> В РУССКОЙ И КОРЕЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ.....	46
2.1. Концепты <i>свет</i> и <i>тьма</i> в русской лингвокультуре	46
2.1.1. Словарный этап: архетипическая и понятийная зоны концептов <i>свет</i> и <i>тьма</i>	46
2.1.1.1. Этимологический анализ языковых репрезентантов концептов <i>свет</i> и <i>тьма</i> (первоначальный образ-архетип концепта)	46

2.1.1.2. Понятийный анализ языковых репрезентантов концептов <i>свет</i> и <i>тьма</i> с опорой на толковые словари	50
2.1.2. Текстовый этап: образно-перцептивная зона концептов <i>свет</i> и <i>тьма</i> и ее формирование в диахронии в «сильных» текстах культуры	54
2.1.2.1. Компоненты образно-перцептивной зоны структуры концептов <i>свет</i> и <i>тьма</i> в русских фольклорных текстах	54
2.1.2.2. Компоненты образно-перцептивной зоны структуры концептов <i>свет</i> и <i>тьма</i> в библейском тексте-источнике	62
2.1.2.3. Компоненты образно-перцептивной зоны структуры концептов <i>свет</i> и <i>тьма</i> в лейтмотивной оппозиции рассказа И. А. Бунина «Чистый понедельник».....	71
2.2. Экспериментальный этап: ассоциативная зона концептов <i>свет</i> и <i>тьма</i> в синхроническом аспекте (на основе современных ассоциативных словарей и ассоциативного эксперимента).....	78
2.2.1. Представление о <i>свете</i> и <i>тьме</i> в ассоциативных словарях.....	78
2.2.2. Ассоциативная зона концептов <i>свет</i> и <i>тьма</i> в русской лингвокультуре по данным ассоциативного эксперимента	81
2.3. Структура концептов <i>свет</i> и <i>тьма</i> в русской лингвокультуре.....	85
2.4. Концепты <i>свет</i> и <i>тьма</i> в корейской лингвокультуре	92
2.4.1. Этимологический и понятийный анализ языковых репрезентантов концептов <i>свет</i> и <i>тьма</i> в корейской лингвокультуре (первоначальный образ-архетип концепта)	92
2.4.2. Компоненты образно-перцептивной зоны структуры концептов <i>свет</i> и <i>тьма</i> в корейских фольклорных текстах	96
2.4.3. Компоненты образно-перцептивной зоны структуры концептов <i>свет</i> и <i>тьма</i> в лейтмотивной оппозиции в переводе рассказа И. А. Бунина «Чистый понедельник» на корейский язык	98

2.5. Ассоциативная зона концептов <i>свет</i> и <i>тьма</i> в корейской лингвокультуре по данным ассоциативного эксперимента	106
2.6. Структура концептов <i>свет</i> и <i>тьма</i> в корейской лингвокультуре	110
2.7. Ассоциативное поле концептов <i>свет</i> и <i>тьма</i> в русской лингвокультуре на фоне корейской: сравнительный анализ	116
ВЫВОДЫ.....	122
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	125
Список литературы	125
Список словарей.....	132
Список источников	133
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Результаты ассоциативного эксперимента среди представителей русской лингвокультуры.....	135
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Результаты ассоциативного эксперимента среди представителей корейской лингвокультуры.....	139

ВВЕДЕНИЕ

При ориентации лингводидактики РКИ на формирование вторичной языковой личности, предполагающей погружение в концептосферу носителей русской лингвокультуры, возникает необходимость исследования в фоновосопоставительном аспекте единиц, отражающих лингвокультурное сознание, к числу которых принадлежат и концепты. Концепт относится к когнитивным единицам, репрезентируемым языковыми маркерами. Он включает не только понятийную составляющую, фиксированную словарями, но и культурно-обусловленные образно-перцептивную, ассоциативную зоны, выявляемые на текстовой плоскости за счет смысловых приращений языковых единиц и возникающих при анализе текста ассоциаций. Текстовый, или художественный, концепт обладает не только узуальной, но и универсальной ядерной зоной, характерной для лингвокультуры, к которой принадлежит адресант текста, он соположен с мотивом текста, за обозначающим его словом «обязательно стоит значимая ментальная категория» (Рогова 2006: 11).

Несмотря на внушительный список исследований по концепту (Потебня А. А., Степанов Ю. С., Карасик В.И., Кацнельсон С. Д., Колесов В. В., Костомаров В. Г., Кубрякова Е. С., Попова З. Д., Стернин И. А., Бабушкин А. П., Кретов А. А., Орлова Н. М., Пименова, М. В., Рыжкина А.А., Суханова Т. В. и другие), а также наличие достаточно разработанных методик его анализа, образно-перцептивная зона концепта, его периферийные участки, проявляющие себя в дискурсивных условиях, остаются открытыми, т.к. могут варьироваться в зависимости от контекстов, к которым обращается исследователь. По мнению Н. М. Орловой, «концепты *свет* и *тьма* относятся к числу приоритетных концептов русского и других народов, своими корнями они уходят в глубокую древность и обнаруживают связь со многими концептополями в разных лингвокультурах» (Орлова 2016: 63). Они охватывают такие сферы, как религия, мироздание, аксиология, этика, философия, чувства, поведение, мироощущения, повседневная жизнь,

цветоощущения, история и культура, мир природы. Являясь универсальными глобальными структурами и, вместе с тем, «культурно-значимыми понятиями, занимающими приоритетное положение в национальном самосознании» (Орлова 2016: 63), концепты *свет* и *тьма* в коммуникативных условиях столкновения «своего» / «чужого» могут иметь как «смежные зоны», так и «ложные совпадения, значимые лакуны и зияния» (Кретов 2002: URL). Следовательно, обращение к ним в сопоставительном режиме, тем более – на фоне корейской лингвокультуры, неродственной русской, а также привлечение к исследованию текстов, где данные концепты возникли (Библия, фольклор) или были актуализированы (И. А. Бунин «Чистый понедельник»), обуславливает **актуальность настоящего исследования** и позволяет провести наблюдение над формированием образно-перцептивной зоны концептов с опорой на «сильные» тексты культуры и данные ассоциативного эксперимента в динамическом аспекте, который предполагает развитие концепта в диахронии и синхронии.

Объектом исследования являются концепты *свет* и *тьма*, **предметом** – их понятийная, образно-перцептивная и ассоциативная зоны в русской и корейской лингвокультурах.

Цель исследования состоит в выявлении структуры концептов *свет* и *тьма* в русской лингвокультуре на фоне корейской.

Задачи исследования:

- 1) проанализировать и описать теоретическую базу исследования (понятие о концепте в аспекте когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и межкультурной коммуникации; методы исследования концепта; соотношение понятий *мотив* и *концепт* в художественном тексте как источнике выявления образной и перцептивной зон концепта; алгоритм анализа материала исследования);
- 2) этап 1 (словарный): выявить устоявшиеся, зафиксированные в русской и корейской лингвокультурах понятийные и архетипические представления о *свете* и *тьме* на основе анализа этимологических и толковых словарей;

- 3) этап 2 (текстовый): выявить образно-перцептивную зону концептов в диахронии с опорой на «сильные» тексты культуры, где данные концепты занимают лейтмотивную позицию, – русский и корейский фольклор, Библию и художественный текст – рассказ И. А. Бунина «Чистый понедельник» (в сопоставлении с его переводом на корейский язык);
- 4) этап 3 (экспериментальный): провести анализ ассоциативных словарей и ассоциативного эксперимента среди представителей русской и корейской лингвокультуры с целью определения ассоциативной зоны концептов в синхронии;
- 5) определить структуру концептов *свет* и *тьма* в русской и корейской лингвокультурах и представить в виде ассоциативного поля, имеющего понятийное ядро и перцептивную «подвижную» периферийную зону в динамике;
- 6) выявить сходства и различия в структуре концептов *свет* и *тьма* в русской и корейской лингвокультурах.

Исследование концептов предполагает несколько этапов. **Первый этап** опирается на анализ этимологических и толковых словарей, позволяющих установить устоявшиеся, зафиксированные в словарях ядерные *архетипические* и *понятийные* компоненты исследуемых концептов; **второй этап** предполагает выявление «подвижной» образно-перцептивной зоны концептов в диахронии, опирается на «сильные» тексты культуры – сказки, Библию и художественный текст – рассказ И. А. Бунина «Чистый понедельник» (в сопоставлении с его переводом на корейский язык), где концепты *свет* и *тьма* занимают лейтмотивную позицию; **третий этап** предполагает анализ данных ассоциативных словарей и проведение ассоциативного эксперимента, позволяющего определить ассоциативную зону концептов в синхронии.

Материал исследования. К исследованию привлекаются данные этимологических, толковых и ассоциативных словарей, текст Библии (фрагменты Ветхого и Нового Заветов), русские и корейские фольклорные

тексты, рассказ И. А. Бунина «Чистый понедельник» и его перевод на корейский язык, данные ассоциативных экспериментов.

Гипотеза исследования состоит в том, что анализ структуры концептов предполагает три этапа (словарный, текстовый и экспериментальный), позволяющих обнаружить когнитивные зоны концептов (понятийную, образно-перцептивную и ассоциативную), формирующих их структуру в диахроническом и синхроническом аспектах.

Положения, выносимые на защиту:

- 1) при анализе концептов в исследуемых неродственных лингвокультурах могут быть обнаружены как несовпадения и лакуны, так и сходства в когнитивных зонах концептов (понятийных, образно-перцептивных, ассоциативных), что отразится в их структуре (ядре и периферии) и продемонстрирует особенности мировосприятия русских и корейцев, актуальные в аспекте межкультурного общения;
- 2) выявление образно-перцептивной зоны концепта в тексте, где мотив и концепт соположены, может сопрягаться с анализом его лейтмотивной структуры с опорой на характер употребления ключевых слов, выстраивающих лейтмотив и выступающих в роли репрезентантов концепта;
- 3) библейский текст мог оказать влияние не только на развитие русской культуры, становление которой проходило под воздействием христианской традиции, но и корейской культуры, в традиции которой с конца XIX века активно вошел христианский протестантизм, который сосуществует там до сих пор наряду с буддизмом.

Новизна исследования состоит в поэтапном наблюдении над динамикой развития концептов *свет* и *тьма* в сопоставительном аспекте с привлечением к анализу художественного текста с его переводом на сопоставляемый язык.

Теоретическая значимость исследования состоит в развитии методологии исследования концептов, основанной на трехступенчатом его анализе (словари / понятийная зона и зона архетипов; тексты / образно-

перцептивная зона; ассоциативный эксперимент), отражающем динамический процесс формирования его структуры.

Практическая значимость исследования связана с возможностью привлечения его результатов при составлении учебных пособий по межкультурной коммуникации, лингвокультурологии, анализу текста, а также лингвокультурологических и ассоциативных словарей.

Методы исследования: метод концептуального лингвокультурологического анализа, метод лингвистического анализа текста и его мотивно-концептуальной структуры, сравнительно-сопоставительный метод, метод выборки контекстов, описательный метод, метод поиска, метод ассоциативного эксперимента.

Структура исследования. Исследование состоит из введения, двух глав (теоретической и практической), списка литературы, словарей и источников, а также приложения.

ГЛАВА I. ПОНЯТИЕ О КОНЦЕПТЕ В АСПЕКТЕ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Понятие концепт присутствует в когнитивной лингвистике, лингвокультурологии, философии, филологии, искусстве и в других науках. Существует множество определений концепта, не только для каждой, но и в рамках одной науки. Каждый ученый интерпретирует концепт по-своему. В данной главе мы рассмотрим определения концепта в когнитивной лингвистике и лингвокультурологии, понятие о когнитивной лингвистике, концепт как когнитивную единицу и ее маркирование в языке, понятийную, образную и перцептивную зоны концепта, языковую картину мира, понятие о лингвокультуре, типологию концептов и методы их исследования, концепт в аспекте межкультурной коммуникации и лингвокультурологии, также обратимся к концепту и мотиву в художественном тексте и разработаем алгоритм анализа материала исследования.

1.1. Концепт как объект исследования в когнитивной лингвистике и лингвокультурологии

1.1.1. Понятие о когнитивной лингвистике

Понятие концепт неразрывно связано с когнитивной лингвистикой. Чтобы понять, что такое концепт, необходимо сначала разобрать понятие науки, в рамках которой возникло определение «концепт» и которая стала одной из основ формирования таких современных направлений исследования, как лингвокультурология и межкультурная коммуникация.

Когнитивная лингвистика появилась под эгидой когнитивной науки, которая в свою очередь была открыта учеными на симпозиуме Массачусетского университета в 1956 году. На этом симпозиуме ученые пришли к выводу, что существует наука, изучающая то, как люди запоминают, изучают, планируют, воспринимают что-либо и приходят к каким-либо умозаключениям. В когнитивную науку входят исследования в рамках

эпистемологии, лингвистики, психолингвистики, психологии, психофизиологии, компьютерной науки, нейробиологии и когнитивной лингвистики (Кубрякова 1994: 34 – 38).

Когнитивная лингвистика выделилась из когнитивной науки, и официально это событие приурочено к Международному лингвистическому симпозиуму 1989 года. Симпозиум состоялся в Дуйсбурге (Германия) и стал Первой международной конференцией по когнитивной лингвистике. На симпозиуме была создана Международная ассоциация когнитивной лингвистики, основаны журнал «Cognitive Linguistics» и серия монографий «Cognitive Linguistics Research» (Светоносова: 2007).

Когнитивная лингвистика является научной дисциплиной, объектами изучения которой выступают природа и сущность знания (и познания), результаты восприятия окружающего мира и познавательной деятельности индивида, которые собраны в форме осмысленных и структурированных данных и отражены в языке (URL: Текстология.ру).

По определению, данному в «Кратком словаре когнитивных терминов», **когнитивная лингвистика** – это «лингвистическое направление, в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент системы знаков, играющих роль в репрезентации и в трансформировании информации» (Краткий словарь когнитивных терминов: 53 – 55). Для когнитивной лингвистики, как и для лингвокультурологии, свойственны такие характеристики, как: диада «язык - человек», интегративный подход к изучению языка, термины «концепт» и «картина мира» (Светоносова: 2007).

Отличием когнитивной лингвистики от других когнитивных дисциплин является материал ее исследования – это сознание на материале языка. Также отличаются и методы исследования. По словам Е. С. Кубряковой, когнитивная лингвистика «изучает когнитивные процессы, делает выводы о типах ментальных репрезентаций в сознании человека на основе применения к языку

имеющихся в распоряжении лингвистики собственно лингвистических методов анализа с последующей когнитивной интерпретацией результатов исследования» (Кубрякова 2004: 11)

Одним из значимых терминов когнитивной лингвистики является термин *когниция*. Е. С. Кубрякова в статье «О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный» говорит, что по словам Стивена Рида, «когниция определяется не только как получение или приобретение знаний, но и их использование и овладение множеством разных практических навыков и умений» (Кубрякова 2001: 8). Таким образом, когницией можно назвать как саму систему знаний, представлений, памяти, сознания, так и манипуляцию со знаниями, работу с информацией. Е. С. Кубрякова также отмечает, что в настоящее время в современной науке термин «когнитивный» все более приобретает значение «внутренний», «ментальный», что особенно актуально для нашего исследования. Ранее он нес в себе значение «познавательный», «относящийся к познанию» (Кубрякова 2001).

1.1.2. Концепт как когнитивная единица и ее маркирование в языке.

Структура концепта

Понятие «концепт», как уже было сказано выше, связано в первую очередь с когнитивной лингвистикой, так как она занимается ментальными процессами, а концепт является ментальным образованием в сознании человека, но появилось оно в когнитивной лингвистике не сразу. В начале девяностых годов двадцатого века существовали такие понятия как «мифологема» (Базылев В. Н., Лехтеэнмяки М.), «логоэпистема» (Верещагин Е. М., Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д.), «лингвокультурема» (Воробьев В. В.) и «концепт» (Арутюнова Н. Д., Аскольдов-Алексеев С. А., Степанов Ю. С., Ляпин С. Х., Нерознак В. П.). Самым приемлемым впоследствии был выбран термин «*концепт*» (Воркачев 2004: 41).

Впервые этот термин был использован в 1928 году С. А. Аскольдовым-Алексеевым в статье «Концепт и слово», которая была напечатана в сборнике

«Русская речь». В своей статье С. А. Аскольдов-Алексеев говорит, что «вопрос о природе концептов (называемых в средневековье «универсалиями») стоит уже очень давно, однако общее понятие так и не выведено» (см. Попова 2007: 21). Ученый предлагает определить концепт как «мысленное образование, замещающее в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» (Аскольдов-Алексеев 1928: 4).

Термин концепт, как когнитивная единица, единица сознания, исследуемая впоследствии не только в когнитивной лингвистике, но и в лингвокультурологии, получил впоследствии множество интерпретаций.

Так, Е. С. Кубрякова определяет концепт как «оперативную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания» (КСКТ 1996: 90 – 92), а В. В. Красных считает концептом максимально абстрагированную идею «культурного предмета», не имеющего визуального прототипического образа (Красных 2003: 272). По мнению З. Д. Поповой и И. А. Стернина, концептом является дискретное ментальное образование, которое является базовой единицей мыслительного кода человека, обладает относительно упорядоченной внутренней структурой, представляет собой результат познавательной деятельности личности и общества и несет комплексную информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету (Попова 2007: 24). В. И. Карасик определяет концепт как ментальное образование, которое представляет собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта (Введение в когнитивную лингвистику 2004: 71).

Согласно утверждениям С. Г. Воркачева, который конкретизирует основную направленность исследований концепта в когнитивной лингвистике, «лингвокогнитологические исследования имеют типологическую направленность и сфокусированы на выявлении общих закономерностей в формировании ментальных (мыслительных – р.н.) представлений. В

тенденции они ориентированы на семасиологический вектор: от смысла (концепта) к языку (средствам его вербализации)» (Воркачев 2003: 8).

Общепризнанным является положение о том, что концепты, представляя собой единицу сознания, имеют языковую объективацию, то есть выраженность языковыми средствами того или иного языка, так как концепты — это единицы когнитивной системы, которые маркируются в языке (Пименова 2004: 8).

Концепт представляет собой, таким образом, неоднородное и достаточно неоднозначное явление, где совмещаются знания и представления, что обуславливает и сложность его структуры. В лингвистических исследованиях всех направлений принято выделять такое понятие, как *структура концепта*. Так же, как в случае с определениями самого термина *концепт*, его структура у каждого ученого интерпретируется по-разному. С. Х. Ляпин, например, считает, что концепт включает в себя три ряда составляющих: *понятийную, образную, телесно-знаковую* (Ляпин 1997: 18). В. И. Карасик, в свою очередь, выделяет *предметно-образную, понятийную и ценностную составляющие* (Карасик 2004: 127). С. Г. Воркачев говорит, что концепт включает *понятийную, образную и значимостную составляющие* (Воркачев 2003: 80).

Таким образом, исследователи выделяют три основных элемента в структуре концепта, общим и неоспоримым мнением является выделение в структуре концепта понятийной и образной зон, вопрос о третьем элементе остается спорным (знаковая или ценностная составляющая). С нашей точки зрения, *знаковое* представление концепта в языке не вызывает сомнений, термин же *ценностный компонент* концепта не точно отражает скрытые за концептом смыслы и допускает двойное прочтение (аксиологичность или значимость для культуры). С понятием *ценностный элемент* можно согласиться относительно сущности, а не структуры концепта, если понимать под концептом, в частности, актуализацию значимости данного ментально-

вербального образования для индивидуального и коллективного сознания (Стернин 2000: 14).

Значимым компонентом структуры концепта является «когнитивная память слова», т.е. смысловые составляющие языкового репрезентанта концепта, связанные с системой духовных ценностей носителей языка (Яковлева 1996: 45).

Ряд исследователей отмечает, что в более глобальном рассмотрении концепт имеет *ядро* и *периферию*. К ядру концепта относится *понятийный элемент*, в котором отражается фактическая информация о конкретном или абстрактном явлении, устоявшаяся в культуре, выверенная временем и закрепленная в толковых словарях за словом, воплощающим ментальный концепт, в виде понятия. К сфере понятийного элемента Л. В. Чалова предлагает отнести выделяемые Ю. С. Степановым «слои» концепта: основной признак, дополнительный (или несколько дополнительных) признак и внутренняя форма (Чалова 2007: 2). В структуру концепта входит также *образный элемент*, который образует его периферию и носит ассоциативный характер. Это зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые и пр. характеристики предметов, которые запечатлены в памяти людей (Карасик 2004: 129).

Уточняя представления о структуре концепта, Ю.С. Степанов говорит о том, что *в нем выделяется понятийная сторона и «все, что делает его фактом культуры» – этимология, современные ассоциации, оценки, образы* (Степанов 1997: 41).

Отметим, что образная часть концепта обозначается и более актуальным для объекта исследования термином *перцептивный* (связанный с восприятием, обусловленный им), который встречается в работах Е. С. Кубряковой и который мы будем использовать в нашем исследовании совместно с понятием образный, выделяя в структуре концепта, наряду с понятийной, образно-перцептивной и ассоциативной зоной.

Исходя из вышесказанного, *понятийная (словарная) зона* концепта составляет основу лексического значения слова, репрезентирующего концепт, и фиксируется в лексикографических источниках, словарях. В ней отражена фактическая информация об изучаемом явлении, отточенная и доведенная до понятия в ходе эволюции. *Образно-перцептивная зона* – это зона образного восприятия, возникающая у представителей культуры при восприятии слова, репрезентирующего концепт. Архетипическая сторона образа частично отражена в этимологических словарях, где представлен образ денотата, возникающий при его восприятии и воплощенный в момент его номинации. Для русской лингвокультуры обращение к этимологии слова, где отражен его первично возникший в коллективном сознании образ, является обязательным. Это связано с тем, что русская культура, по утверждению ряда исследователей, в частности, В. В. Колесова, с основана на образном мышлении, и современный язык сохраняет его следы (Колесов 2000; Маковский). *Ассоциативная зона* связана с ассоциативным фоном концепта, репрезентируемым в ассоциативных экспериментах, а также текстах.

Неоднозначная структура концепта, таким образом, диктует три основных уровня его исследования, согласно утверждениям В. Колесова, «обеспеченных терминами общей латинской основы *conceptio*, в числе которой имеются значения «содержать, воображать, задумывать, образовывать»: концептум (*conceptum* ‘зерно, зародыш’ первосмысла <...>; концепт (*conceptus* ‘содержащий’ <...>; и концепция (*conceptio* ‘соединение, сумма, совокупность’) <...>. Следовательно, концепт, представленный как понятие, является всего лишь результатом последовательного накопления содержательных форм концепта — образа, символа и собственно понятия. Это значит, что современное представление о концепте, как только о понятии, снимает все промежуточные формы его восполнения содержательными формами (механицизм номинализма) и не является верным (Колесов 2018: 439).

Несмотря на множество исследований, посвященных структуре концепта, единого представления о ней, пожалуй, так и не сложилось, хотя наметилась тенденция к выявлению в нем трех зон – *понятийной, образной и перцептивной*.

С точки зрения В.В. Колесова, «смысловое единство концепта обеспечивается последовательностью его «проявления в виде образа, понятия и символа» (Колесов 8: 107), где *образ* представляет психологическую основу знака, *понятие* отражает логические функции сознания, а *символ* – общекультурный компонент словесного знака» (Колесов 8: 42), другими словами, образ и символ отражают понятийный, образно-перцептивный и ассоциативный фон концепта, который может варьироваться в своих периферийных зонах.

По мнению Ю. С. Степанова, концепт есть «некое суммарное явление, по своей структуре состоящее из самого понятия и ценностного (нередко образного) представления о нем человека» (Степанов 1997: 40-43). С.Г. Воркачев выделяет в составе концепта три составляющие: понятийную, отражающую его признаковую и дефиниционную структуру; образную, фиксирующую когнитивные метафоры, поддерживающие концепт в языковом сознании, и значимостную, определяемую местом, которое занимает имя концепта в лексико-грамматической системе конкретного языка, куда включаются также его этимологические и ассоциативные характеристики (Воркачев 1997: 115-124). С таким компонентным составом концепта можно было бы согласиться, но расшифровка каждого понятия противоречит его терминологическому определению. Согласно мнению В.И. Карасика, концепт также состоит из трех компонентов – понятийного, образного и ценностного (Карасик 2001: 3-16), что, с нашей точки зрения, более соответствует природе концепта как когнитивной единице, ментального образования, включающего понятие и перцепцию (Е.С. Кубрякова).

Исходя из сказанного, в структуре концепта выделяется его *понятийная зона*, выявляемая с опорой на лексикографические источники,

образно-перцептивная зона, которая выявляется с опорой на тексты (а также фразеологию), *ассоциативная зона*, содержащая ассоциации, к выявлению которых может быть подключен ассоциативный эксперимент.

Далее перейдем к рассмотрению концепта в лингвокультурологии в связи с такими понятиями, как языковая картина мира и лингвокультура, актуальными для концепта и нашего исследования.

1.1.3. Концепт в аспекте лингвокультурологических исследований.

Понятия о языковой картине мира и лингвокультуре

Как и термин «когнитивные науки», объединяющий ряд дисциплин, изучающих мышление, термин *концепт* является «зонтиковым» (С.Г. Воркачев), т.к. его исследуют несколько научных направлений, прежде всего, как мы уже говорили выше, когнитивная лингвистика, занимающаяся проблемами мышления, познания, хранения и переработки информации в языке, а также лингвокультурология (см. Кубрякова 1996: 58).

Концепт возник как объект исследования в когнитивной лингвистике, а затем стал объектом изучения и в более позднем направлении антропоцентрической лингвистики – лингвокультурологии, во многом связанной с когнитивной, но отличающейся методами исследования и имеющей конкретный уклон в языковую картину мира, отражающую национальный менталитет, национальную культуру средствами языка. Так как концепт является одной из единиц изучения и в лингвокультурологии, что для нас немаловажно, для начала обратим внимание на то, что представляет из себя эта наука.

Определений лингвокультурологии существует множество, также, как и мнений о том, является ли она самостоятельной наукой или нет. Например, В. А. Маслова считает, что лингвокультурологией является наука, которая возникла на стыке лингвистики и культурологии и которая исследует проявления культуры народа, отраженные и закрепленные в языке (Маслова 2001: 36). В. Н. Телия же считает, что лингвокультурология является «частью

этнолингвистики, которая посвящена изучению и описанию корреспонденции языка и культуры» (Телия 1996). В. В. Красных отмечает что данная наука является дисциплиной, которая «изучает проявление, отражение и фиксацию культуры в языке и дискурсе» и связана с когнитивной лингвистикой и этнопсихоллингвистикой (Красных 2002: 12). Н. Ф. Алефиренко определяет лингвокультурологию научной дисциплиной, которая изучает «способы и средства репрезентации в языке объектов культуры, особенности представления в языке менталитета того или иного народа, закономерности отображения в семантике языковых единиц ценностно-смысловых категорий культуры» (Алефиренко 2010: 21). Согласно мнению Е. И. Зиновьевой, лингвокультурологию можно считать теоретической филологической наукой, исследующей «различные способы представления знаний о мире носителей того или иного языка через изучение языковых единиц разных уровней, речевой деятельности, речевого поведения, дискурса, что должно позволить дать такое описание этих объектов, которое во всей полноте раскрывало бы значение анализируемых единиц, его оттенки, коннотации и ассоциации, отражающие сознание носителей языка» (Зиновьева 2016: 12).

Общим в приведенных выше толкованиях термина «лингвокультурология», несомненно, является то, что все исследователи говорят о взаимодействии языка и культуры, которая прежде всего связывается с национальной спецификой. С этих позиций рассматривается и концепт как один из объектов исследования в лингвокультурологии, где он получил несколько особый статус в отличие от когнитивной лингвистики, хотя принципиальных отличий его восприятия в двух взаимосвязанных направлениях антропоцентрической лингвистике не отмечается.

Как справедливо отмечает С. Г. Воркачев, «различия в подходах к концепту в когнитивной лингвистике и лингвокультурологии в достаточной степени условны и связаны не столько с общими задачами этих дисциплин – типологией и моделированием представления знаний в языке (Баранов 2013: 11-14; Михальчук 1997: 29) – сколько с техникой выделения объекта

исследования и методикой его описания» (Воркачев 2003: 8). Лингвокогнитологические исследования «имеют типологическую направленность и сфокусированы на выявлении общих закономерностей в формировании ментальных представлений <...> от смысла (концепта) к языку (средствам его вербализации)» (Воркачев 2003: 8 – 9), лингвокультурология же занимается исследованием соотношения языка и культуры, проявляющихся в способах языкового выражения этнического менталитета (Снитко 1999: 7; Красных 2002: 12 и др.).

Таким образом, в отличие от лингвокогнитивных исследований, интерес лингвокультурологов ориентирован на выявление специфического для национальной культуры в составе ментальных единиц, к которым относятся концепты, а также на динамическое систематизирующее описание отличительных семантических признаков конкретных культурных концептов в направлении от имени концепта (слова, воплощающего концепт) к «совокупности номинируемых им смыслов» (Воркачев 2003: 10).

Отсюда и акцентирование внимание в лингвокультурологических определениях концепта на его связи с национальной картиной мира, с лингвокультурой, как, например, в определениях В. А. Масловой, называющей концептом «семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующее носителей определенной этнокультуры» (Маслова, 2007: 47), Н. Д. Арутюновой, рассматривающей концепт как результат взаимодействия национальных традиций, фольклора, религии, идеологии, жизненного опыта, системы ценностей (Арутюнова 1993: 3), С. Г. Воркачева, считающего концепт отдельным предметом коллективного сознания, который имеет выражение в языке и отмечен этнокультурным свойством (Воркачев 2004: 51), Е. И. Зиновьевой, которая считает, что концепт – это основная единица национальной ментальности, смысл, существующий в различных проявлениях в сознании людей – в форме образа, представления, понятия или символа (Зиновьева 2003) и мн. др. Т. Б. Радбиль называет концептом «квант»

информации о мире, сгусток смыслов и ассоциаций, которые стоят за словом и укоренены в точке зрения на мир, представленной в определенном языке», то, что неосознанно представляется людям при произнесении слова и имеет определенное для них (людей) значение (Радбиль 2010: 206). И, наконец, определение концепта Е. С. Кубряковой, которая понимает его, как уже отмечалось, как «оперативную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания» (КСКТ 1996: 90 – 92).

На наш взгляд, последнее определение универсально и для когнитивной лингвистики, и для лингвокультурологии, оно в наибольшей мере отражает сущность концепта, так как в нем соединено представление о концепте как о неоднородной когнитивной единице, репрезентируемой языком, с представлением о концепте как о единице, отражающей национальное сознание, национальную картину мира.

Таким образом, общим для лингвокультурологов и лингвокогнитивистов, как мы видим, остается объект исследования – то, что представляет собой когнитивную, нематериальную, но духовную, ментальную, мыслительную сущность, т. е. концепт. При этом интерес лингвокультурологов, во-первых, направлен от имени концепта (слова) к смыслам (у когнитивистов – наоборот), во-вторых, обращен прежде всего к *культурным концептам*, или «ментальным сущностям, в которых отражается «дух народа», что определяет их антропоцентричность – ориентированность на духовность, субъективность, социальность и «личную сферу» носителя этнического сознания» (Воркачев 2003: 10). В. А. Маслова ключевыми концептами культуры правомерно, на наш взгляд, считает «обусловленные ею (культурой – р. н.) ядерные (базовые) единицы картины мира, обладающие экзистенциальной значимостью как для отдельной языковой личности, так и для лингвокультурного сообщества в целом» (Маслова 2001: 70).

Для выделения культурных концептов возможны одиннадцать критериев, которые были систематизированы О. А. Ипановой на основе работ таких ученых, как Ю. С. Степанов, Н. Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, С. Г. Воркачев, Д. Б. Гудков, В. И. Карасик и других. Отмечается, что нижеприведенные критерии не являются обязательными во всех случаях и могут соблюдаться не все из них: 1) название концепта должно быть высокочастотным; 2) у названия концепта должна быть активная производящая основа; 3) слова-репрезентанты концепта должны активно входить в состав устойчивых идиоматических конструкций; 4) «переживаемость» концептов; 5) «номинативная плотность»; 6) «непредельность»; 7) «мировоззренческая ориентированность»; 8) «лингвокультурная отмеченность»; 9) коммуникативная релевантность; 10) «языковая абстрактность»; 11) наличие «этимологической памяти» (Зиновьева 2016: 48).

На основании вышеизложенного, мы можем сделать вывод о том, что концепт в лингвокультурологии выступает как ментальное образование, которое отмечено этносемантической спецификой и включает в себе совокупность знаний и ассоциаций носителей языка, а ученые-лингвокультурологи обращают внимание на то, как связаны язык и культура, к чему восходит еще два важных для лингвокультурологии термина – языковая картина мира и лингвокультура.

Прежде всего следует обратиться к общему понятию *«картина мира»*. В. П. Руднев приводит следующее определение: «Картина мира – это система интуитивных представлений о реальности» (Руднев 1997: 127). Автор считает, что картину мира можно выделить не только у нации или этноса, но и у любой социальной или профессиональной группы, а также у отдельной личности. В. П. Руднев также отмечает, что у каждого народа, социальной группы картина мира разная, так же, как и каждой эпохе соответствует своя картина мира. Исследователь приводит следующий пример: «Картина мира древних индийцев не похожа на картину мира средневековых рыцарей, а картина мира

рыцарей не похожа на картину мира их современников – монахов» (Руднев 1997: 128).

Изначально термин «картина мира» возник в рамках физики в конце XIX – начале XX века. Физическая картина мира трактовалась как совокупность внутренних образов внешних предметов, из которых логическим путем получались сведения относительно поведения этих предметов. Одним из первых, в 1914 году, этот термин начал употреблять Г. Герц. Позднее картина мира рассматривается в рамках семиотики и затем – в лингвистике, где произошло разграничение и уточнение понятий *концептуальная* и *языковая картины мира*. *Концептуальной картиной мира* считается не только знание, выступающее как результат мыслительного отражения действительности, но и итог чувственного познания (Зиновьева 2016: 26). Под *языковой картиной мира* понимается вся информация о внешнем и внутреннем мире, которая закреплена средствами живых языков (Брутян 1973). Языковая картина мира – это знания и представления, которые закреплены в единицах конкретных языков, так как языки отображают действительность знаковым способом (Роль человеческого фактора в языке 1988: 6).

При этом, как отмечает Ю. Д. Апресян, каждому естественному языку свойственен определенный способ восприятия окружающей действительности. Значения, которые выражаются в нем, складываются в единую систему взглядов, которая присутствует у всех носителей языка. Такой взгляд на мир национально специфичен, поэтому носители разных языков воспринимают действительность немного по-разному, что и отражено в языковой картине мира (Апресян 1995).

Определений языковой картины мира существует великое множество, каждый исследователь предлагает свое. Так, В. Л. Моисеева считает, что «языковая картина мира – это отражение способа моделирования и структурирования действительности, характерного для конкретной лингвокультурной общности» (Моисеева 1998). В. Б. Касевич предлагает именовать картиной мира совокупность языковых знаний, которые

закодированы оппозициями словаря и грамматики (Касевич 1996: 179). Е. С. Яковлева под языковой картиной мира предлагает понимать зафиксированную в языке и специфическую для определенного языкового коллектива схему восприятия действительности (Яковлева 1996).

Несмотря на многочисленные определения, общим у всех исследователей является понимание языковой картины мира как действительности, которая отражена в языке, информации о мире, которая передается у разных народов с помощью единиц языка разных уровней.

Языковая картина мира делится на *научную* и *наивную*. *Наивная картина мира* отличается от научной тем, что она свойственна обыденному сознанию. Это те вещи, которые закрепились в языке и которые мы произносим неосознанно (как например: «солнце село», «рукава реки», «горный хребет» и прочее) (Зиновьева 2016: 28).

Научная картина мира – это «особая форма научного теоретического знания, репрезентирующая предмет исследования науки соответственно определенному этапу ее исторического развития, посредством которой интегрируются и систематизируются конкретные знания, полученные в различных областях научного поиска» (Гуманитарный портал: URL).

В исследованиях Е.С. Яковлевой подчеркивается, что *концептуализация языковой картины мира* представляет собой *динамический процесс*, так как «какие-то фрагменты языковой картины мира складываются и выявляются с течением времени, а другие скрываются, затемняются, и в результате этого наше употребление какой-либо лексики кажется ничем не мотивированным на первый взгляд» (Яковлева 1989: 48).

Т. Б. Радбиль говорит, что результатом *любой* концептуализации мира является *концептосфера*, или *концептуальная система*. Исследователь уточняет, что «это – ментальный уровень или та ментальная организация, где сосредоточена совокупность всех концептов, данных уму человека, их упорядоченное объединение. Понятие концептосферы, или концептуальной системы, применимо и к отдельному человеку, и к этносу в целом» (Радбиль

2010: 172). В результате языковой концептуализации мира этносом складывается концептуальная система, которая имеет *содержательный* и *интерпретационный* компоненты. Ученый считает, что в качестве содержательного компонента следует рассматривать *национальную языковую картину мира*, так как она отвечает за воплощение знания о мире (там же).

Помимо понятия «языковая картина мира» выделяется близкое к нему, но не совсем тождественное, понятие «лингвокультура», которое актуально для нашего исследования и отражено в названии его темы. Этот термин становится все более частотным, однако еще недостаточно разработанным. В работах В. В. Красных, которая больше, чем другие, акцентирует свое исследовательское внимание на этом понятии, *лингвокультура* определяется как культура, которая воплощается и закрепляется в знаках языка, а также является в языке и через язык, содержанием лингвокультуры предлагается считать образы сознания, которые облечены в языковые знаки (Красных 2002).

Согласно мнению В. В. Красных, лингвокультура отличается от языковой картины мира тем, что *языковую картину мира* можно понимать, как сложно устроенное семантическое пространство, и она является лингвистическим феноменом, к которому применимы собственно лингвистические методы исследования, в первую очередь, семантические, *лингвокультура* же – это «языковленная культура», «базовое понятие лингвокультурологии» и феномен лингвокогнитивный, он формируется не языковыми единицами, а образами сознания в их вербальном воплощении (Красных 2011: 64, Красных 2012). При этом, в роли означающего выступает язык, а в роли означаемого такие феномены, как образ мира, сознания, культура и ее семантика и прочее (там же). Как подчеркивает В.В. Красных, рассматривая понятие *лингвокультура* в аспекте РКИ, «*преподавая русский язык, мы преподаем язык русской культуры. То есть по сути мы преподаем русскую лингвокультуру*» (там же). При исследовании лингвокультуры основное внимание уделяется культурно-маркированным феноменам, в

которых слово и знание, воплощенное в нем, неразрывно связаны (Ассман 2004).

По словам В. Н. Телия, существует «*пространство общей памяти*», закрепленной в знаках языка и опосредованной языковыми значениями, культурные смыслы там проявляются в знаках языка, а сами знаки языка выступают как «тела» для знаков языка культуры. *Это «пространство» и есть лингвокультура, которая претендует на статус третьей, после языка и культуры, самостоятельной системы* (Телия 1996).

Таким образом, мы определили, что понятие *концепт* неразрывно связано с понятиями *языковая картина мира* и *лингвокультура*, которая рассматривается как лингвокогнитивное явление – «языковленная» культура, образы сознания, отраженные в языке.

1.2. Типология концептов

Насколько много определений концепта, настолько же много и выделяемых учеными типологий концепта. Различные типологии учитывают природу концептов, их содержание, функционирование и прочее.

Так, например, З. Д. Попова и И. А. Стернин предлагают выделять: *представление, схему-концепт, понятие-концепт, фрейм, сценарий, гештальт* (Попова 2007).

Рассмотрим каждый из вышеперечисленных типов концепта, опираясь на обобщающие исследования З. Д. Поповой (2007).

Концепты-представления представляют собой чувственно-наглядный образ предмета или явления, они статичны и выглядят как описание из словаря, например: *дрожь* – это частое судорожное вздрагивание тела, *клен* – это лиственное дерево с широкими резными листьями и так далее.

Схемы-концепты представлены схематическими образами, например, *дерево* – ствол и крона. Такие концепты можно изобразить в виде очень простых рисунков.

Понятия-концепты отражают самые общие признаки предмета или явления, они возникают на основе представления или схемы путем постепенного отвлечения от второстепенных признаков, оставляя только самые основные. Например: *квадрат* – это прямоугольник с равными сторонами. Вербализуются такие концепты, как правило, терминологической и производственной лексикой.

Фрейм – это совокупность стандартных знаний о предмете или явлении, объемное представление о нем. Такими концептами являются, например, *рынок, больница, экзамен, ресторан, кино, театр, магазин* и другие. Концепты состоят из нескольких компонентов. Например, «*магазин*» состоит из таких компонентов, как покупать, продавать, товары, цена, стоять, покупатели, продавцы и так далее.

Сценарий (скрипт) представляет собой последовательность нескольких эпизодов во времени, у сценария всегда есть сюжет, слово служит названием для серии стереотипных действий. Например: *драка, игра, экскурсия, поездка (в другой город или страну), посещение (ресторана, музея, поликлиники)* и так далее.

Гештальт совмещает в себе чувственные и рациональные элементы, объединяет динамические и статические аспекты предмета или явления, это комплексная, целостная функциональная мыслительная структура. В основном гештальтами являются чувственно воспринимаемые явления, например: *любовь, судьба, игра, пытка* и другие.

Концепты могут принадлежать различным группам носителей, поэтому выделяют **универсальные** концепты, такие как *вода, земля, дом, родина, национальные* концепты, которые могут принадлежать только одному народу (например, у корейского народа есть понятие *한* («хан»), означающее тяжелое жизненное обстоятельство, при котором необходимо пожертвовать чем-либо или претерпевать непосильный труд и страдания, у русских – концепты «*духовность*», «*тоска*», «*простор*», у французов *savoir-vivre* – «умение жить»

в удовольствие» и так далее), *групповые* концепты (разделяются по возрасту, гендеру, профессиям и т.д.), *индивидуальные*.

По степени абстрактности выделяют также *абстрактные* (например: *счастье*) и *конкретные* концепты-примитивы (например: *стол*), а по структуре – *простые* (например: *желтый*) и *сложные* (например: *грамотный*) (Попова 2007).

В исследованиях А. П. Бабушкина выделены такие типы концептов, как *мыслительная картинка*, *концепт-схема*, *концепт-гипероним*, *концепт-фрейм*, *концепт-инсайд*, *концепт-сценарий (скрипт)*, *концепты смешанных типов*, *калейдоскопические концепты* (Бабушкин 1996).

Мыслительная картинка представляет собой образ, который возникает при восприятии предмета или явления (например: *смерть* – старуха с косою или скелет в балахоне, держащий косою) (там же).

Концепт-гипероним может быть схемой или логически сконструированным концептом, он является структурой представления знаний по принципу включения в более широкое понятие. Например, *города* (Париж, Нью-Йорк, Москва и другие) (там же).

Концепт-инсайд подразумевает хранение в себе информации о внутреннем устройстве предмета и о его функциональной предназначенности (например, описание зонтика из толкового словаря: «Зонтик – это упругий матерчатый купол на длинной ручке, натягивающийся на спицах и раскрывающийся над головой для защиты от дождя или солнца» (Бабушкин, там же; Ожегов 1992).

Примером *концептов смешанных типов* может служить *бабочка* – насекомое с двумя парами крыльев различного окраса, покрытыми микроскопическими чешуйками (*мыслительная картинка* и *концепт-инсайд*) (там же).

У *калейдоскопических концептов* нет постоянных фиксированных ассоциатов, чаще всего это абстрактные имена, такие как *долг*, *совесть*, *ненависть*, *страх* и другие (Бабушкин 1996).

М. В. Пименовой выделяются *парные, бинарные и эквивалентные концепты*. К **парным** относятся те, у которых слова-репрезентанты являются полными или частичными синонимами, *например, луна и месяц, истина и правда, ложь и обман* и прочие. **Бинарными (оппозитивными)** концептами считаются те, у которых слова-репрезентанты антонимичны, как например, объекты нашего исследования: *свет и тьма*. **Эквивалентными** будут те концепты, у которых частично или полностью совпадает структура, а также слова-репрезентанты равнозначны при переводе: *свет и 빛*, душа и soul и другие (Пименова 2011).

М. В. Пименова, понимая концепт как «означенный в языке национальный образ, понятие, символ, осложненный признаками индивидуального представления», помимо вышеприведенной, предлагает следующую типологию концептов, которой мы будем придерживаться:

I. Базовые концепты – к ним относятся те концепты, которые составляют фундамент языка и всей картины мира; среди них: 1) космические концепты; 2) социальные концепты; 3) психические (духовные) концепты.

II. Концепты-дескрипторы – они квалифицируют базовые концепты; среди которых: 1) *двумерные* концепты, под которыми понимаются различного рода измерения (размер, объем, глубина, высота, вес и др.), 2) *качественные* концепты, выражающие качество (тепло-холод, целостность (холистичность) – партиитивность, твердость-мягкость), 3) *количественные* концепты, выражающие количество (один, много, мало, достаточно-недостаточно).

III. Концепты-релятивы, реализующие типы отношений, среди них: 1) концепты-*оценки* (хорошо-плохо, правильно-неправильно, вредно-полезно, вкусно-невкусно), 2) концепты-*позиции* (против, вместе, между, впереди-позади (всех), рядом, вверху-внизу, близко-далеко, современный-несовременный), 3) концепты-*привативы* (свой-чужой, брать-отдавать, владеть-терять; включать-исключать) (Пименова 2013: 129).

Класс **космических концептов** (небо, земля, планета, солнце, звезда, луна, комета) включает в себя субклассы: а) метеорологические концепты (погода, осадки, туча, гроза, дождь, гром, снег); б) биологические концепты (человек, птица, зверь, насекомое, змея, рыба, растение, цветок, дерево, куст, трава, ягода, фрукты, овощи), построенные на понятийных оппозициях «живое-неживое», «съедобное-несъедобное», «рукотворное-природное», «человек-нечеловек», пищевые (ритуальная пища, повседневная еда, национальная кухня), соматические (тело/плоть, голова, сердце, печень), перцептивные (зрение, вкус, слух, в наивной картине мира предчувствие, уловление, нюх, чутье и др.), в) ландшафтные концепты (поле, лес, луг, роща, чаща, бор, тайга, степь, гора, холм, озеро, море, река, океан, дорога), г) предметные концепты, включая артефактные концепты (строение, завод, фабрика, конвейер, механизм, инструмент, посуда) (Пименова, там же).

Класс **социальных концептов** образуют: а) концепты стран (Россия, Германия, Франция, Китай, страна, общество, государство), б) концепты социального статуса (элита, «верхи-низы», крестьянин, рабочий, богатырь, правитель (вождь, князь, царь, император, генсек, президент), богатый, бедный), ремесленник (гончар, плотник, кузнец), интеллигент, ученый, хозяин, раб), в) концепты национальности (русский, немец, китаец, американец, француз), г) концепты власти и управления (демократия, диктатура, свобода, воля, анархия), д) концепты интерперсональных отношений (влияние, независимость, соборность, рабство, подчинение, власть, родство; мир, война), е) моральные (этические) концепты (честь, долг, обязанность, совесть, стыд, раскаяние; корысть, лесть, подлость, измена, верность), ж) концепты занятий (труд, ремесло, лень, игра, образование, праздник, дело), з) религиозные концепты (Богородица, Бог, святой, икона, мессия, пророк) (Пименова, там же).

Класс **психических (духовных) концептов** формируют концепты внутреннего мира (душа, дух): а) концепты характера (азартность, беспутность, терпение, благодушие, великодушие, гордость, грубость, доверчивость, мечтательность), б) концепты эмоций (веселье, радость, счастье, злость, грусть,

ликование, страдание, ревность, тоска, тревога), в) ментальные концепты (знание, ум, мысль, понимание, память, представление, разум, рассудок, воображение, вдохновение, сознание) (Пименова, там же).

Для С. А. Аскольдова актуальны *познавательные* и *художественные* концепты. *Познавательные концепты* схематичны, они заменяют реальные предметы, признаки и действия и используются в области познания (Аскольдов 1997). *Художественный концепт* понимается как «универсальный художественный опыт, зафиксированный в культурной памяти и способный выступать в качестве строительного материала при формировании новых художественных смыслов» (Миллер 2000: 42). В свою очередь, О. В. Беспалова трактует *художественный концепт* как «единицу сознания поэта или писателя, которая получает свою репрезентацию в художественном произведении или совокупности произведений и выражает индивидуально-авторское осмысление сущности предметов или явлений» (Беспалова 2002: 6).

Отметим, что художественный концепт, актуальный и для нашего исследования, имеет общие компоненты с общенациональным культурным концептом, что утверждается рядом ученых и является неоспоримым фактом, так как автор художественного текста является частью национального коллектива.

Помимо всего вышеперечисленного, концепты подразделяют по *структуре* на **концептуально-простые** и **концептуально-сложные**, по содержанию – в соответствии с тематическими сферами, по выполняемой функции – на **репрезентирующие, семиотические и интерпретирующие концепты** (Болдырев 2012: 33-43).

Одна из таких классификаций принадлежит В. И. Карасику, который пишет, что «содержательно все концепты можно противопоставить как **параметрические** и **непараметрические ментальные образования**. К первым относятся те концепты, которые выступают в качестве классифицирующих категорий для сопоставления реальных характеристик

объектов: пространство, время, количество, качество и другие. Ко вторым относятся концепты, имеющие предметное содержание. Одним из важнейших признаков категориального статуса концептов является их автономический характер, наличие бинарной оппозиции как конститутивного признака концепта. *Непараметрические концепты* можно разбить на *регулятивные и нерегулятивные*. К первым относятся те ментальные образования, в содержании которых главное место занимает ценностный компонент. Класс нерегулятивных концептов весьма своеобразен. Предложенные в лингвистической литературе классификации ментальных единиц, относящихся к этому типу, построены на основе лингвистического и когнитивно-психологического критериев. Наряду с картинками, схемами, сценариями, гиперонимами и другими разновидностями концептов можно выделить *лингвокультурный типаж*» (Иная ментальность 2005: 30 – 33).

Итак, изучив, множество различных типологий, мы считаем, что для нашего исследования актуальны такие категории, как *универсальные и базовые национальные концепты культуры*, которые, на наш взгляд, к тому же в определенном смысле могут пересекаться. Так, концепты *свет* и *тьма*, рассматриваемые нами, являются важными и неотъемлемыми компонентами любой культуры, поскольку являются глобальными первостихиями, которые, однако, могут различаться в неродственных лингвокультурах как в ядерной, так и в периферийной зонах, что вводит их в ранг и *базовых национальных концептов культуры*. Таким образом, можно говорить о выделении *смежной группы концептов с универсальными и культурообусловленными признаками*. В таком случае актуально обращение к сравнительному аспекту, особенно концептов такого ранга, к которым относятся и концепты *свет* и *тьма*.

Согласно правомерному утверждению С. Г. Воркачева, «эксплицитно либо имплицитно концепт – всегда объект сопоставительного анализа, подразумевающего сравнение: внутриязыковое, когда сопоставляются облик и функционирование концепта в различных «областях бытования» – дискурсах (научном, политическом, религиозном, поэтическом и пр.) и сферах

сознания, межъязыковое, когда сопоставляются концепты различных языков. Как и любое сопоставительное исследование, изучение концептов направлено преимущественно на выявление отличительных черт своего объекта: установление его этнокультурной специфики» (Воркачев 2003: 9).

Рассмотрим далее концепт в аспекте межкультурной коммуникации, где такое сравнение априори предполагается.

1.3. Концепт в аспекте межкультурной коммуникации

Концепт является основной единицей межкультурной коммуникации. Сама же межкультурная коммуникация рассматривается рядом различных наук таких, как культурология, лингвистика, психология, социология, культурная (социальная) антропология и другие. *Межкультурная коммуникация* является особым разделом общей теории коммуникации, который исследует коммуникативное воздействие представителей различных культур (Гузикова 2015: 4). Ученые трактуют межкультурную коммуникацию в *узком* и в *широком* смыслах. Так, например, В. П. Фурманова рассматривает межкультурную коммуникацию в *широком смысле* как «взаимодействие существующих в определенном пространстве и времени культур, в котором феномен культуры рассматривается как родовое понятие, а культурные контакты приобретают различные формы, находящие свое выражение в соприкосновении, взаимовлиянии, синтезе, дополнительности и диалоге» (Фурманова 1994: 34).

В *узком же смысле* межкультурную коммуникацию предлагается рассматривать как «коммуникацию между представителями разных этнонациональных общностей в пространстве одного государства, города, деревни и так далее» (Усовская 2017: 7).

Изучение концепта в рамках межкультурной коммуникации важно тем, что через концепт люди обращаются к культуре и ментальному миру разных народов, сохраняя при этом индивидуальные национальные особенности. В качестве единицы межкультурной коммуникации концепт отражает поиски

культурного единства, так как при изучении концептов становится возможным представить культуру и ментальность какого-либо народа. Зачастую концепты трудно или невозможно передать на другом языке как, например, концепт *родина* у русских. Для того, чтобы правильно понимать мысли и поведение другого народа необходимо выявлять и описывать содержание таких концептов (Ахметжанова 2012).

По мнению З. А. Ахметжановой, «установки, ценности, ожидания воплощаются в концепте и используются в качестве обмена информации в межкультурном пространстве для культурного единства всех народов с сохранением этноспецифики каждого народа» (Ахметжанова 2012: 86).

Таким образом, чтобы построить этически грамотную межкультурную коммуникацию необходимо знать и учитывать все факторы, которые включает в себя концепт. Далее обратимся к рассмотрению концепта в структуре художественного текста.

1.4. Концепт в структуре художественного текста

Мы уже упоминали, что концепт реконструируется и в художественном тексте. Такие концепты не только отражают когнитивные, общечеловеческие и лингвокультурные представления, но и создают собственный, эмоциональный и образный концептуальный мир. Ученые, такие как, Н. С. Валгина и Ю. Д. Тильман, отмечают, что в художественном тексте концепты по-своему осмыслены автором, содержание концептов открывается заново, а жизненный опыт автора превращается в его собственную «маленькую вселенную» (Асратян 2017: 36).

Как отмечает З. Д. Асратян, в художественном тексте встречаются когнитивные концепты различных понятий и глобальный концепт всего произведения, который рассматривается как его основная идея или мотив (Асратян 2017, Рогова 2006). Автор предпочитает определять концепт в тексте как «уникальный художественный опыт, который зависит от многих факторов, как объективных, так и субъективных» (там же). В качестве примеров

объективных факторов приводятся культурно-историческая парадигма и ментальность эпохи, в которую употребляется данный концепт, в качестве примера субъективных факторов – индивидуально-авторская картина мира (там же).

Художественный концепт можно также назвать авторским или «текстовым». Так как художественный концепт неразрывно связан с художественным текстом и художественной картиной мира, он должен рассматриваться в комплексе лингвокультурных, лингвострановедческих, культурологических, психологических и других аспектов. Отмечается, что в художественных произведениях отражается не только картина мира автора, но и всего этнокультурного сообщества, к которому принадлежит автор (Милейко 2016: 128).

По мнению И. А. Тарасовой, основой художественного концепта является диалогическая структура отношений человека, культуры и природы (Тарасова 2004). Такой концепт можно отнести к «разряду смысловых и эстетических категорий, впитавших в себя универсальный опыт литературной личности, ее мировоззрение, систему ценностей и способствующих формированию новых художественных смыслов» (Милейко 2016: 129). Общациональные культурные концепты и индивидуально-авторские концепты могут не полностью совпадать по ценностному компоненту и содержанию, так как художественный концепт может отражать лишь ту часть национальных духовных ценностей, которая связана с картиной мира автора. Художественный концепт можно реализовать довольно широко, потому как в художественном произведении слова, помимо буквальных смыслов, обретают иные (там же).

Подача информации в любом художественном тексте осуществляется особым образом. Текст бисемиотичен, язык в нем используется для описания ситуации, а метаязык – для толкования, концепт же является ключом для «декодирования» (Ольшанский 1974:12).

Художественный концепт создается на основе ассоциативных связей, объединяющих составные элементы концепта. Так что можно утверждать, что формирование художественного концепта – это сложный и неоднородный процесс (Милейко 2016: 129).

По мнению Е. В. Сергеевой, художественные концепты можно классифицировать. Автор предлагает выделить *общехудожественный концепт* – это ментальный конструкт, содержание и экспликанты которого чаще всего совпадают у различных писателей и поэтов. Также предлагается выделить *индивидуально-авторский концепт*, у которого все вышеперечисленное будет присуще только одному автору (Сергеева 2006: 99). Полагаем, что исследуемые нами концепты относятся к *общехудожественному типу*, т.к. входит в круг базовых концептов русской лингвокультуры (возможно, и корейской в силу его универсальности).

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что художественный концепт является сложным ментальным образованием, которое включает в себя элементы индивидуально-авторской картины мира и картины мира народа, к которому принадлежит автор. В следующем параграфе подробнее остановимся на методах исследования концепта.

1.5. Методы исследования концептов

Разновидностей концептов существует великое множество, как и методов их исследования, о которых пойдет речь в данном параграфе. В современной лингвистике существуют такие методы исследования концепта, как концептуальный анализ, компонентный анализ, дистрибутивный анализ, этимологический анализ, фреймовый анализ, описательный метод, сопоставительный метод, сравнительно-исторический метод, дефиниционная интерпретация, стилистическая интерпретация, ассоциативный эксперимент, метод сопоставительно-контрастного исследования, методика контекстного и текстового анализа и многие другие. А. А. Рыжкина отмечает, что описательный, сопоставительный и сравнительно-исторический методы

используются в лингвистических исследованиях уже на протяжении довольно долгого времени и не требуют дополнительных объяснений, а концептуальный анализ является сравнительно новым (Рыжкина 2014: 118). Следует понимать, что словосочетание *концептуальный анализ* многозначно. Под ним может пониматься не только анализ концептов, но и анализ с помощью концептов (Никитина 1991: 117). Рассмотрим некоторые из перечисленных методов.

Концептуальный анализ (в значении анализа концептов) опирается на самые употребительные контексты слова и констатирует все направления, по которым идут преобразования семантики слова (Зиновьева 2016: 88).

С помощью **этимологического анализа** можно проследить, какие ассоциации вызывал исследуемый концепт у древних носителей языка и с каким исконным образом-значением он связывается (Панченко 2005: 179).

Метод сопоставительно-контрастивного исследования раскрывает понятийное поле концепта на материале двух языков, моделирует фрейм, который включает в себя тождество, признак, действие, функцию, значение, условие, следствие (Клементьева 2008).

Словообразовательный анализ устанавливает отношения производности и помогает выявить деривационные возможности номинанта концепта, а также построить его лексико-семантическое поле (Крючкова 2004: 271).

При **синтагматическом анализе** изучается сочетаемость базовых номинантов концепта с различными частями речи. Такой анализ «позволяет выявить способы категоризации и концептуализации явления» (Стернин 2001: 62).

Паремиологический анализ – это изучение пословиц, поговорок, афоризмов, которые, как известно, отражают картину мира каждого народа. С помощью такого анализа выявляется осмысление концепта, которое сложилось в сознании носителей языка в течение долгого времени (Валева 2009: 25).

Контекстуальный анализ уточняет и дополняет имплицитное содержание контекста, так как в художественных произведениях репрезентируется не только общенациональная концептуальная картина мира, но и индивидуально-авторская, что позволяет наиболее полно исследовать природу концепта (Валеева 2018). Контекстуальный анализ проводится с опорой на ключевые лексемы текста, репрезентирующие исследуемый концепт благодаря смысловым преобразованиям, формирующим мотивы текста.

Для исследований концепта *в рамках лингвокультурологии* предлагаются несколько основных этапов анализа, представленных ниже (Зиновьева 2016: 88).

1. Исследование этимологии слова-концепта для выявления «свернутого смысла», которое синкретично представлено в корне этимона (Лукин 1993: 63).

2. Анализ лексикографических источников (толковых словарей), позволяющих выделить понятийное содержание репрезентанта концепта на основе словарных дефиниций.

3. Выведение дополнительных концептуальных признаков слова с помощью дистрибутивного анализа типичной сочетаемости слова-концепта.

4. Анализ метафорических употреблений.

5. Анализ словообразовательных производных ключевого слова (Зиновьева 2016: 88).

6. Выявление парадигматических связей концепта в концептосфере языка (Никитина 1991).

7. Обращение к ассоциативным словарям и/или проведение ассоциативного эксперимента для определения ассоциативного поля слова-концепта (Чернейко 1996).

Для изучения концепта *с точки зрения когнитивной лингвистики* разработан метод **семантико-когнитивного анализа**, предложенный З. Д. Поповой и И. А. Стерниным:

- 1) построение номинативного поля концепта;
- 2) анализ и описание семантики языковых средств, которые входят в номинативное поле концепта;
- 3) выявление когнитивных признаков, которые формируют исследуемый концепт как ментальную единицу;
- 4) верификация полученного когнитивного описания у носителей языка;
- 5) описание содержания концепта в виде перечня когнитивных признаков (Попова 2007: 112).

Существует также метод *когнитивного моделирования*, который подразумевает построение понятийного поля концепта, дающее системное знание о нем. Такой метод включает два этапа: этимологическое и дефиниционно-компонентное толкование понятия, а также его синонимов, антонимов и однокоренных слов; исследование сочетаемости вышеперечисленных лексем (Клементьева 2008).

Для художественного концепта, о котором говорилось в предыдущем параграфе, вопрос о методах анализа остается открытым, так как природа такого концепта неоднозначна. И. А. Тарасова предлагает использовать *методику послойного анализа*. Она основана на последовательном выделении слоев концепта. Н. С. Болотнова же применяет *коммуникативно-когнитивный методологический подход*, при котором учитываются лингвистические и экстралингвистические факторы текстовой деятельности. В. А. Новосельцева и О. А. Фещенко используют *концептуальный анализ*, включающий в себя два этапа: описание фрагмента языковой картины мира и анализ соответствующего концепта на материале конкретных текстов одного или разных авторов. Авторы отмечают, что здесь необходимо вводить дополнительно сопоставительный анализ индивидуально-авторской и национальной художественной картин мира, которые соответствуют определенному временному этапу в развитии литературы (Красовская 2009: 23).

В нашем исследовании, учитывающем сравнительный аспект, мы будем использовать некоторые элементы метода лингвокультурологического анализа (1, 2, 7), метод контекстуального анализа, метод лингвистического анализа мотивной структуры текста, а также данные ассоциативного эксперимента, что будет отражено в следующем параграфе, где мы предложим собственный алгоритм анализа.

В связи с тем, что в нашем исследовании будет использован *ассоциативный эксперимент*, остановимся на нем подробнее. Ассоциативный эксперимент «помогает выявить содержание концепта в когнитивном сознании носителей языка и ранжировать по яркости образующие концепт признаки» (Палеева 2010:2). А. А. Леонтьев считает, что ассоциативные нормы демонстрируют результаты не избирательного, а массового эксперимента, поэтому их можно использовать в качестве источника уникальной лингвистической (и паралингвистической) информации. Их также легко обработать математически, и они являются уникальным материалом как для выдвижения, так и для проверки статистических гипотез (САНРЯ:10).

Существуют различные виды ассоциативного эксперимента, например, свободный, направленный, рецептивный, эксперимент на субъективные дефиниции и другие.

Свободный ассоциативный эксперимент подразумевает полное отсутствие ограничений для испытуемых. На слово-стимул они отвечают любым первым пришедшим на ум словом-реакцией (Фрумкина 2008: 190).

В *направленном ассоциативном эксперименте*, в отличие от предыдущего, имеются определенные ограничения для испытуемых (например, только имена существительные, только имена прилагательные, только синонимы и так далее) (Борисова 2019).

Рецептивный ассоциативный эксперимент помогает выяснить как испытуемые понимают и воспринимают концепт. В анкете предлагается дать

свое определение, подобрать синонимы, назвать противоположное понятие и так далее (Попова 2007: 131).

При проведении *эксперимента на субъективные дефиниции* испытуемые должны ответить на такие вопросы, как «Как бы вы дали определение...», «Как можно объяснить иностранцу..?», «Что такое...на Ваш взгляд?» и прочие (Рыжкина 2014).

Из вышеперечисленных видов ассоциативного эксперимента для нашего исследования наиболее актуальным является *свободный ассоциативный эксперимент*, так как при анкетировании необходимо собрать все ассоциации, которые возникают у испытуемых при восприятии концептов *свет* и *тьма*.

Особенности культурно-исторического формирования национального мировосприятия отражают ассоциативные связи концепта. Ассоциации будут отличаться у разных народов, картина мира которых различна по ряду причин, в том числе – географических (Рыжкина 2014). Ассоциативный эксперимент позволяет составить достаточно объективное представление о том или ином концепте исследуемой лингвокультуры, сформировать ассоциативное поле концепта.

Ассоциативные поля – важнейший инструмент изучения концепта в национальной концептосфере. Ю. Н. Караулов отмечает, что «ассоциативные поля в языке выстраиваются по результатам ассоциативных экспериментов, где носителям языка предъявляются словесные стимулы, на которые они должны спонтанно реагировать. По итогам анкетирования вокруг каждого стимула формируется множество его ассоциатов (слов и словосочетаний), которые и составляют ассоциативное языковое поле данного стимула. Это множество не имеет строго очерченных границ и является нечетким, размытым (т. е. при обращении к другому контингенту испытуемых мы не получим в точности того же множества), но в то же время характеризуется некоторыми вероятностными закономерностями, показывающими, что оно обладает вполне определенной структурой и неизменным ядром, которое, в

противоположность неустойчивой периферии поля, всегда сохраняется и повторяется независимо от условий эксперимента» (Караулов 2015: 15).

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, мы делаем вывод, что проведение ассоциативного эксперимента относительно выявления ассоциативного поля концепта в лингвокультурологии представляется оправданным, так как «ассоциативные реакции – это сосредоточение сущностей, которыми испытуемые показывают, как они понимают данное слово, что за ним стоит» (Маслова 2001: 152), и в разных лингвокультурах эти сущности могут существенно различаться.

Ассоциативный эксперимент, который будет проведен в ходе нашего исследования, поможет выявить сходства и различия в восприятии концептов *свет* и *тьма* у представителей русской и корейской лингвокультур.

1.6. Алгоритм анализа материала исследования

Алгоритм анализа опирается на теоретические предпосылки о понятии и структуре концепта, где, как было установлено выше, выделяется его *понятийная зона*, выявляемая с опорой на этимологические, толковые и лексикографические словари; *образно-перцептивная зона*, отражающая восприятие, представление о концепте, фиксированные в текстах; ассоциативная зона, отраженная в результатах ассоциативного эксперимента.

Таким образом, алгоритм анализа материала исследования в сопоставительном аспекте предполагает опору на **три этапа: словарный** (этимологические и толковые словари, позволяющие определить устоявшиеся в культуре и фиксированные словарями архетипические и понятийные ядерные зоны), **текстовый, образно-перцептивный** (анализ «сильных» текстов культуры, где исследуемые концепты занимают лейтмотивную позицию, что возможно благодаря наличию общей природы между концептом и мотивом текста) и **экспериментальный** (анализ данных ассоциативных словарей и проведение ассоциативного эксперимента, позволяющего определить ассоциативный фон концепта в синхронии).

Алгоритм анализа включает, таким образом, следующие шаги:

- 1) определение устоявшихся в русской и корейской лингвокультурах, фиксированных в этимологических и толковых словарях архетипических и понятийных компонентов исследуемых концептов;
- 2) выявление образно-перцептивной зоны концепта в диахронии с опорой на «сильные» тексты культуры – сказки, Библию и художественный текст – рассказ И. А. Бунина «Чистый понедельник» (в сопоставлении с его переводом на корейский язык), где концепты *свет* и *тьма* занимают лейтмотивную позицию;
- 3) проведение анализа данных ассоциативных словарей и проведение ассоциативного эксперимента с участием представителей русской и корейской лингвокультур, позволяющего определить ассоциативный фон концептов в синхронии;
- 4) выявление структуры концептов *свет* и *тьма* в русской лингвокультуре на фоне корейской и представление ее в виде поля (в сопоставительном аспекте).

Такой алгоритм позволяет провести наблюдение над развитием структуры концепта в исследуемых лингвокультурах в динамическом аспекте.

ВЫВОДЫ

На основании вышеизложенного можно заключить, что концепт является объектом исследования в когнитивной лингвистике, лингвокультурологии и межкультурной коммуникации. В когнитивной лингвистике концепт изучается как ментальное образование, как оперативная содержательная единица памяти, а в лингвокультурологии внимание исследователей главным образом уделяется связи концепта с национальной картиной мира, с лингвокультурой.

Под концептом мы, вслед Е. С. Кубряковой, понимаем «оперативную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания» (КСКТ 1996: 90 – 92), так как данное определение представляется нам универсальным и для когнитивной лингвистики и для лингвокультурологии. В структуре концепта выделяется его *понятийная зона*, выявляемая с опорой на словарные источники; *образно-перцептивная зона*, выявляемая в текстах, а также *ассоциативная зона*, выявляемая на основе данных ассоциативного эксперимента.

В нашем исследовании мы будем придерживаться типологии концептов, предложенной М. В. Пименовой. Концепты *свет* и *тьма*, рассматриваемые нами, являются *базовыми* для русской лингвокультуры, хотя при этом они носят универсальный характер, так как актуальны и для других лингвокультур. Однако в неродственных лингвокультурах они могут различаться, что нам и предстоит выяснить. Неоднозначная природа данных концептов дает возможность выделить еще одну группу так называемых *смежных концептов*, характерных для ряда культур, но обладающих, тем не менее, не только универсальными, но и культурообусловленными признаками. Выделение такой группы в аспекте нашего исследования позволит определить как универсальные для двух лингвокультур, так и культуроразличительные признаки данных концептов.

В нашем исследовании будут использованы некоторые элементы метода лингвокультурологического анализа, метод лингвистического анализа мотивной структуры текста с опорой на его ключевые вехи как возможные ассоциаты концептов, метод контекстуального анализа и данные ассоциативного эксперимента.

В следующей главе будет проведен сопоставительный анализ концептов *свет* и *тьма* в русской и корейской лингвокультурах, который будет следовать алгоритму, представленному в предыдущем параграфе.

ГЛАВА II. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТОВ *СВЕТ* И *ТЬМА* В РУССКОЙ И КОРЕЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

В данной главе мы рассмотрим концепты *свет* и *тьма* в русской лингвокультуре на фоне корейской в динамическом аспекте. Исследование концептов включает несколько этапов: **первый этап, словарный**, опирается на анализ этимологических и толковых словарей, позволяющих выявить устоявшиеся, зафиксированные в культуре и в словарях *архетипические* и *понятийные* компоненты исследуемых концептов; **второй этап, текстовый, образно-перцептивный**, предполагает выявление исходной и вариативной перцептивной зоны концепта в диахронии, опирается на «сильные» тексты культуры – сказки, Библию и художественный текст – рассказ И. А. Бунина «Чистый понедельник» (в сопоставлении с его переводом на корейский язык), где концепты *свет* и *тьма* занимают лейтмотивную позицию; **третий этап экспериментальный** предполагает анализ данных ассоциативных словарей и проведение ассоциативного эксперимента, позволяющего определить ассоциативный фон концептов в синхронии. В итоге будет определена структура концептов *свет* и *тьма* в русской лингвокультуре на фоне корейской и представлена в виде поля, имеющего понятийное ядро и перцептивную «подвижную» периферийную зону в динамике.

2.1. Концепты *свет* и *тьма* в русской лингвокультуре

2.1.1. Словарный этап: архетипическая и понятийная зоны концептов *свет* и *тьма*

2.1.1.1. Этимологический анализ языковых репрезентантов концептов *свет* и *тьма* (первоначальный образ-архетип концепта)

Исследование структуры концепта на первом этапе, как уже подчеркивалось выше, требует обращения к этимологическим словарям, позволяющим установить первоначальный *образ-архетип* концепта, который

возник в древности в процессе номинации денотата, а затем уж стал «обрастать» ассоциациями и сложился понятийный компонент. По словам Н. М. Орловой «концепты *свет* и *тьма* относятся к числу приоритетных концептов русского и других народов, своими корнями они уходят в глубокую древность и обнаруживают связь со многими концептополями в разных лингвокультурах» (Орлова 2016: 63).

Следовательно, чтобы провести полноценный анализ концептов *свет* и *тьма*, следует для начала обратиться к этимологическим словарям.

В «Этимологическом словаре современного русского языка» (2016) указано, что в русском языке XI – XVII вв. слово *свѣтъ* означало «противоположность тьме, сияние», «рассвет, утро», «свет духовный», «просвещение», «мир, земля». Ниже указано: «Из праслав. *свѣтъ, восходящего к и.-е. **k'woitos* «белый, светлый», расширенной основе и.-е. глаг. **k'wei-*: **k'woi-*: **k'wi-* «светить, белеть». Соответствия: др.-инд. *sveta-* «белый, светлый», авест. *spaeta-* «светлый», др.-в.-нем. *hwīzz* «белый» (ЭССРЯ 2016: 303).

Аналогичные значения выделены в «Словаре древнерусского языка» И. И. Срезневского, исторически опирающемся на этимологию слова. В частности, Е. С. Яковлева приводит следующий пример: в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского слову *свѣт* и производным от него отводится несколько страниц большого формата. Большинство производных в современном языке утрачены (например: «*свѣтловати*» (освещать, просвещать), «*свѣтлитис#*» (светиться, сиять), «*свѣтлотворити*» (наполнять светом духовным), «*свѣтло"дрьн|и*» (снегом указывающий путь), так же как и утрачена идея божественной природы света (Яковлева 1996: 48). Несмотря на то, что данные словоформы были утрачены, представления о них, восполняющие концепт *свет*, и в первую очередь - «*свѣтлотворити*» (*наполнять светом духовным*), в когнитивной базе сохранились, о чем свидетельствуют тексты русской культуры, к которым мы

в дальнейшем также будем обращаться. В древней культуре, и не только русской, образ *света*, *божественного света* и *святости* были неотделимы, так, например, от санскритского *div* (светить, блистать) образовалось греческое *Διός/Ζεύς* (Зевс), а также латинское *Deus* (Бог). Следовательно, «световая мотивация эмоций – это историческая память языка о слове (концепте) и его семантическом ареале» (Яковлева 1996: там же).

В словаре И. И. Срезневского также указано, что в словарном фонде древнерусского языка существовало тридцать шесть существительных, двадцать прилагательных, пятнадцать глаголов и шесть наречий с корнем «свет» (Срезневский 1893 – 1903), большинство из которых было древнерусского происхождения: **световидный** «подобный свету, светлый, лучезарный», **светодавный** «дающий свет», **светодательный** «издающий свет, просвещающий», **светозарный** «сияющий, лучезарный», **светоизлиянный** «изливающий свет», **светоскрыйный** «мечущий искры, сверкающий», **светообразный** «светлый, сияющий», **светосиянный** «сияющий светом, просвещающий», **светоявленный** «проливающий свет, сияющий светом», **светьлоначальный** «дающий свет» (Орлова 2016: 64). Н. М. Орлова, исследуя концепт свет в библейском тексте с опорой на словарь И. И. Срезневского, отмечает «семантико-словообразовательную специализацию новообразований: **светьлоодежный** «одетый в светлую, праздничную одежду», **светодивный** «полный дневного света». Среди существительных, восходящих к производящему **светь**, развивается словообразовательная и лексическая синонимия: **свѣтъ**, **светьльство** «блеск, сверкание», **светолитие** «сияние, свет», **светозарие** «свет, сияние», **светодание** «дарование света», **светьлота** «сияние», **светьость** «блеск, сверкание», **светение** «горение, свечение», **свещение** «просвет» (там же).

Следовательно, согласно данным «Этимологического словаря современного русского языка» и «Словаря древнерусского языка» слово «свет» имеет двенадцать значений и оттенков значения, при этом наиболее

древним является значение «свет веры»: «И.И. Срезневский приводит такие толкования, как «светило, носитель света духовного», «свет духовный», «божественное начало»; *чадо света, сын света* – «последователь Христова учения» (там же).

В «Этимологическом онлайн-словаре русского языка» Г. А. Крылова выделяются следующие образные значения слова свет: «Свет. Индоевропейское — kuei(t) (свет). Общеславянское — svetъ (свет). Древнерусское — св(ять)ть. Слово «свет» в значениях «противоположность тьме, сияние, рассвет, утро», а также «свет духовный», «просвещение» широко употребляется с древнерусской эпохи (с XI в.). Древнерусское слово восходит к общеславянской основе svetъ и далее — к индоевропейскому корню kuei>kvei-t» (ЭОСРЯ Крылова).

Согласно данным этимологического словаря М. Фасмера, др.-русск. свѣтъ, ст.-слав. Свѣтъ, праслав. *svěť связано чередованием гласных со ст.-слав. *свѣтъѣти съд "светиться", свитати. Родственно др.-инд. ṣvētás "светлый, белый", а также лит. šviēsti, šviēčia "светить", šveīsti, šveičiù "чистить, наводить лоск", švitėti "блестеть, мерцать", švītras "наждак", др.-инд. ṣvitrás "белый». Отсюда светѣть, свечу́, укр. світіти, свічу́, блр. свеціць, др.-русск., ст.-слав. свѣтити ѡлтеив, ѡаівеив (Остром., Супр.), болг. свѣтя, словен. svetíti, чеш. svítiti, слвц. svietit', польск. świecić, в.-луж. swěćić, н.-луж. swěśić. Ср. лит. švaityti, švaitai "светить", др.-инд. 3 л. ед. ч. аор. аṣvāit "заблестел" (Траутман, там же; Эндзелин, СБЭ 194). От слова свет происходит -е- в светать, -аю, первонач. др.-русск., ст.-слав. Свитати (Фасмер: URL).

Слово *тьма* в «Этимологическом словаре современного русского языка» означает «отсутствие света, мрак; перен. невежество, культурная отсталость (устар.)». В русском языке XI – XVII вв. «изв. тьма, тма «темнота», прилаг. тьмьнъ, тьмьныи; тма отм. в словаре Беринды 1627 г., тьма – с 1771 г. Из праславянского *тьма, восходящего к и.-е. *tem-: *tm- «темнеть, становиться тёмным, мрачным». Соответствия: лит. témti, лтш.

Timt «темнеть, смеркаться», др.-инд. *Támah* - «мрак, темнота», авест. *temah-* (из **temes-*) «*тьма*», лат. *temero* «брошаю тень» (ЭССРЯ 2016: 437).

В следующих этимологических словарях – «Этимологический онлайн-словарь русского языка» Семенова А. В., «Этимологический онлайн-словарь русского языка» Макса Фасмера, «Этимологический онлайн-словарь русского языка» Шанского Н. М. – образное значение слова *тьма* совпадает: «темный», «без света», «неосвященный» (ЭОСРЯ Семенова; ЭОСРЯ Фасмера; ЭОСРЯ Шанского).

Так, например, в словаре М. Фасмера др.-русс., ст.-слав. *тьма* и праслав. *тъта родственно лат. *tenebrae* мн. "*мрак*", а также (П): "*бесчисленное множество, десять тысяч* (Фасмер URL).

Согласно этимологическим исследованиям, в древнерусском языке у слова *тьма* доминируют два значения: «темнота» и «множество, десять тысяч» (см. Орлова 2016: 2), логичность перехода значения от «темноты» к «множеству», по мнению Н.М. Орловой, вполне объяснима, так как множество – это также «неясность, неизвестность» (Орлова 2016: 64).

Итак, рассмотрев данные этимологических словарей, относительно слова *свет* можно выделить следующие совпадающие наиболее устойчивые значения-образы: *сиять, сияние, сияющий, противоположность тьме и свет духовный*, на периферии: *рассвет, утро, просвещение, белый, светлый, мир, земля*. В случае со словом *тьма* общей и самой частотной составляющей является *темнота, отсутствие света, неосвященный*, на периферии образа оказываются значения *множество, невежество, неизвестность*.

2.1.1.2. Понятийный анализ языковых репрезентантов концептов *свет* и *тьма* с опорой на толковые словари

В данном параграфе обратимся к толковым словарям, с опорой на которые можно выявить устоявшиеся понятийные значения концептов *свет* и *тьма* в русской лингвокультуре.

Согласно данным «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля, который в выявлении значений опирается не только на контексты, но и на паремиологию, слово *«свет»* мужского рода и означает *«состоянье, противное тьме, темноте, мраку, потемкам, что дает способ видеть»*; иные свет принимают за сотрясение малейших частиц вещества, другие – за особое, тончайшее вещество, разливаемое всюду солнцем и огнем» (ТСЖВЯ: URL). Например: «Свет денной, солнечный: свет огневой. / Отойди от свету, не заступай свету, не засть, не стой в свету, против света. / Свет настал, рассветает, солнце всходит. / В теми свет виден, зарево, огонек, или сиянье, блеск. / Летом свет во всю ночь, светло. / Не только свету, что в окне: на улицу выйдешь – больше увидишь (здесь свет может означать и мир). / Ни свет, ни заря (рано). / От солнца бегать, света не видать. / Тьма света не любит – злой доброго не терпит. / Ты мой свет в окне. / Чтоб мне свету Божьего не взвидеть! / Кто нечаянно завидит свет в своем доме – жди счастья. / Прорубить свет, окно. / Свет очей его погас. / Бог ему свету не дал, свет отнял. / Свет веры, – истины, Евангелие. / Свет разума, ученье или наука. / Ученье свет, а неученье тьма. / Ангел света, противополо. ангел тьмы, добрый и злой» (там же).

Согласно приведенным в словаре В. Даля в качестве примеров фразеологизмам, слово *свет* в древнерусском языке имело также периферийное значение *вера* (свет веры), *Божественная истина* (свет истины), *ученье* (ученье свет, а неученье тьма), *счастье/радость* (свет очей).

В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова, слово *свет* в русском языке многозначно и омонимично. В словаре приведены две словарные статьи с этим словом. В первой словарной статье *свет* – это *«лучистая энергия, делающая окружающий мир видимым; электромагнитные волны в интервале частот, воспринимаемых глазом, делающий окружающий мир видимым»*: солнечный свет, электрический свет, а также *источник освещения* (зажечь свечу); *ласкательное обращение* (ты мой свет); *с точки зрения чего-либо* (в свете чего). Во второй словарной статье *свет* – это *земля, мир, вселенная* (путешествие вокруг света, появиться на свет, выйти в свет – о

печатном издании); *люди, населяющие землю* (всему свету известно), *общество* (выйти в свет, свет как дворянское общество); *далеко-близко* (ближний свет), *загробная и земная жизнь* (тот свет/этот свет, конец света) (Ожегов 1987: 609). В первой словарной статье есть указания посредством употребления фразеологизмов на наличие таких переносных значений, как *ученье* (ученье – свет, неученье – тьма), а также *правда, истина* (свет правды, пролить свет, представить) и *свет духовный* (лицо осветилось внутренним светом - перен.: стало одухотворенным)» (там же).

В «Толковом словаре» Д. Ушакова также приводится несколько значений слова *свет*. В первой статье *свет* – это «*лучистая энергия, воспринимаемая глазом и делающая окружающий мир доступным зрению, видимым*» (преломление света; потоки света; в окнах зажегся свет и пр.); «*место, откуда исходит освещение, направление светового луча*» (Подойдите поближе к свету); «*пролить или бросить свет на что*» (книжн.) – перен. разъяснить что-н., *сделать доступным для понимания, дать возможность понять, познать что-н.* (Это открытие бросает свет на многие явления, остававшиеся непонятными); «*свет глаз – блеск глаз, выражение какого-н. (доброто, нежного и т. п.) внутреннего состояния*» (книжн.)» (ТСУ: URL).

Во второй словарной статье *свет* – это «*мир, земля, вселенная*» (свет не без добрых людей); «*окружающие люди, общество, общественная среда*» (всему свету известно); «*ограниченный круг людей, принадлежащих к привилегированным классам, то же, что общество в 5 знач.*» (дореволюц. устар.). («Я модный свет ваш ненавижу». Пушкин); «*выпустить или издать в свет что*» (книжн.). – издать, опубликовать для всеобщего сведения, пользования (выпустить в свет книгу); «*явиться (появиться) на свет или увидеть свет*» – 1) *родиться* («Явился он на свет божий, помнится, в 1828 году, в родовом поместье своего отца». Тургенев); 2) перен. *возникнуть, появиться; реализоваться; появиться в печати* (задуманная поэма не явилась на свет) (там же).

Рассмотрев значения слова *«свет»* в толковых словарях, мы приходим к выводу, что слово *свет* имеет несколько прямых и переносных значений, зависящих от контекста. Основным значением слова «свет» является *лучистая энергия, которая воспринимается глазом и делает окружающий мир доступным зрению, видимым*. Вторым, часто употребляющимся значением, является *свет как мир, Земля, Вселенная*, а также значения *свет истины, свет разума*.

В словарях С. И. Ожегова и Д. Ушакова, написанных в советский период, не актуализированно такое важное для русской культуры значение, как «божественный свет», отмеченное словарями древнерусского периода (В. Даля, И. Срезневского).

Далее приступим к рассмотрению слова *«тьма»*. Словарь В. Даля отсылает нас к слову «темь»: «ТЕМЬ ж. тьма, темень, темнед(т)ь; пск. темина, вологодск. темнесь, кур. темрива ж. и темриво ср. темрей м. орл. – кур. темки об. мн. темнота ж. *отсутствие света, мрак, потьмы, потемок, потемки, в разных степенях*» (ТСЖВЯ: URL). Также приведены следующие значения: *«темь, тьма, невежество, неразвитость умственная, неученье* (ученье свет, неученье тьма); *несчетное множество* (Тма тмущая народу сошлось); *«темнота, неясность, непонятность чего, темнота выражений, речи, несведущий, неученый, невежда; неграмотный»* (Мы люда темные, книжным ученьем обойдены)» (там же).

В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой «тьма» имеет два основных значения: *«отсутствие света, мрак* (Город погрузился во тьму (погасли все огни); перен. *невежество, культурная отсталость* (устар.), (прозябать во тьме); также приводится: *«в Древней Руси: десять тысяч. 2. ед. чего; то же, что множество* (в 1 знач.) (разг.). (Тьма-тмущая (разг.))» (ТСРЯ: URL).

«Толковый словарь» Д. Н. Ушакова также предлагает два основных значения слова тьма. Эти значения схожи с теми, что приведены в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой: 1) *«отсутствие*

света, освещения, мрак», в переносном значении: «*невежество, необразованность, культурная отсталость*» (ТСУ); 2) «*десять тысяч* (старин.)» а также «*множество* (разг.)» или «*великое множество* (разг.)» (там же).

Таким образом, можно выделить два основных устоявшихся понятийных значения слова *тьма* в русской лингвокультуре: 1) *отсутствие света, мрак*; 2) разговорное: *множество чего-либо, неисчислимое количество*.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что устоявшимися понятийными значениями слову *свет* являются: *состояние, противоположное тьме, источник освещения*, на периферии оказываются: *вера (свет веры), ученье, счастье, радость, Божественная истина, земля, мир, вселенная, общество*. Ядерным значением для *тьмы* является *отсутствие света*, на периферии: *невежество, неразвитость, необразованность, множество*.

2.1.2. Текстовый этап: образно-перцептивная зона концептов *свет* и *тьма* и ее формирование в диахронии в «сильных» текстах культуры

2.1.2.1. Компоненты образно-перцептивной зоны структуры концептов *свет* и *тьма* в русских фольклорных текстах

Концепты *свет* и *тьма* в русской лингвокультуре являются древними и неотделимыми друг от друга концептами. Их можно назвать базовыми, так как с ними, как правило, ассоциируются такие понятия как *добро и зло, день и ночь, жизнь и смерть*. Не только в русской, но и во многих других культурах, понятия *света* и *тьмы* являются основными, они образуют смысловые доминанты древних (фольклорные тексты, библейский текст), а также художественных текстов, принадлежащим к т.н. «сильным» текстам культуры (термин В. Н. Топорова), являющихся источником вечных смыслов, устоявшихся архетипов, концептов, прецедентных феноменов.

Будучи, с одной стороны, универсальными, т.к. связаны с первичными глобальными первостихиями, концепты *свет* и *тьма* являются также базовыми, национальными, их смысловое наполнение в разных культурах может не совпадать или совпадать частично. Наблюдение над особенностями восприятия и отражения этих концептов в фольклорных текстах, зафиксировавших мифологическое сознание, которое, по свидетельству М. М. Маковского (Маковский 1996: 3), досталось нам в наследство с языком и текстами, является необходимым компонентом анализа древних концептов, так как позволяет увидеть истоки формирования структуры концептов *свет* и *тьма*.

В русском фольклоре свое начало данные концепты берут с мифологии древних славян, ведь противоположность света и тьмы, тепла и холода, весны и зимы не могла не привлечь внимание людей (Афанасьев 2014: 45). Древние люди олицетворяли природные явления, наделяли человеческими чувствами неодушевленные предметы, дабы объяснить то, что для них было непонятно, недостижимо, волшебным. Таким образом, небо стало богом по имени Сварог, это верховный бог, владыка Вселенной, от него произошли другие светлые боги. Так как на небе люди видели тучи, молнию, солнце и прочее, они придумали и других богов: *Дажьбог* – бог солнца, сын Сварога («дажь» – день, свет), другой сын Сварога, *Сварожич* – олицетворение огня и так далее (Афанасьев 2014: 48).

Солнце исчезает вечером и вновь появляется утром, освещая все вокруг и пробуждая все живое, поэтому славяне почитали солнце как божество, божество бессмертное, вечно чистое, милосердное (Афанасьев 2014: 49). Имя солнца даже стало синонимом счастья, например, в русской поговорке: «*Взойдет солнце и к нам на двор*» ясно прослеживается именно такая ассоциация. В русских народных сказках, на которых мы остановимся позднее, главные герои во время преодоления невзгод зачастую обращаются за помощью к небесным светилам – солнцу, луне, звездам, однако солнце – это

не только источник света и всех благ, но также и «жестокий каратель», несущий засуху и неурожай (Афанасьев 2014: 49 – 50).

Зачастую люди представляли *Солнце* и *Месяц* как брата и сестру или как супругов. Солнце казалось людям небесной царицей, сияющей своей чистой красотой, Месяц же – супруг или брат Солнца, обладающий переменчивым характером. В тех преданиях, в которых Солнце и Месяц – супруги, звезды являются их детьми (Афанасьев 2014: 52).

Гром и молния также получили своего бога – *Перуна*, молнии стали его мечом и стрелами, радуга – луком, тучи – одеждой, гром – его речью. Грозы ассоциировались у древних людей не только с могучим богом, который гневается на них, но и с *борьбой света и тьмы*, поэтому в древнерусском фольклоре грозы зачастую сопоставляются с войной (Афанасьева 2017).

Так как ночью становится темно и холодно, все живое засыпает, жизнь словно останавливается, темнота стала казаться людям творением нечистой, злой силы, а слова, означающие свет и тепло стали выражением положительных явлений и понятий (*счастье, здоровье, красота, богатство*). Слова же, означающие тьму и холод, стали выражать негативные понятия и явления (*зло, несчастье, болезнь, нищета*) (Афанасьев 2014: 62).

Все природные явления, таким образом, олицетворялись с определенными богами, которые были «светлыми» и «темными», и, разумеется, между ними на протяжении многих веков велась борьба (Васильченко 2002: 13).

Прямым олицетворением *света* и *тьмы* были такие боги, как *Белобог* и *Чернобог*, являющиеся братьями-близнецами. *Белобог* считался «*богом дневного, весеннего, ясного неба, дневного света, удачи и счастья*», он мог явиться заблудшим путникам и помочь им выйти из дремучего леса, но только при дневном свете (Белякова 1995: 260). Белобог описывается голубоглазым, светловолосым, гибким и высоким. *Чернобог* – *бог тьмы, несчастий, разрушения*. Он также высок, но обладает широкими плечами, его волосы длинные и черные, глаза черные и большие (Боянова 2012: 28). Чернобог был

послан Родом для того, чтобы поддерживать равновесие в мире Нави, где живут темные боги, и разрушать то, чего не должно быть в Яви, мире людей. Противостояние двух братьев, по словам их отца, Рода, необходимо для того, чтобы подталкивать людей к развитию, а также поддерживать мир в постоянном движении (Боянова 2012: 29).

Таким образом, мы можем увидеть, что уже с древних времен люди считали, что *свет* и *тьма* должны постоянно бороться друг с другом, а также замечаем, что свет всегда побеждает тьму, преодолев при этом некоторые трудности. То же наблюдается и в сказках, которые появились немного позднее мифов, но, разумеется, неразрывно связаны с ними. В сказках данные концепты проявляются по-разному: как *день* и *ночь*, *добро* и *зло*, *тепло* и *холод*.

Примером проявления концептов *свет* и *тьма* как *день* и *ночь* могут служить приведенные ниже отрывки из сказки «**Василиса Прекрасная**». «*Вдруг скачет мимо ее всадник: сам **белый**, одет в **белом**, конь под ним **белый**, и сбруя на коне **белая**, – на дворе стало **рассветать***» (Афанасьев 2008: 139). Белый всадник здесь олицетворяет день. Далее красный всадник олицетворяет солнце, рассвет: «*Идет она дальше, как скачет другой всадник: сам **красный**, одет в **красном** и на **красном** коне, – стало **всходить солнце***» (там же). И, наконец, *черный* всадник – *ночь*: «*Вдруг едет опять всадник: сам **черный**, одет во всем **черном** и на **черном** коне; подскакал к воротам бабы-яги и исчез, как сквозь землю провалился, – настала **ночь**. Но **темнота** продолжалась недолго: у всех черепов на заборе **засветились глаза**, и на всей поляне стало **светло, как среди дня***» (там же). Можно отметить, что, как мы видим, тьма непроглядной в сказке не осталась, а все же была освещена светом, пусть он и исходил от зловещих черепов.

Говоря о свете и тьме, необходимо упомянуть их фольклорные ассоциаты – *тепло* и *холод*, *добро* и *зло*. Так, в сказке «**Морозко**» добрая девочка говорит о том, что ей *тепло* в лесу: «*Девушка сидит под елью, дрожит, озноб её пробирает. Вдруг слышит – невдалеке Морозко по ёлкам*

потрескивает, с ёлки на ёлку поскакивает, пощёлкивает. Очутился на той ели, под которой девица сидит, и сверху её спрашивает:

– *Тепло ли тебе, девица?*

– *Тепло, Морозушко, тепло, батюшка»* (Русские народные сказки и былины 2018: 126). В то время как злая девочка отвечает, что замерзла: *«Ещё ниже спустился Морозко, сильнее приударил, затрещал, защёлкал:*

– *Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?*

– *Ой, совсем застудил! Сгинь, пропади, проклятый Морозко!»* (Русские народные сказки и былины 2018: 129). Грубая девочка была наказана – Морозко заморозил ее до смерти, а добрую девочку вернул к жизни, наградив золотом и серебром.

Компонентами концепта *свет* являются небесные светила, особенно солнце, которое имеет целый набор ассоциативных значений. Например, *солнце* может служить синонимом красоты, как в сказке **«Царевна-лягушка»**: *«Подъехала карета к крыльцу, и вышла из нее Василиса Премудрая – сама как солнце ясное светится. Все на нее дивятся, любят, от удивления слова вымолвить не могут»* (Аникин 1978: 312). Небесные светила могут одушевляться или олицетворяться с добрым молодцем, с силами добра, как в сказке **«Солнце, Месяц и Ворон Воронович»**: *«Как бы Солнышко обогрело, как бы Месяц осветил, как бы Ворон Воронович пособил мне крупку собрать – за Солнышко отдал бы старшую дочь, за Месяца среднюю, за Ворона Вороновича младшую!»* (Русские народные сказки и былины 2018: 121).

Со *светом* ассоциируется такой персонаж, как **Жар-птица** – не только яркий, полыхающий огнем, но и символ чуда, радости, счастья. В **«Сказке об Иване-царевиче, Жар-птице и о сером волке»** можно увидеть описание Жар-птицы (*«Повадилась к царю Выславу в сад летать жар-птица; на ней перья золотые, а глаза восточному хрусталию подобны»*) (Аникин 1978: 383). *«На третью ночь пошел в сад караулить Иван-царевич и сел под ту же яблонь; сидит он час, другой и третий – вдруг осветило весь сад так, как бы он многими огнями освещен был: прилетела жар-птица, села на яблоню и*

начала щипать яблочки» (Аникин 1978: 385) и ее **чудесных** перьев («*Это перо было так чудно и светло, что ежели принести его в темную горницу, то оно так сияло, как бы в том покое было зажжено великое множества свеч*» (там же).

Однако Жар-птица ассоциируется не только со светом и его ассоциатами, но и с тьмой и ее ассоциатами в русской народной сказке – *смертью, бедой* (*золотое перо жар-птицы возьмешь – горе узнаешь*). В сказке «**Жар-птица и Василиса-царевна**» опасные приключения стрельца начинаются как раз с того, что он находит перо Жар-птицы и, несмотря на предупреждение, берет его с собой: «*Раз поехал стрелец на своем богатырском коне в лес поохотиться; едет он дорогою, едет широкою – и наехал на золотое перо жар-птицы: как огонь перо светится! Говорит ему богатырский конь: «Не бери золотого пера; возьмешь – горе узнаешь!»*» (Афанасьев 2008: 403). После того, как царь увидел перо, он приказал стрельцу найти саму Жар-птицу, невыполнение приказа – смерть: «*Спасибо! – говорит царь. – Да уж коли ты достал перо жар-птицы, то достань мне и самую птицу; а не достанешь – мой меч, твоя голова с плеч!*» (Афанасьев 2008: 404). После этого богатырский конь сообщает стрельцу, что он его предупреждал об этом, а дальше будет еще хуже: «*Я ж тебе говорил: не бери пера, горе узнаешь! Ну да не бойся, не печалься; это еще не беда, беда впереди!*» (там же). После выполнения поставленной задачи, царь приказывает отыскать Василису-царевну, иначе его ждет **смерть**: «*Коли ты сумел достать жар-птицу, так достань же мне невесту: за тридцать земель, на самом краю света, где восходит красное солнышко, есть Василиса-царевна – ее-то мне и надобно. Достанешь – златом-серебром награжу, а не достанешь – то мой меч, твоя голова с плеч!*» (Афанасьев 2008: 405).

Концепты *света* и *тьмы* связываются в сказке и с образами персонажей. Если Иван-царевич, Василиса-царевна, Марья Моревна, Елена Прекрасная, Василиса Премудрая, Жар-птица, богатырский конь и др. олицетворяются с

образами света и являются положительными персонажами, то к силам *тьмы* обычно относят злых духов – Кощея/Кашея, Змея Горыныча и Бабу-ягу.

Баба-яга является неоднозначным персонажем, так как в некоторых сказках («**Василиса Прекрасная**», «**Царевна-лягушка**», «**Марья Моревна**», «**Перышко Финиста Ясна Сокола**») она является помощницей главных героев (даже если до этого она поедала заблудших путников), а в других она – отрицательный персонаж («**Гуси-лебеди**», «**Баба-яга**» и др.), с которым и ассоциируется в русской культуре ее имя. Образ смерти-тьмы тесно связан с образом Бабы-яги, так как ее жилище, как правило, окружено частоколом из человеческих костей и черепов, которые, в свою очередь, ассоциируются со смертью: *«Василиса прошла всю ночь и весь день, только к следующему вечеру вышла на полянку, где стояла избушка яги-бабы; забор вокруг избы из человеческих костей, на заборе торчат черепа людские, с глазами; вместо дверей у ворот – ноги человечески, вместо запоров – руки, вместо замка – рот с острыми зубами»* (Афанасьев 2008: 139).

Кощей Бессмертный (в сказках как «**Царевна-лягушка**», «**Царевна-змея**», «**Марья Моревна**», «**Кощей Бессмертный**» и пр.) предстаёт как персонаж отрицательный, жадный, злой, похититель царевен и жестокий человек и ассоциируется в русском сознании с силами тьмы. Он обитает в царстве мертвых, а с ним обычно у людей возникают негативные ассоциации. Он является правителем подземного царства *тьмы*, однако может быть и пленником подземелья, как, например, в сказке «**Марья Моревна**»: *«Он не вытерпел: как только Марья Моревна уехала, тотчас бросился в чулан, отворил дверь, глянул – а там висит Кощей Бессмертный, на двенадцати цепях прикован»* (Русские народные сказки и былины 2018: 201). Кощей в сказках крадет девиц в свое царство, после чего их спасают женихи, или сыновья (как в сказке «**Кощей Бессмертный**»). Есть предположение, что путешествие в загробный мир означает обряд инициации, после которого девушки и юноши на Руси получали право выходить замуж и жениться соответственно (Гудкова: URL).

Змей Горыныч также является отрицательным персонажем, ассоциируемым с силами *тьмы/зла/врага*. Он крадет скот и прекрасных девиц, докучает людям, нападает на их селения. В сказках **«Хрустальная гора»**, **«Никита Кожемяка»** и прочих он предстает как злое существо, которое в итоге погибает от рук главного героя: *«Змей осерчал, вместо шести захватил двенадцать коров; а царевич обратился ясным соколом, бросился на змея и снял у него шесть голов»* (Аникин 1978: 474). А также: *«В старые годы появился невдалеке от Киева страшный змей. Много народа из Киева потаскал в свою берлогу, потаскал и поел. Утащил змея и царскую дочь, но не съел ее, а крепко-накрепко запер в своей берлоге»* (Аникин 1978: 511).

Анализируя русские народные сказки, можно убедиться, что проявления *тьмы* (туча черная, гроза страшная, гром грянул, раздвоился потолок, туча с вихрем) могут быть связаны с проявлениями *света* (влетел ясен сокол, орел, ворон, сделался добрым молодцем и посватался), например, в сказке **«Марья Моревна»** вслед за темными тучами, грозой и громом, появляются женихи для царевен, которые берут их замуж и живут затем в счастье и радости: *«Вдруг находит на небо туча черная, встает гроза страшная. «Пойдемте, сестрицы, домой!» – говорит Иван-царевич. Только пришли во дворец – как грянул гром, раздвоился потолок, и влетел к ним в горницу ясен сокол, ударился сокол об пол, сделался добрым молодцем и говорит: «Здравствуй, Иван-царевич! Прежде я ходил гостем, а теперь пришел сватом; хочу у тебя сестрицу Марью-царевну посватать»* (Афанасьев 2008: 339). Далее снова: *«Опять встает туча с вихрем, с молнией. «Пойдемте, сестрицы, домой!» – говорит царевич. Только пришли во дворец – как ударил гром, распалась крыша, раздвоился потолок, и влетел орел; ударился об пол и сделался добрым молодцем: «Здравствуй, Иван-царевич! Прежде я гостем ходил, а теперь пришел сватом»* (Афанасьев 2008: 340). И наконец: *«Погоуляли немножко; опять встает туча с вихрем, с молнией. «Вернемся, сестрица, домой!» Вернулись домой, не успели сесть – как ударил гром, раздвоился*

потолок и влетел ворон; ударился ворон об пол и сделался добрым молодцем: прежние были хороши собой, а этот еще лучше» (там же).

В сказке «**Перышко Финиста Ясна Сокола**» после описания темного леса главная героиня находит избушку Бабы-яги, а затем ее сестер, которые помогают ей в пути. «*Опять идёт красная девица тёмным лесом – всё дальше и дальше, а лес все чернее и гуще, верхушками в небо вьётся. Уж третьи башмаки истаптываются, третий колпак изнашивается, последний костыль ломается, и последняя просвира изглодана. Стоит чугунная избушка на курьих ножках – то и дело поворачивается»* (Русские народные сказки и былины 2018: 137).

Наличие таких оппозиций в сказках говорит о том, что для обретения света (*добро, счастье, радость, жизнь*) необходимо пройти испытания тьмой (*страх, смерть, страдание, зло, горе, беда* и пр.).

Следовательно, данные концепты в русском фольклоре имплицитно важны – *идею преобразования* как результат противоборства света и тьмы при неперемкнутой победе света как символа добра, счастья, светлой жизни. При этом концепты свет и тьма, связанные с образами и мотивами русских народных сказок и славянской мифологии, обретают в них следующие ядерные значения: *свет* – добро, счастье, радость, тепло, жизнь; *тьма* – зло, горе, беда, смерть, страдание, холод. В периферийной зоне находятся перцептивные компоненты: *свет* – красота, здоровье, удача, женитьба, замужество, обретение необходимого; *тьма* – страх, болезнь, неудача.

2.1.2.2. Компоненты образно-перцептивной зоны структуры концептов свет и тьма в библейском тексте-источнике

Концепты *свет* и *тьма* занимают одно из главных мест не только в мифологической и языковой картинах мира, но и в религиозной, лежащей в основе любой древней культуры. Каждая религия содержит сюжет о сотворении мира, в котором так или иначе присутствуют данные концепты. В каждой религии можно встретить противостояние света и тьмы, борьбу добра

со злом, с неизменной победой сил света, так как человек всегда верит в хорошее. Н. М. Орлова отмечает, что текст Библии говорит об общечеловеческой универсальности концептов «свет» и «тьма», так как создавался усилиями многих древних народов на разных языках (Орлова 2016). Следует отметить, что в Корее христианство впервые появилось в XVI веке, и, хотя первая попытка внедрения христианства была неудачной, в XVII и XVIII веках интерес корейцев к христианству возрос, сначала в Корею проник католицизм, а в конце XIX века прочно осел протестантизм, который по сей день процветает в Южной Корее наряду с буддизмом (Курбанов 2009). Поэтому рассмотрение библейского текста актуально для нашего исследования не только для изучения русской лингвокультуры, но и корейской.

В основе картины мира представителей русской лингвокультуры, как отмечали религиозные философы Серебряного века (В. Соловьев, Н. Бердяев, Д. Розанов, о. П. Флоренский, кн. Е. Трубецкой) и неоднократно указывал В. В. Колесов, говоря о наличии весомого теократического компонента в русской ментальности, лежит православие, истоком которого является библейский текст – как ветхозаветный, так и новозаветный. По утверждению Н. М. Орловой, «формирование концептов происходит в Библии, прежде всего в тексте Ветхого Завета, и представляет собой системность высшего порядка» (Орлова 2016: 63), которая затем транслируется в культуру, ее тексты и язык, представляя собой, как и прецедентные феномены, «динамический конструкт» (там же).

В библейском тексте, согласно мнению Н. М. Орловой, с образом *света* ассоциируются следующие понятия: *Бог, солнце, луч света, луна, звезды, светильник, день, святой, священный, огонь разум, лик (светлый и святой), добро, любовь, жизнь, светоч, истина, правда, озарение, знание, чистота, святость, искра (Божия), радость, счастье, слово, бессмертие, вечность, премудрость, светлый – святой, свет (земной шар), солнце евангельское, рай, эдем* и другие (Орлова 2016: 63).

К слову «*тьма*» автор приводит следующие ассоциации: *сатана, антихрист, Вельзевул, ад, богохульство, голгофа, геенна, апокалипсис, грех, искушение, лицемерие, Вавилон, мщение, рабство, голод, засуха, ненависть, злоба, ложь, незнание, умственная (нравственная) тьма, князь тьмы, неволя, казнь, темница, болезнь, смерть и другие* (там же).

Наблюдение над развитием ассоциативного фона концептов *света* и *тьмы*, источником которых для многих культур, включая русскую и, очевидно, в какой-то мере корейскую, являются ключевые прецедентные ситуации библейского текста, обратимся к первому сюжету первой книги Ветхого Завета «Бытие», приписываемой пророку Моисею и входящей в состав его Пятикнижия (Торы в иудаизме). Первая прецедентная ситуация, которую мы в ней встречаем – это фрагмент о сотворении мира, где заложены концепты *свет* и *тьма* как глобальные первостихии, обретающие аксиологические концептуальные признаки как в самом тексте Библии – ее последующих сюжетах и образах, так и в текстах культуры, в основе становления которых лежат авраамические религии, в том числе – христианские.

Ниже приведен анализируемый фрагмент с выделенными ключевыми вехами текста:

«В начале сотворил Бог небо и землю.

Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою.

И сказал Бог: да будет свет. И стал свет.

И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы.

И назвал Бог свет днём, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один.

И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды.

И создал Бог твердь, и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так.

И назвал Бог твердь небом. И был вечер, и было утро: день второй.

И сказал Бог: да соберётся вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. И стало так.

И назвал Бог сушу землёю, а собрание вод назвал морями. И увидел Бог, что [это] хорошо.

И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя дерево плодovitое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. И стало так.

И произвела земля зелень, траву, сеющую семя по роду её, и дерево, приносящее плод, в котором семя его по роду его. И увидел Бог, что [это] хорошо.

И был вечер, и было утро: день третий.

И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной для отделения дня от ночи, и для знамений, и времён, и дней, и годов; и да будут они светильниками на тверди небесной, чтобы светить на землю. И стало так.

И создал Бог два светила великие: светило большее, для управления днём, и светило меньшее, для управления ночью, и звёзды; и поставил их Бог на тверди небесной, чтобы светить на землю, и управлять днём и ночью, и отделять свет от тьмы. И увидел Бог, что [это] хорошо. И был вечер, и было утро: день четвёртый» (Быт. 1: 1 – 19).

Смысловыми доминантами прецедентной ситуации «Сотворение мира», как показывают ключевые лексемы текста, являются первостихии света и тьмы (*И отделил Бог свет от тьмы*), обретающие черты концептуализации уже в этой прецедентной ситуации за счет следующих компонентов: **воля, дух, разум** (*И дух Божий носился над водою; Да будет!*) - **хаос, стихия** (*И тьма над бездною*); **небесное** (*Дух Божий, НАД водою*) – **земное** (*Земля же была вся безвидна и пустынна*); **вода – твердь/земля/суша; день - ночь; утро - вечер.** В данном отрывке еще нет аксиологических оппозиций *добра и зла*, а также *жизни и смерти* и др., т.к. мир пока абсолютен по своей чистоте и творится согласно Божественному замыслу, однако уже здесь заложена пропозиция их дальнейшей аксиологической эквиполентности как библейских концептов и концептов культуры, которые начнут развиваться уже в следующих

библейских сюжетах, ставших прецедентными ситуациями для всех христианских культур.

Так, в прецедентной ситуации первородного греха Адам и Ева под влиянием *змея-искусителя* ослушались завета **Бога** и съели запретный плод с древа познания добра и зла, за что были наказаны самым страшным наказанием – смертью (*«Ибо прах ты и в прах возвратишься»* - Быт 3: 19), о чем были предупреждены Богом заранее: *И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого древа в саду ты будешь есть, но от древа познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь* (Быт. 2: 16 – 17). Ключевые вехи данного фрагмента текста и всей прецедентной ситуации первородного греха вводят новые, аксиологические ассоциаты образов света и тьмы как библейских концептов, вступающих в отношения оппозиции: **добро – зло, Бог – антихрист/змей-искуситель, жизнь – смерть, рай – ад/земля** (как изгнание из рая за вину первородного греха).

В прецедентной ветхозаветной ситуации о Каине и Авеле, являющейся следствием первородного греха, библейские концепты *света* и *тьмы* наращивают свою ассоциативную структуру, дополняясь оппозиционными компонентами **греха - безгрешия/чистоты**:

*Адам познал Еву, жену свою; и она зачала, и родила **Каина**, и сказала: приобрела я человека от Господа.*

*И еще родила брата его, **Авеля**. И был Авель пастырь овец, а Каин был земледелец.*

*Спустя несколько времени, Каин принес от плодов земли дар Господу, и Авель также принес от первородных стада своего и от тука их. **И призрел Господь на Авеля и на дар его, а на Каина и на дар его не призрел. Каин сильно огорчился, и поникло лице его.***

И сказал Господь [Бог] Каину: почему ты огорчился? и отчего поникло лице твое?

Если делаешь доброе, то не поднимаешь ли лица? а если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним. И сказал Каин Авелю, брату своему: [пойдем в поле]. И когда они были в поле, **восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его** (Быт. 4: 1 – 8).

Образ Каина ассоциируется с образом убийцы и злодея, образ Авеля – с образом Иисуса Христа, агнца, невинной жертвы, и с его распятием как воплощением этого образа. Сюжет о Каине и Авеле является одним из параллельных сюжетов библейского текста, смысловые линии которого стягиваются к его ключевому событию – Распятию Иисуса Христа, описанному в евангельских текстах Нового Завета.

Сюжет Распятия представлен во всех в четырех Евангелиях – Евангелии от Матфея (Мф. 27: 33 - 56), Марка (Мк. 15: 22 – 41), Луки (Лк. 23: 33 – 49), Иоанна (Ин. 19: 17 – 37). Евангелисты Марк, Матфей и Лука «описывают его с различных ракурсов, дополняя друг друга» и связывают Распятие с образом **тьмы** (Самохвалова 2015: 89): *От шестого же часа тьма была по всей земле до часа девятого* (Мф. 27: 45); *В шестом же часу настала тьма по всей земле и продолжалась до часа девятого* (Мк. 15: 33); *Было же около шестого часа дня, и сделалась тьма по всей земле до часа девятого: И померкло солнце, и завеса в храме разодралась посредине* (Лк. 23: 44-45).

Новозаветный концепт **тьма** в евангельских текстах дополняется компонентами **смерти, страдания, мучения и скорби**: *А около девятого часа возопил Иисус громким голосом: Или, Или! лама савахвани? то есть: **Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?*** (50) *Иисус же, опять возопив громким голосом, испустил дух* (Мф. 27.33-54); *Отче! **В руки Твои предаю дух Мой.*** И сие сказав, *испустил дух* (Лк. 23: 46); *И шло за ним великое множество народа и женщин, которые плакали и рыдали о нем* (Лк. 23: 27); ***Воины, напоив уксусом губку и наложив на иссоп, поднесли к устам Его*** (30) *Когда же Иисус вкусил уксуса, сказал: совершилось! И, преклонив главу, предал дух;* (35) *Но один из воинов копьем пронзил ему ребра, и тотчас истекла кровь и вода* (Ин. 19.30, 35-36).

Доминантой смыслового поля концепта тьма в евангельском событии Распятия становится компонент *страдание*, который подчеркивает одновременно и безвинность жертвы Иисуса Христа. Акт самопожертвования ради людей отмечен в Евангелии от Иоанна, где истекшая из его раны вода омывается его кровью. Вода символизирует человеческие грехи, идущие еще от всемирного потопа и впитанные Иисусом Христом при крещении в водах Иордана. Во время распятия, когда сотник Лонгин дважды пронзил копьем тело Иисуса, из него *«тотчас истекла кровь и вода»* (Ин. 19: 36).

В Распятии, по мнению В. Кустова, «сосредоточились все события духовной истории человечества от Адама до Христа, от грехопадения человека до искупления первородного греха, от потери земного рая до обретения Царствия Небесного, от земной жизни человека до жизни вечной, от смерти до Воскресения» (Кустов 2011: URL). Этот образ, смысловые линии которого развиваются в оппозициях *света* и *тьмы*, стал вечным образом русской культуры, воплощенным в одном из ее невербальных текстов – иконе **Дионисия «Распятие»**. Дионисий, «обращаясь к скорбному евангельскому событию, вывел на первый план семантику другого события – Воскресения, создав величайший образ, наполненный глубинными смыслами, актуальными для русской культуры. В этом образе, соединяющем сакральное и духовное, божественное и человеческое, крайний трагизм переходит в радость обновления земного начала, одухотворения человека (необыкновенное свечение золотого фона, поза Спасителя, вытянутость линий в пропорциях 1:11). Смерть становится символом бессмертия, крест страдания – деревом жизни и символом духовного возрождения, образ Распятия – Воскресением. Согласно трактовке Дионисия, *страдание выводит на новую ступень – радости духовного возрождения, восхождения человека»* (Самохвалова 2015: 88).

Для Дионисия было важно не столько передать трагизм и ужас происходящего, сколько подчеркнуть то, что после Распятия последует Воскресение и откроется тайна Пасхальной радости (Языкова 1995: 127).

Смерть здесь несет смысл не конца жизни, а, наоборот, начала бессмертия. Через страдание достигается духовное возрождение. Как отмечает Л. Д. Самохвалова: *«Текст иконы Дионисия стал воплощением ядерных семантических оппозиций Распятия как вечного образа русской культуры – жизни-смерти, радости-страдания, чистоты-греха, света-тьмы, небесного-земного с доминирующим первым компонентом, а также усилил семантику духовного возрождения, неизбежность которого заложена в самой идее крестного пути – страдании, скорби, жертвенной любви»* (Самохвалова 2015: 95).

Сюжет о Распятии имеет множество скрытых смыслов и хранит в себе не только значение *света* как духовного очищения, Воскресения, искупления грехов, а *тьмы* – как грехов рода человеческого, но и особое восприятие *тьмы* как «сверхсветлой тьмы». Так, преодолевая страдания, Иисус пришел к свету через тьму.

Не случайно уже в библейском тексте Бог (как единосущная Троица) ассоциируется с образом *света*, в Псалтири Ветхого Завета – *«Господь – свет мой и спасение мое: кого мне бояться? Господь – крепость жизни моей: кого мне страшиться?»* (Пс 26: 1), в Новом Завете – *«И вот благовестие, которое мы слышали от него и возвещаем вам: «Бог есть свет и нет в нем никакой тьмы»* (1 Ин 1: 5). При этом, как пишет М. А. Садыкова в Ветхом Завете и свет, и тьма могут сопровождать явление Бога, они противопоставлены, но и взаимосвязаны. В Новом Завете *свет* приобретает новое значение – духовное спасение через веру и вечная жизнь для души (Садыкова 2007: 173). В Евангелии от Иоанна Иисус говорит о себе *«Я, свет, пришел в мир, чтобы всякий верующий в Меня не оставался во тьме»* (Ин 12, 46). По словам святого Павла, *«Бог, повелевший из тьмы воссиять свету, озарил наши сердца»* (2 Кор 4, 6).

В русской лингвокультуре образ *света*, по утверждениям С. В. Первухиной, также имеет прямую референцию к Иисусу Христу, сравнение Иисуса со светом приходит и через метафору «храм – алтарь – освещение в

храме» (Первухина 2003). Как отмечает М. А. Садыкова, и с ней невозможно не согласиться, «свечи являются неотъемлемым атрибутом храма – прототипного места религиозного дискурса» (Садыкова 2007: 172), кн. Е Трубецкой называл пламя свечи и ассоциируемый с ним купол русского храма «горением ко Христу» (Трубецкой 1993). Т. Е. Литвиненко подчеркивает, что характерное для христианских культур выражение *свет веры* обозначает великий дар, принесенный Иисусом», а также «позволяет выделить в данной сфере один из ее важных компонентов: слот *источник света*, дискурсивным знаком которого выступает здесь имя Бога-Сына» (Литвиненко 2015: 81).

Таким образом, смысловыми ассоциатами концептов *света* и *тьмы* в библейском тексте становятся *воля, дух, разум – хаос, стихия; небесное – земное; вода – твердь/земля/суша; день – ночь; утро – вечер; добро – зло, Бог – антихрист/змей-искуситель; жизнь – смерть; рай – ад/земля; безгрешие – грех; радость – скорбь/страдание*, а смысловой доминантой – образ Распятия как победы света над тьмой, как идеи духовного преображения скорбью, страданием, постижением небесного образца жертвенной любви, Бога как света.

Такое восприятие тесно связано с актуальным для русской культуры религиозно-философским течением исихазма (от др.-греч. ἡσυχία, «молчание, тишина, уединение»), возникшим в Византии под влиянием взглядов Григория Паламы в XIV веке. Это течение, воспринятое на Руси Сергием Радонежским, отражает суть православного аскетизма и заключается в попытке посредством молитвенной практики и отрешения от суеты постичь Свет Бога, каким его увидели апостолы во время преображения Иисуса Христа на горе Фавор. Как пишет И. И. Евлампиев, «действие мировоззренческого "заряда", переданного русской культуре исихазмом, не ограничилось средневековьем <...>, принципы этой традиции могут быть обнаружены практически в любую эпоху и у совершенно различных художников и мыслителей. Именно поэтому понимание исихазма не просто как течения в православном богословии, а как универсальной мировоззренческой парадигмы, сохранившей свое влияние до

наших дней, представляет собой первостепенную задачу, без осмысления которой невозможно понять не только развитие культуры средневековой Руси, но и все последующее развитие русской культуры» (Евлампиев: URL).

Отголоски течения исихазма и библейского восприятия *света* и *тьмы* находим и в рассказе И. А. Бунина «Чистый понедельник», где концепты *света* и *тьмы* находятся в позиции лейтмотивов. К этому рассказу мы и обратимся ниже.

2.1.2.3. Компоненты образно-перцептивной зоны структуры концептов *свет* и *тьма* в лейтмотивной оппозиции рассказа И. А. Бунина «Чистый понедельник»

Рассказ И. А. Бунина «Чистый понедельник» опубликован 12 мая 1944 года и входит в цикл «Темные аллеи». Как уже упоминалось в первой главе, концепты реконструируются и в художественном тексте. Данное произведение было выбрано в связи с тем, что концепты *свет* и *тьма* в нем занимают лейтмотивную позицию, позволяя выявить особенности их репрезентации в тексте, где отражена не только узувальная, индивидуально-авторская, но и универсальная для представителей русской культуры картина мира. Процедура анализа концептов в художественном тексте, на наш взгляд, совпадает с процедурой анализа его мотивной структуры в аспекте лингвистики текста, устанавливающей смысловые вехи текста с опорой на особенности употребления языковых средств, преобразующих в тексте свои значения (Рогова 2011: 9). При выявлении структуры текстовых концептов большая роль принадлежит ключевым словам, организующим мотивы текста и являющиеся ассоциатами-репрезентантами концептов, т.к., согласно мнению К. А. Роговой, мотив и концепт в тексте относятся к явлениям одного порядка (Рогова 2011: 11). Исходя из сказанного, процедура анализа может быть сведена к следующей схеме: **мотив – цитаты – ключевые слова – концепт и его текстовые репрезентанты/ассоциаты.**

Уже в зачине рассказа заложена лейтмотивная оппозиция *света и тьмы*, позволяющая репрезентировать компоненты аналогичных концептов: *«Темнел московский серый зимний день, холодно зажигался газ в фонарях, тепло освещались витрины магазинов – и разгоралась вечерняя, освобождающаяся от дневных дел московская жизнь: гуще и бодрей неслись извозчичы санки, тяжелей гремели переполненные, ныряющие трамваи, – в сумраке уже видно было, как с шипением сыпались с проводов зеленые звезды, – оживленнее спешили по снежным тротуарам мутно чернеющие прохожие...»* (Бунин 2008: 774).

Именно тьма, а не свет дает жизнь, и вечерняя жизнь связывается с *оживленностью, суетой*, а сам концепт *тьмы* обретает не обнаруженный нами ранее в других источниках компонент *суета* (*темнел московский день, гуще и бодрей неслись извозчичы санки, тяжелей гремели переполненные, ныряющие трамваи, разгоралась вечерняя, освобожденная от дневных дел московская жизнь*).

Герой навещает героиню по вечерам, что снова отсылает нас к тому, что жизнь в городе начинает разгораться в темное время суток и ассоциируется у автора с суетой: *«Каждый вечер мчал меня в этот час на вытягивающемся рысаке мой кучер – от Красных ворот к храму Христа Спасителя: она жила против него; каждый вечер я возил ее обедать в «Прагу», в «Эрмитаж», в «Метрополь», после обеда в театры, на концерты, а там к «Яру» в Стрельну...»* (Бунин 2008: 774).

Вечерние и ночные развлечения главных героев в ресторанах и трактирах характеризуются лексемами интенсивности – *летающие санки, шумней становилось кругом в табачном дыму, мой кучер мчал меня*.

С мотивом *тьмы* связывается и мотив *загадочности, противоречивости* (*мутно чернеющие прохожие*), который лексически не выражен, но намечен в бинарных оппозициях *света и тьмы, тепла и холода*: *темнел, серый, сумрак, мутно чернеющие прохожие, холодно зажигался газ в фонарях, тепло освещались витрины, зеленые звезды, снежные тротуары,*

мутно чернеющие прохожие (Реброва, Самохвалова 2004). В описании внешности главной героини также присутствует лексика, соотносимая с *тьмой* – неоднократно повторяется лексема *черный* и даже присутствует намек на нечто *зловещее*: «*А у нее красота была какая-то индийская, персидская: смугло-янтарное лицо, великолепные и несколько зловещие в своей густой черноте волосы, мягко блестящие, как черный соболий мех, брови, черные, как бархатный уголь, глаза...*» (Бунин 2008: 775).

Таким образом, концепт *тьма* приобретает в рассказе И.А. Бунина такие ассоциаты, как *суета* (развлечения, рестораны, трактиры), *загадочность/противоречивость, холод, зло*.

Мотив *света* связывается с мотивом *покоя, молчания*, дневной жизнью героини, которая по утрам посещала курсы истории (прошлое, покой), много читала, была *молчалива* (она обычно молчала; была погружена в себя; ее медленный голос; и насколько я был склонен к болтливости, к простосердечной веселости, настолько она была чаще всего молчалива: все что-то думала, все как будто во что-то мысленно вникала; И она ничему не противилась, но все молча; она все разучивала медленное, сомнамбулически-прекрасное начало «Лунной сонаты»; не спеша протягивала мне для поцелуя руку и рассеянно говорила). Образ жизни героини отсылает к исихастскому учению, которому свойственно погружение в себя, отказ от суеты, покой и молчание. Исихасты стремились к духовному преображению и очищению, как и главная героиня («*Ох, уйду я куда-нибудь в монастырь...*»). Это течение, воспринятое Сергием Радонежским и значительно повлиявшее на русскую культуру, возникло в среде афонских монахов-отшельников и было связано со стремлением к преображению, постижению нетварного света, исходящего от Иисуса Христа, преобразившегося в Бога на горе Фавор.

Совместное посещение героями монастырей и старинного раскольничьего кладбища отсылает не только к мотиву *света, покоя*, но и к *допетровской Руси*: «*Вечер был мирный, солнечный, с инеем на деревьях; на*

кирпично-красных стенах монастыря болтали **в тишине** галки, похожие на монашенок, куранты то и дело тонко и грустно играли на колокольне. Скрипя в тишине по снегу, **мы вошли** в ворота, **пошли** по снежным дорожкам по кладбищу, – **солнце только что село, еще совсем было светло, дивно рисовались на золотой эмали заката серым кораллом сучья в ивее, и таинственно теплились вокруг нас спокойными, грустными огоньками неугасимые лампадки, рассеянные над могилами»** (Бунин 2008: 779). Такие прогулки по старинным монастырям, старообрядческому кладбищу и литературным местам, осуществляемые обычно героиней по утрам или, если вечером, то в свете фонарей, светильников или заходящего солнца, характеризуются наречием **медленно**: **мы вошли, пошли, мы медленно вышли из ворот.**

Следовательно, мотив **света** связывается с **прошлым, допетровской Русью, ее монастырями, храмами, старообрядцами**; мотив **тьмы** – с настоящим, суетой, ресторанами, трактирами, капустниками, где утрачена прежняя старина, что позволяет говорить о таких авторских ассоциатах концептов **света** и **тьмы**, как **прошлое** (традиция, допетровская Русь) и **настоящее**, утрачивающее эту традицию и погружающееся в суету, в том числе – суету предстоящих исторических событий, если вспомнить, что рассказ посвящен периоду 1912 – 1914 годов, а написан был в 1944 году, когда все события Первой мировой войны, революции, гражданской войны и Великой Отечественной были по-новому, сквозь призму времени и памяти, осмыслены автором, размышляющем о судьбе России в трагический период русской истории.

Связь линии **света** с мотивом традиции, прошлого подчеркивается и следующими фрагментами текста: **«Как хорошо. И вот только в каких-нибудь северных монастырях осталась теперь эта Русь. Да еще в церковных песнопениях. Недавно я ходила в Зачатьевский монастырь – вы представить себе не можете, до чего дивно поют там стихиры! А в Чудовом еще лучше. Я прошлый год все ходила туда на Страстной. Ах, как было**

хорошо! Везде лужи, воздух уж мягкий, весенний, на душе как-то нежно, грустно и все время это чувство родины, ее старины... Все двери в соборе открыты, весь день входит и выходит простой народ, *весь день службы...* Ох, уйду я куда-нибудь в монастырь, в какой-нибудь самый глухой, вологодский, вятский!» *«А она говорила с тихим светом в глазах. Я русское летописное, русские сказания так люблю, что до сих пор перечитываю то, что особенно нравится, пока наизусть не заучу».* (Бунин 2008: 780).

Когда герои, в день чистого понедельника, собираются на «капустник», мы видим описание вечера, также наполненного светом, но рукотворным, электрическим, ассоциируемым у героев с мотивом грусти: *«В десять часов вечера на другой день, поднявшись в лифте к ее двери, я отворил дверь своим ключиком и не сразу вошел из темной прихожей: за ней было необычно светло, все было зажжено, – люстры, канделябры по бокам зеркала и высокая лампа под легким абажуром за изголовьем дивана, а пианино звучало началом «Лунной сонаты» – все повышаясь, звуча чем дальше, тем все томительнее, призывнее, в сомнамбулически-блаженной грусти»* (Бунин 2008: 782). Героиня была одета во все **черное**: *Я вошел – она прямо и несколько театрально стояла возле пианино в черном бархатном платье,* делавшем ее тоньше, блистая его нарядностью, праздничным убором **смольных** волос, **смуглой** янтарностью обнаженных рук...». После вечера чистого понедельника, связанного с ее жертвенным грехопадением ради героя, она уходит в монастырь – погружается в прошлое, покой, традицию вместе со старой, царской Россией.

Посещение героем Иверского храма после просьбы героини о расставании связано с мотивом *нетварного божественного света,* очищающего огня, которым опалается душа страдающего героя: *«Я осторожно оделся, робко поцеловал ее в волосы и на цыпочках вышел на лестницу, уже светлеющую бледным светом. Шел пешком по молодому липкому снегу, – метели уже не было, все было спокойно и уже далеко видно вдоль улиц, пахло снегом и из пекарен. Дошел до Иверской, внутренность*

которой горячо пылала и сияла целыми кострами свечей, стал в толпе старух и нищих на растоптанный снег на колени, снял шапку... Кто-то потрогал меня за плечо – я посмотрел: какая-то несчастнейшая старушонка глядела на меня, морщась от жалостных слез:

– Ох, не убивайся, не убивайся так! Грех, грех!» (Бунин 2008: 785).

На этом фоне ассоциативной константой концепта *свет* в рассказе также становится мотив **преображения**, что подчеркивается следующим фрагментом текста: *«В четырнадцатом году, под Новый год, был такой же тихий, солнечный вечер, как тот, незабвенный. Я вышел из дому, взял извозчика и поехал в Кремль. Там зашел в пустой Архангельский собор, долго стоял, не молясь, в его сумраке, глядя на слабое мерцанье старого золота иконостаса и надмогильных плит московских царей, – стоял, точно ожидая чего-то, в той особой тишине пустой церкви, когда боишься вздохнуть в ней. Выйдя из собора, велел извозчику ехать на Ордынку, шагом ездил, как тогда, по темным переулкам в садах с освещенными под ним окнами, проехал по Грибоедовскому переулку – и все плакал, плакал...»* (Бунин 2008: 785). Ранее страдающий, спивающийся по кабакам герой (*Я исполнил ее просьбу. И долго пропадал по самым грязным кабакам, спивался, всячески опускаясь все больше и больше. Потом стал понемногу оправляться – равнодушно, безнадежно... Прошло почти два года с того Чистого понедельника...*), пройдя свой круг испытаний, теперь «едет шагом», посещает соборы. Он прошел через очищение страданием, духовную борьбу, преобразившую его и приведшую к покою и свету: *«Но только я вошел во двор, как из церкви показались несомые на руках иконы, хоругви, за ними, вся в белом, длинном, тонколикая, в белом обруче с нашитым на него золотым крестом на лбу, высокая, медленно, истово идущая с опущенными глазами, с большой свечой в руке, великая княгиня; а за нею тянулась такая же белая вереница поющих, с огоньками свечек у лиц, инокинь или сестер, – уж не знаю, кто были они и куда шли. Я почему-то очень внимательно смотрел на них. И вот одна из идущих посередине вдруг подняла голову, покрытую белым платом, загородив*

свечку рукой, устремила взгляд темных глаз в темноту, будто как раз на меня... Что она могла видеть в темноте, как могла она почувствовать мое присутствие? Я повернулся и тихо вышел из ворот» (Бунин 2008: 787).

Ворота – граница, в данном случае – между прошлым и настоящим героя и России, между уходящей Россией и Россией новой. Ключевые лексемы, которые репрезентируют концепт *свет* в данном фрагменте (*белый, свеча, огоньки*) в его связи с прошлым, с традицией, повторяются несколько раз.

Если принять во внимание отсутствие имен у главных героев рассказа, можно признать мнение исследователей о том, что они воплощают различные образы, в частности, герой предстает как образ русских князей и царей, а также как образ новой России, преображенной испытанием; героиня же становится воплощением русской ментальности с ее противоречиями (*восток – запад, суета - покой* и др.), а также допетровской Руси с ее исконной традицией, памятью, обращению к которым и указывает автором как путь к преобразованию, к свету на фоне событий 1944 года (Реброва, Самохвалова 2004).

Таким образом, в компоненты концептов *свет* и *тьма*, развивающихся по линии лейтмотивов текста, попадают как универсальные, так и узуальные, авторские, ассоциаты: *свет* – *покой, молчание, тепло, прошлое, старина/допетровская Русь, традиция, грусть, храм, монастырь, преображение, свечи, золото, белый цвет; тьма* – *суета, болтливость, настоящее, отступление от традиций, хаос, развлечения, грех, сумерки, темнота, черный цвет.*

Из них к *универсальным* относятся: *свет* – *тепло, свечи, золото, белый цвет; тьма* – *грех, сумерки, темнота, черный цвет.* К *узуальным*: *свет* – *покой, молчание, старина/допетровская Русь, традиция, грусть, храм, монастырь, преображение; тьма* – *суета, болтливость, настоящее, отступление от традиции, хаос, развлечения.*

2.2. Экспериментальный этап: ассоциативная зона концептов *свет* и *тьма* в синхроническом аспекте (на основе современных ассоциативных словарей и ассоциативного эксперимента)

2.2.1. Представление о *свете* и *тьме* в ассоциативных словарях

Ассоциации, которые возникают у людей на слово-стимул, являются важным источником информации при реконструировании структуры концепта, ассоциативных компонентов его ассоциативной зоны. Для того, чтобы узнать, какие ассоциации к словам *свет* и *тьма* уже зафиксированы и приобрели относительную устойчивость, обратимся к ассоциативным словарям.

В «Учебном ассоциативном словаре русского языка» (2017) приведено пять ассоциатов слова «*свет*», которые совпадают с теми, что упомянуты в толковых словарях. Это «лучистая энергия, делающая окружающий мир видимым», «тот или иной источник освещения», «освещенность, состояние, когда светло», «Земля, Вселенная» и «избранный круг, общество» (УАСРЯ 2017: 134). В качестве самых частотных ассоциаций выделены: *яркий, окно, тьма, солнце, темное царство, потух* (там же). Ассоциаций к слову «*тьма*» в данном словаре не приведено.

В «Русском ассоциативном словаре» на слово-стимул «*свет*» зафиксировано сто семь реакций, из них пятьдесят девять различных и сорок пять одиночных. Наиболее частотной является реакция *яркий* (16), на втором месте – *в окне* (10) и *тьма* (10), затем *солнце* (4) и *в темном царстве* (3), *потух* (3). По два раза встретились следующие реакции: *в окошке, в туннеле, вдали, горит, лампа, погас, солнца, учение*. Остальные реакции упомянуты лишь один раз: *белые, белый, Божий, в глаза, в комнате, в конце коридора, в конце туннеля, в окне на 2 этаже, в окно, в темноте, вид ночи, видеть, включить, выключатель, день, дома, доска, зеленый, истины, лампочка, лучистый, машина, мрак, на стене, надежды, науки, нести, окна, освещение, от свечи,*

погасить, полумрак, прозрачный, радость, разума, светит, солнечный, там, темнота, тень, тот, фотон, цвет, электрик (РАС: URL).

В «Русском ассоциативном словаре» на слово-стимул «*тьма*» зафиксировано сто три реакции, из них сорок семь различных и сорок одна одиночная, два отказа. Наиболее частотной является реакция *тьмущая* (20), на втором месте – *крошечная* (16), на третьем – *свет* (13), затем *ночь* (9), *черный* (2). Одиночные реакции: *апокалипсис, без глаз, беспросветная, болото, в лесу, великолепно, дорога домой вечером, друзей, зима, кругом, мгла, много, мрак, народу, наступила, наша жизнь, непроглядная, непросветная, неразбериха, неучей, ночи, ночная, плесень, полная, постель, пропасть, просвет, скрыто, смерть, солнце, сумрак, сценическая, темная, темная комната, темно, тюрьма, устрашение, учение, хоть глаз выколи, хуже света, черное* (там же).

В «Русском сопоставительном ассоциативном словаре» (далее сокр. РСпАС) (2008) содержится двести пятьдесят три статьи Прямого словаря (от стимула к реакции), составленных на материале трех ассоциативных опросов, которые были проведены с интервалом десять – двадцать лет с носителями русского языка начиная с 1967 года. Данные опросы были ранее опубликованы в «Словаре ассоциативных норм русского языка» под редакцией А. А. Леонтьева (далее сокр. САНРЯ) (1977), «Русском ассоциативном словаре» (далее сокр. РАС) и «Славянском ассоциативном словаре» (далее сокр. САС).

В САНРЯ насчитано 202 ассоциации со словом «свет», в РАС – 107, в САС – 591.

Самыми частотными ассоциациями к слову «свет» в САНРЯ являются *яркий* (48) и *тьма* (36). Слова *луч* и *тень* встречаются по семь раз, *в окне, дневной, лампа* по четыре раза, *белый, знание(я), красный, мир, солнечный, учение, электричество, ярко* по три. По два раза встречаются следующие реакции: *горит, далекий, лампочка, лучинный, ночь, правильный, светлый, сильный, спектр, хорошо, электрический*. По одному разу зафиксированы: *в темном царстве, весь, во тьме, волна, грамота, да, день, заря, звезда, звезды, земной, идущий, клином не сошелся,*

колесо, комната, коротко и ясно, лета, луна, магазин, материя, мать, мерцающий, мнение, молния, мрак, не без добрых дел, неоновый, нужный, окошко, освещение, от лампочки, очей моих, падает, письмо, разум, резкий, светло, свечка, сень, солнца, солнце, страна, тепло, тушить, хороший, ясный (РСПАС: URL).

Данные РАС уже были рассмотрены нами выше. В САС Самыми частотными ассоциациями являются *яркий* (71) и *тьма* (70). Как мы видим, наиболее частотные реакции совпадают во всех трех словарях. Следующая наиболее частотная в САС ассоциация к слову *свет* – *лампа* (48), затем *солнце* (31), *день* (22), *лампочка, ярко* (14); *темнота* (12); в *окне, фонарь* (9); *комната, луч, радость* (7); *тень, яркость* (6); *белый, горит, мрак* (5); *ученье* (4); в *конце тоннеля, видимость, люкс, ночь, окно, плохой, приглушенный, светло, сильный, тепло, тусклый* (3); в *доме, в комнате, весна, во тьме, гореть, дома, жизнь, знаний, и тьма, квант, лампы, небо, хорошо, электричество* (2); *а неученье – тьма, авария, бал, беззащитность, блеск, блик, блики, в глаза, в душе, в норме, в ночи, в тоннеле, весело, вспышка, выключатель, выход, да будет, день, праздник, дневной, дня, дом, достаточный, душа, души, есть, желтый, за него надо платить, затемнение, зрение, искусственно создаваемые условия, Кандела, карты, квартира, класс, комнаты, конец, красный, круг, кухня, лаборатория, лазер, лампа Ильича, лампа накаливания, лампочка Ильича, Ленин, лето, пляж, линза, листья, луг, луна, лучи, льется, любовь, Люксы, люстра, мешает, мир, мнение, мягкий, на улице, надежда, не люблю, неприятность, нету, неудобство, неуютно, нужен, общества, огонь, окна, падал, панорама, платить, плетка, плохо, плохое, погас, подставка, полумрак, помещение, портал, почти, предмет, придумал Ленин, приятно, прогресс, прожектор, просвет, пространство, раздражение, расположение, рассеянный, резкий, Света, светлая комната, светлый, свечи, сияние, следы, слепота, смерть, солнечный, софит, таинственный, твоего окна, театр, темно, темный, темь, теплый, тоже ничего, ток (элект.), торшер, уверенность, утро, учение, уютно,*

фантастика, фары, физ. величина, физическое явление, фонарный, фонаря, фотон, фотоэлемент, хорошая, хороший, хорошо видно, хочет, чисто, чистый, школа, электрическая энергия, энергия, это про науку, яркое, ясно, ясный (1) (там же).

Итак, наиболее частотными реакциями на слово-стимул **свет** являются *яркий, тьма, солнце, в окне*, в периферии отмечены ассоциаты *надежда, любовь, жизнь, душа, хороший, радость, добрые дела, истина, разум*. К слову **тьма** в САНРЯ и САС ассоциации не приведены, однако ассоциат *тьма* и его синонимические производные (*чернота, мрак, непросветное, темное царство, потух*) активно присутствуют в ассоциативном фоне стимула *свет*, что говорит о наличии данной оппозиции в русском языковом сознании и о ее эквиполентности (равносильности, равнозначимости компонентов в этой оппозиции).

Обобщая данные всех проанализированных словарей, можно сделать вывод, что наиболее частотными ассоциациями для слова **свет** являются *яркий, тьма, солнце, окно*, в периферийной зоне – *белый, Божий, день, лампа, освещение, знание, ученье*. Для слова **тьма** наиболее частотны такие ассоциации, как *тьмущая, крошечная, свет*, на периферии – *ночь, черный, сумрак*.

2.2.2. Ассоциативная зона концептов *свет* и *тьма* в русской лингвокультуре по данным ассоциативного эксперимента

Для того, чтобы составить полную картину восприятия концептов *свет* и *тьма* в русской лингвокультуре, был проведен свободный ассоциативный эксперимент, который отражает ассоциативный фон данных концептов в синхронии. Респондентами стали тридцать молодых людей возрастом от двадцати лет до тридцати одного года. Материалом для анкетирования послужили слова-стимулы *свет* и *тьма*. Испытуемые должны были, не задумываясь, дать все возможные ассоциации, которые у них возникают на данные слова-стимулы.

Результаты свободного ассоциативного эксперимента приведены в таблице 1.

Таблица 1.

Слово-стимул	Возможные ассоциации
Свет	Солнце (15), добро (9), белый (6), лампа (6), тепло (5), день (5), яркий (4), лампочка (4), небо (4), ангел (3), Бог (3), любовь (2), желтый (2), радость (2), надежда (2), спокойствие (2), луч (2), серебристый (1), семья (1), темнота (1), электричество (1), цвет (1), тоннель (1), красота (1), светофор (1), счастье (1), смех (1), жизнь (1), зеленая травка (1), в небе (1), волшебный (1), перспектива (1), благость (1), истина (1), правда (1), покой (1), равновесие (1), чистота (1), ясность (1), мягкость (1), игривый (1), винтаж (1), осень (1), умиротворение (1), совет (1), светлый (1), свет в конце туннеля (1), благо (1), огонь (1), Сеул (1), дети (1), физика (1), цветы (1), ветер (1), поле (1), Иисус (1), фонарь (1), теплые страны (1), хорошая погода (1)
Тьма	Ночь (12), черный (10), зло (5), мрак (4), тишина (4), холод (3), одиночество (3), страх (3), плохой

	<p>(плохо) (3), покой (2), звезды (2), луна (2), спокойствие (2), горе (2), безысходность (2), свет (2), громкие мысли (1), темный (1), Дарт Вейдер (персонаж медиафраншизы «Звездные войны») (1), тоннель (1), свеча (1), тень (1), злоба (1), серый (1), смерть (1), поглощает (1), вокруг (1), скорбь (1), злость (1), харизматичность (1), ненависть (1), страдание (1), боль (1), тяжесть (1), грусть (1), замутненность (1), умиротворение (1), уединение (1), темнота (1), готика (1), замок (1), демоны (1), вампиры (1), арбалет (1), тоска (1), рассвет (1), темно (1), проблемы (1), уют (1), «Властелин колец» (роман-эпопея Дж. Р. Р. Толкина) (1), искушение (1), космос (1), блуждание (1), лес (1), сумерки (1), море (1), элегантно (1), печаль (1)</p>
--	--

По результатам анкетирования мы видим, что наиболее частотные реакции-ассоциаты на стимул *свет* у опрошенных - *солнце* (15), *добро* (9), *белый* (6), *лампа* (6), *тепло* (5), *день* (5), на стимул *тьма* – *ночь* (12), *черный* (10), *зло* (5).

В большинстве своем ассоциации к слову *свет* положительны. Из слов, которые могут обладать негативной коннотацией, присутствует только слово *темнота*.

Среди ассоциаций к слову *тьма* встречаются не только отрицательные ассоциации, но и положительные или нейтральные, например: *ночь, свет, тоннель, харизматичность, умиротворение, уединение, замок, рассвет, уют, «Властелин колец», космос, лес, сумерки, море, элегантно.*

По данным свободного ассоциативного эксперимента в ядерную зону концепта *свет* входят ассоциаты *солнце, добро, белый, лампа, тепло, день*, периферию образуют ассоциаты *яркий, лампочка, небо, ангел, Бог, любовь, желтый, радость, надежда, спокойствие, луч*. В ядерную зону концепта *тьма* входят ассоциаты *ночь, черный, зло*, в периферийную – *мрак, тишина, холод, одиночество, страх, плохой (плохо), покой, звезды, луна, спокойствие, горе, безысходность, свет.*

Как мы видим, на периферийной зоне для концепта *свет* в сознании людей сохраняются ассоциаты, связанные с Богом (по результатам ассоциативного эксперимента – *небо, ангел, Бог*, один раз встречалась ассоциация *Иисус*, в ассоциативных словарях – *Божий*). Совсем исчезли ассоциации, связанные с Советским Союзом, которые встречались в САС (*придумал Ленин, Ленин, лампа Ильича, лампочка Ильича*).

Что касается концепта *тьма*, то у людей, пусть и не частотно, но стали возникать ассоциации, связанные с массовой культурой: *Дарт Вейдер, вампиры, готика, «Властелин колец», арбалет, замок*. Это, несомненно, связано с изменением эпохи, развитием телевидения и интернета.

Таким образом, сравнив данные ассоциативных словарей и ассоциативного эксперимента, можно сделать вывод, что некоторые ассоциаты сохраняются в сознании людей без изменений в течение двух последних десятилетий. К совпадающим ассоциатам можно отнести следующие: для концепта *свет* – *солнце, лампа/лампочка, яркий*; для концепта *тьма* – *ночь, черный, свет.*

2.3. Структура концептов *свет* и *тьма* в русской лингвокультуре

Результаты проведенного анализа концептов *свет* и *тьма* в русской лингвокультуре представлен в таблицах и схемах ниже.

Таблица 1. Понятийная, образно-перцептивная и ассоциативная зоны концептов *свет* и *тьма*

Этап	Источник	Компоненты концепта			
		<i>свет</i>		<i>тьма</i>	
Словарный: понятийная зона	1) Этимологические словари	ядро	периферия	ядро	периферия
		1) сияние, противоположность тьме, свет духовный	1) рассвет, утро, просвещение, белый, светлый, мир, земля	1) темнота, отсутствие света, неосвещенный	1) множество, невежество, неизвестность
	2) Толковые словари	2) состояние, противоположное тьме, источник освещения	2) вера (свет веры), ученье, счастье, радость, Божественная истина, земля, мир, вселенная, общество	2) отсутствие света	2) невежество, неразвитость, необразованность, множество
Текстовый: образно-перцептивная зона (диахрония)	1) Фольклор	1) добро, счастье, радость, тепло, жизнь	1) красота, здоровье, удача, женитьба, замужество, обретение необходимого	1) зло, горе, беда, смерть, страдание, холод	1) страх, болезнь, неудача

	2) Библия	2) <i>воля, дух, разум, небесное, вода, день, утро, добро, Бог, жизнь, рай, безгрешие, радость</i>		2) <i>хаос, стихия, земное, твердь/земля/суша, ночь, вечер, зло, антихрист/змей-искуситель, смерть, ад/земля, грех, скорбь/страдание</i>	
	3) И. Бунин «Чистый понедельник»	3) <i>покой, молчание, прошлое, старина/допетровская Русь, традиция, грусть, храм, монастырь, преображение</i>		3) <i>суета, болтливость, настоящее, отступление от традиции, хаос, развлечения</i>	
Экспериментальный: ассоциативная зона (синхрония)	1) Ассоциативные словари	1) <i>яркий, тьма, солнце, окно</i>	1) <i>белый, Божий, день, лампа, освещение, знание, ученье, душа, лампа Ильича, в темном царстве, клином не сошелся</i>	1) <i>тьмущая, крошечная, свет</i>	1) <i>ночь, черный, сумрак, апокалипсис, хоть глаз выколи, беспросветность</i>
	2) Ассоциативный эксперимент	2) <i>солнце, добро, белый, лампа, тепло, день</i>	2) <i>яркий, лампочка, небо, ангел, Бог, любовь, желтый, радость, надежда, спокойствие, луч, серебристый, семья,</i>	2) <i>ночь, черный, зло</i>	2) <i>мрак, тишина, холод, одиночество, страх, плохой (плохо), покой, звезды, луна, спокойствие, горе, безысходность, свет, темный, Дарт</i>

			<i>темнота, электричест во, тоннель, светофор, смех, волшебный, истина, равновесие, чистота, ясность, умиротворен ие, благо, огонь, дети, физика, цветы, Иисус, фонарь</i>	<i>Вейдер, тоннель, свеча, тень, злоба, серый, злость, харизмати чность, ненависть, страдание , боль, тяжесть, грусть, умиротвор ение, уединение, готика, замок, демоны, вампиры, тоска, рассвет, проблемы, уют, «Властели н колец», искушение, космос, лес, сумерки, печаль</i>
--	--	--	--	--

Таблица 2 демонстрирует ядерные значения, выявленные на основании обобщения и анализа данных в Таблице 1.

Таблица 2. Ядерная зона концептов *свет* и *тьма*

Понятийная (словарная) зона	Ассоциативно-перцептивная зона
<p>Свет: <i>состояние,</i> <i>противоположное тьме;</i></p> <p>тьма: <i>отсутствие света.</i></p>	<p>Свет: <i>добро, тепло, радость, жизнь,</i> <i>день, солнце, чистота, белый цвет,</i></p> <p>Бог;</p>

	<i>тьма: зло, смерть, холод, страдание, ночь, грех, черный цвет, дьявол.</i>
--	---

Ниже представлены схемы в виде полей, которые сформировались в результате анализа приведенной выше Таблицы 1. Обозначения, которые присутствуют на схемах, имеют следующие значения:

1 – ядро, 1-а – околоядерная зона, 2 – ближняя периферия, 2-а – дальняя периферия.

Схема 1. Полевая структура концепта *свет* в русской лингвокультуре

- **религия:** *свет* – свет духовный, Божественная истина, небесное, рай, безгрешие, храм, монастырь, преображение, свечи, ангел, Бог, Иисус; *тьма* – земное, антихрист/змей-искуситель, ад, грех, демоны;

- **аксиология:** *свет* – добро, безгрешие, здоровье; *тьма* – зло;

- **этические и философские понятия:** *свет* – красота, счастье, надежда;

- **чувства, поведение, мироощущение:** *свет* – радость, умиротворение; *тьма* – одиночество, печаль, тоска, искушение, скорбь, злость, харизматичность, ненависть, страдание, боль, тяжесть, грусть, умиротворение, уединение, злоба, горе, спокойствие, страх;

- **природные явления:** *свет* – день, рассвет, утро, земля, мир, вселенная, вода, небо, луч, огонь, тепло; *тьма* – ночь, вечер, стихия, хаос, звезды, луна, космос, рассвет, сумерки, лес, холод;

- **миропорядок:** *свет* – покой, молчание, старина, допетровская Русь, традиция, равновесие; *тьма* – суэта, болтливость, настоящее, отступление от традиций;

- **цветоощущения:** *свет* – белый, светлый, яркий, желтый, серебристый; *тьма* – черный, темный, серый;

- **историко-культурные** (прецедентные феномены советской эпохи, современной поп-культуры): *свет* – лампочка Ильича; *тьма* – «Властелин колец», Дарт Вейдер, вампиры, готика.

Лексемы *свет* и *тьма* антонимичны по своей семантике, концепты *свет* и *тьма* также образуют парную оппозицию, компоненты которой вступают между собой в отношения противопоставления, наиболее явно проявляемые в ядерной зоне, что мы и отразим в таблице ниже.

**Таблица 3. Оппозиционная структура ядерной зоны концептов
свет и *тьма***

<i>Свет</i>	<i>Тьма</i>
<i>состояние, противоположное тьме</i>	<i>отсутствие света</i>
<i>добро</i>	<i>зло</i>
<i>жизнь</i>	<i>смерть</i>
<i>тепло</i>	<i>холод</i>
<i>радость</i>	<i>скорбь, страдание</i>
<i>день, солнце</i>	<i>ночь</i>
<i>чистота/безгрешие</i>	<i>грех</i>
<i>белый цвет</i>	<i>черный цвет</i>
<i>Бог</i>	<i>дьявол</i>

Анализ текстов показал, что компоненты изучаемых нами концептов, в основном, относятся к этическим и философским понятиям, имеющим древние истоки, осознанно или неосознанно восходящие к библейскому тексту и имеющие непреходящее значение, актуальное и для нашего времени. В сознании представителей русской лингвокультуры данные концепты образуют фреймовую структуру, демонстрируют широкий охват когнитивных сфер, образующих слоты (религия, аксиология – взаимоотношения между людьми, этические и философские представления, мироощущение, восприятие природных явлений, миропорядок, цветоощущения, историко-культурный контекст, оценка событий), поэтому могут вызывать большое количество ассоциаций, исторически сложившихся на пересечении всех исследованных зон концептов – архетипической и понятийной (словари), образно-перцептивной (тексты) и собственно ассоциативной (эксперимент). Анализ материала исследования показал, что данные концепты образуют эквиполентную смысловую оппозицию с противопоставленными, но равнозначными компонентами, отражающими «борение смыслов» (М. Н. Виролайнен) и мировоззренческие основы русской культуры: свет – тьма как *добро – зло, жизнь – смерть, радость – скорбь, тепло – холод, чистота – грех, белый – черный, день – ночь, Бог – дьявол*. Эта оппозиция эксплицирована в

«сильных» текстах культуры, отражающих значимые для культуры смыслы, где концепты *свет* и *тьма* занимают лейтмотивную позицию, а эквиполентные компоненты образуют мотивную структуру (сказки, Библия, рассказ Бунина «Чистый понедельник» и мн. др.), находит отражение в понятийной и ассоциативной зонах, что демонстрируют словари и данные ассоциативного эксперимента.

2.4. Концепты *свет* и *тьма* в корейской лингвокультуре

2.4.1. Этимологический и понятийный анализ языковых репрезентантов концептов *свет* и *тьма* в корейской лингвокультуре (первоначальный образ-архетип концепта)

Концепты *свет* и *тьма* присутствовали в корейской культуре, как и во многих других, с древних времен. Чтобы узнать, какое значение носители корейского языка придают данным концептам, обратимся к этимологическим и толковым словарям.

В этимологическом словаре корейского языка говорится, что **빛** (свет) – *это то, что делает объект ярче видимым, освещая его*. Там же упомянуто, что «свет» в корейском языке имеет ту же этимологию, что и **붉다** (красный), они имеют общий корень – «**붉**» («красный») (우리말 어원 사전 2014: 275). Следует отметить, что в корейской культуре красный цвет соотносится с солнцем, так что выбор корня для слова «свет» вполне обусловлен (Чхве Ен Ги 2020). Помимо этого, в древности красный цвет символизировал удачу, власть, изгнание злых духов. В Средние века слово **빛** (свет) означало блеск/свет и цвет. В значении «свет» оно используется как слово для образования глаголов **빛나다/내다**, **빛바래다**, **비취다** (сиять, тускнеть, сиять) (우리말 어원 사전 2014: 275).

В этимологическом словаре корейского языка упомянуто также, что **빛** (свет) – это *символ мудрости, жизни и истины, поскольку он рассеивает*

тьму и приносит свет. Согласно данному словарю «별» (солнечный свет) является синонимом слова 빛 (свет). Приведены контексты: «빛을 보다» (увидеть свет) – *раскрыться миру и получить признание.* «고생 끝에 빛을 보다». – *После страданий увидишь свет* (пословица) (там же).

Слово 어두움 (или 어둠) (тьма) является субстантиватом от прилагательного 어둡다 (темный), поэтому в этимологическом словаре слово 어두움 не указано, а есть только 어둡다 (темный). 어둡다 (темный) – *«нет света, поэтому не светлый/неяркий. Антоним слова «светлый»* (우리말 어원 사전 2014: 362). Приводится средневековая форма слова: «어둡다/어둡다». Она состоит из корня «얼», суффикса «우» и окончания – ㅂ다. Корень «얼» означает *тьму и хаос/растерянность.* Производными этого слова являются 어둑하다, 어스름, 어슴푸레하다, 어리다, 어리석다, 어리둥절하다, 어렵풋하다, 어른거리다, 아지랑이, 어지럽다 (сумрачный, сумерки, тусклый, слабо светить, глупый, растерянный, не ясный, мелькать, легкая дымка, запутанный) и другие (там же).

Так как до 1443 года в Корее не существовало собственной письменности, а использовалось только китайское иероглифическое письмо, обратимся также к словарю китайских иероглифов. Для слова 빛 (свет) указаны следующие иероглифы:

景 (경) – свет. Сияние или образ, который раскрывается на свету;

光 (광) – даже если темно, как ночью, все равно светится;

榮 (영) – сияющая честь;

華 (화) – сияющий и прекрасный;

赫 (혁) – сияющая форма. Очевидность достижений (우리말 한자 사전 2010: 298).

Так же, как и в этимологическом словаре в словаре иероглифов слово «*тьма*» отдельно не указано, а представлены иероглифы только к слову **어둡다 (темный)**:

散 (산) – тёмная или пасмурная погода. Жуткая атмосфера;

暗 (암) – контраст темного и светлого. В искусстве – это термин, обозначающий степень яркости цвета;

幽 (유) – тьма и свет. Или потусторонний мир (тот свет) и этот свет;

昧 (매) – глупый и темный разумом (우리말 한자 사전 2010: 381).

Итак, уже в этимологическом словаре и словаре китайских иероглифов можно обнаружить, что **빛 (свет)** в корейском языке имеет положительные коннотации (красивый, дающий свет, сияющий, приходит после страданий). А **어두움 (тьма)** имеет негативные коннотации (сумрачный, жуткий, глупый). Далее обратимся к толковым словарям.

Для слова **빛 (свет)** в «Толковом словаре» существует три определения:

- тип электромагнитной волны, которая стимулирует зрительный нерв видеть объекты. Его излучает солнце или вещества, обладающие высокой температурой;
- цвет, который объект проявляет, поглощая или отражая свет;
- выражение лица или манера поведения, выраженные в мимике, глазах и позе тела человека (국어사전: URL).

Приведены следующие примеры употребления данного слова: **기쁜 빛을 감추지 못하다** (невозможно скрыть счастье, досл.: невозможно скрыть *счастливым светом*); **찬란한 빛을 발하는 보석** (драгоценность, которая *ярко сияет*); **지하실은 빛이 없어 캄캄하다** (**темный** подвал *без света*); **가을의 쓸쓸한 빛이 더해 가다** (*тоскливым светом* осени усиливается) (там же). По данным примерам видно, что **빛 (свет)** может употребляться и в переносном значении.

В «Стандартном корейском словаре» Национального института корейского языка есть только первое из вышеперечисленных значений, формулировка полностью совпадает, примеры отсутствуют (국립국어원. 표준국어대사전: URL).

Слово «**тьма**» в корейском языке можно записать двумя способами: полным – 어두움 и сокращенным – 어둠. В словарях чаще всего используется сокращенный вариант. В «Толковом словаре» и в «Стандартном корейском словаре» Национального института корейского языка существует лишь одно определение слова **어두움 (тьма)** и оно совпадает в обоих словарях. Определение очень краткое, оно гласит, что *«тьма – это темное состояние»*.

В «Толковом словаре» есть следующие примеры употребления слова **어두움 (тьма)**: 그들은 어둠을 틈타 마을을 떠났다 (они покинули деревню в *темноте*); 거실 안은 까만 어둠과 정적만이 가득하였다 (в гостиной царил только *черная тьма* и тишина); 전쟁이 터지자 사람들은 악몽 같은 어둠의 세월을 보내야 했다 (досл.: когда разразилась война, людям пришлось провести *темное время*, как в кошмаре); 어둠을 틈타 도주하다 (убегать под *покровом тьмы*) (국어사전: URL). Слово **тьма** также использовано и в прямом, и в переносном значении.

Таким образом, мы видим, что в корейских словарях приведены более краткие определения, чем в русских словарях. Определения в корейских словарях приведены только в прямом значении, однако в примерах приводятся также употребления переносных значений слов.

После рассмотрения этимологических и толковых словарей корейского языка, а также словаря китайских иероглифов можно сделать вывод, что в понятийной зоне у слова **빛 (свет)** оказываются *сияние, сияющий*, а в перцептивной зоне – *красивый, солнце, красный*. У слова **어두움 (тьма)** в понятийной зоне – *темное состояние, без света*, в перцептивной зоне – *хаос/растерянность, жуткий, глупый*.

2.4.2. Компоненты образно-перцептивной зоны структуры концептов *свет и тьма* в корейских фольклорных текстах

Корейские мифы состоят в основном из сказаний об основателях древних корейских государств и великих правителях, встречаются также сюжеты о сотворении мира и о злых духах. Однако в народных сказках можно увидеть противостояние сил *света* и *тьмы*, отражающих древние ассоциации, связанные с концептами *свет* и *тьма*. Большая часть корейских народных сказок – это сказки о детях, почитающих своих родителей, о важности семейных уз, есть также и волшебные сказки. *Свет* и *тьма* проявляются в противоборстве добра и зла, в положительных и отрицательных персонажах.

Небесные светила, как и в русских сказках, тоже иногда наделяются человеческими свойствами. Как, например, в сказке «Солнце и луна» («해님 달님»), где чтобы спасти брата и сестру от тигра, бог превратил их в небесные светила: «오빠는 해가 되고 누이는 달이 되었는데요. 그런데 누이동생이 캄캄한 밤을 무서워해서 오빠가 달이 되고 누이동생이 해가 되었답니다» (해님 달님: URL) – «*Старший брат стал солнцем, а сестра луной. Однако младшая сестра боялась темной ночи, поэтому брат стал месяцем, а сестра солнцем*».

В сказке «Влюбленные звезды» («견우와 직녀») повествуется о любви двух молодоженов, которые были звездами. Они были разлучены, так как от любви друг к другу перестали выполнять свои обязанности. Они могут встретиться друг с другом лишь раз в году, седьмого июля, после того как пересекут Серебряный мост, который олицетворяет Млечный путь (견우직녀설화: URL).

Если в русских сказках типичные представители сил *света* – это Иван-царевич, различные царевны и богатырские кони, а сил *тьмы* – Кощей Бессмертный, Змей Горыныч и всевозможная нечисть, то в корейских сказках на стороне *добра* выступают бедные крестьяне и честные люди, а на стороне *зла* – богатый слой населения, жадные люди и страшные черти (도깨비).

Например, в сказке **«Золотой топор и серебряный топор»** («금도끼와 은도끼») добрый дровосек в награду за свою честность получает от волшебника золотой и серебряный топор, а жадный не получает ничего (금도끼와 은도끼 2006: 54). В известной сказке **«Хынбу и Нольбу»** («흥부와 놀부») младший брат Хынбу был добрым, а старший Нольбу был злым и жадным. В итоге Хынбу был вознагражден за свою доброту и отзывчивость драгоценностями, а Нольбу был наказан чертом и стал бедняком. Однако младший брат не бросил старшего и помог ему, благодаря этому старший брат исправился (흥부와 놀부 2013).

В сказке **«Дедушка с шишкой»** («혹부리영감») также была наказана жадность соседа, который позавидовал дедушке, получившему богатство от чертей, благодаря своей смекалке. Дедушка, у которого была шишка на лице, однажды заблудился в лесу и заночевал в лесной сторожке, там он пел песню, и черти слышали его. Им понравилось пение старика, и они попросили продать им его шишку, так как решили, что песня находится там. Дедушка согласился, тогда черти забрали его шишку и дали ему мешок с драгоценностями. Завистливый сосед, прознав об этом, отправился в ту же сторожку, стал звать чертей и петь песню. Однако чертям не понравилась песня соседа и они «наградили» его еще одной шишкой (혹부리영감 2004: 40).

В сказке **«Золотые и серебряные камешки»** («도깨비 방망이») вновь сталкиваются два брата: старший и младший. Старший – богатый и жадный, младший – бедный и добрый. Младший брат однажды заночевал в домике в лесу и стал свидетелем того, как черти там колдуют золото, серебро и драгоценности. Спрятавшись, младший брат наблюдал за их колдовством, но он был очень голоден, так как не ел весь день. В кармане у него оказался орех, когда он начал его есть, раздался громкий хруст, который распугал чертей. Младший брат забрал все сокровища, которые оставили черти, и стал богачом.

Старший брат узнал об этом и поспешил в домик, в котором ночевал младший. Однако, когда он начал есть орех, черти не испугались, а разгневались, так как думали, что это он в первый раз похитил их сокровища. Черти поймали старшего брата и отлупили (도깨비 방망이). Так жадность была наказана.

После изучения корейских сказок можно сделать вывод, что в них так же, как и в русских сказках *свет* всегда одерживает верх над *тьмой*, добро всегда побеждает зло. Честность и доброта всегда поощряется, а злоба и жадность наказывается. В каждой сказке прослеживаются конфуцианские идеалы – почтение к родителям, уважение к старшим, забота о семье. На этих благодетелях делается акцент во всех корейских сказках.

Согласно фольклорным текстам, в ядерной зоне у концепта 빛 (свет) оказывается *доброта, честность, отзывчивость*, концепта 어둠 (тьма) – *злоба, хитрость, жадность*. На периферии у концепта *свет* оказывается *бедность*, у концепта *тьма* – *богатство*. Однако, когда бедный и добрый персонаж становится богатым, понятие *богатый, значит, злой*, стирается.

2.4.3. Компоненты образно-перцептивной зоны структуры концептов

***свет и тьма* в лейтмотивной оппозиции в переводе рассказа И. А.**

Бунина «Чистый понедельник» на корейский язык

В сборнике рассказов Бунина на корейском языке, рассказы переведены не полностью. В нем переведены основные и самые важные (на взгляд переводчика) части рассказов, многие фрагменты в переводе опущены. Поэтому были проанализированы только переведенные части текста.

Как уже упоминалось ранее, в зачине рассказа уже заложена лейтмотивная оппозиция *света и тьмы*, которая позволяет репрезентировать компоненты аналогичных концептов. Сравним оригинал данного предложения и его перевод: «*Темнел московский серый зимний день, холодно зажигался газ в фонарях, тепло освещались витрины магазинов – и разгоралась вечерняя, освобождающаяся от дневных дел московская жизнь: гуще и бодрей неслись извозчицьи санки, тяжелей гремели переполненные,*

ныряющие трамваи, – в сумраке уже видно было, как с шипением сыпались с проводов зеленые звезды, – оживленные спешили по снежным тротуарам мутно чернеющие прохожие...» (Бунин 2008: 774) – «모스크바의 회색빛 가을이 저물어가면서 (вечереть, смеркаться) 가로등 속의 가스가 타올라 (разгораться, загораться) 상점의 진열장등을 따뜻하게 (тепло) 비춰주고 있다 (освещаться)» (부닌 2007: 190).

В переводе на корейский язык предложение сильно сокращено, выделенные нами ключевые лексемы, репрезентирующие концепты *света* и *тьмы*, частично опущены. Для тех ключевых лексем, которые сохранились в переводе, подобраны эквиваленты. В случае со словом «темнеть» осуществлена замена словом «вечереть/смеркаться». В переводе газ не загорается «холодно», как в оригинале, вероятно, потому, что в корейском языке свет может быть холодным, может светить холодно, а загораться холодно не может. Это нарушает лексическую сочетаемость в корейском языке. К тому же далее в предложении указано, что этот самый фонарь «тепло освещает витрину магазина». Было бы тогда странно для корейского языка, если бы фонарь зажигался холодно, а освещал тепло. Таким образом, для корейского переводчика оказались значимыми следующие репрезентанты концептов: 타오르다 (разгораться, загораться), 따뜻하게 (тепло) 비춰주고 있다 (освещаться). Эти лексемы активно используются в корейском языке и понятны читателю, такие обороты как «холодно зажигался газ в фонарях», «мутно чернеющие прохожие» не свойственны корейскому языку, и, вероятно не были бы поняты читателями, поэтому в переводе они опущены. Значимая для русского текста лексема *темнеть*, ассоциативно связанная с этнокультурной спецификой восприятия концепта тьмы, оказалась для корейской лингвокультуры не актуальной, т.к. в переводе актуализированы не скрытые смыслы концепта тьмы, а физический процесс смены времени суток (вечереть, смеркаться). Часть предложения, в которой описана московская жизнь, также опущена полностью. Переводчик по всей видимости счел ее не

важной в смысловом плане и, таким образом, продемонстрировал иное восприятие концепта *тьмы* в корейской лингвокультуре.

В оригинале вечерняя жизнь героев связывается с *оживленностью*, *суетой*, а сам концепт *тьмы* обретает компонент *суета*. Данный мотив реализуется при помощи следующих предикативных оборотов: *темнел московский день, гуще и бодрей неслись извозчицьи санки, тяжелей гремели переполненные, ныряющие трамваи, разгоралась вечерняя, освобожденная от дневных дел московская жизнь*. На корейский язык переведено только: *темнел московский день* – 모스크바의 회색빛 가을이 저물어가면서 (досл.: вечереет серая московская осень). Таким образом, мы видим, что мотив *суеты* в корейском переводе не реализован и лексема *суеты* из ассоциатов концепта *тьмы*, который был обязательным в русском тексте.

Перевод следующих фрагментов текста подчеркивает данное утверждение: *«Каждый вечер мчал меня в этот час на вытягивающемся рысаке мой кучер – от Красных ворот к храму Христа Спасителя: она жила против него; каждый вечер я возил ее обедать в «Прагу», в «Эрмитаж», в «Метрополь», после обеда в театры, на концерты, а там к «Яру» в Стрельну...»* (Бунин 2008: 774). – 매일 저녁 이 시간에 내 마부는 준마가 끄는 마차에 나를 태우고 (Каждый вечер в этот час кучер везет меня в повозке, запряженной лошастью) '붉은 문' 거리에서 구세주 성당까지 달렸다» (Бунин 2007: 190). Предложение переведено на корейский язык не полностью (до двоеточия), так что мотив *суеты* вновь не реализуется. К тому же «мчал» переведено здесь как «катать/возить», так что ни одна лексема, связанная с мотивом *суеты* как компонентом концепта *тьмы*, не появляется в корейском переводе, свидетельствуя о различиях в его восприятии у русских и корейцев.

Мотив *загадочности*, *противоречивости*, связанный с мотивом *тьмы* и репрезентирующий аналогичный концепт, в корейском переводе также не выражен. С ним связаны следующие слова и словосочетания: *мутно чернеющие прохожие, холодно зажигался газ в фонарях, тепло освещались*

витрины, зеленые звезды, снежные тротуары, мутно чернеющие прохожие. Из них на корейский язык переведено только *тепло освещались витрины* (상점의 진열장등을 따뜻하게 비춰주고 있다).

Мотив *света*, связанный с мотивом *покоя, молчания*, дневной жизнью героини, её спокойным характером реализуется в тексте оригинала посредством следующих ключевых слов текста: *она обычно молчала; была погружена в себя; ее медленный голос; и насколько я был склонен к болтливости, к простосердечной веселости, настолько она была чаще всего молчалива: все что-то думала, все как будто во что-то мысленно вникала; И она ничему не противилась, но все молча; она все разучивала медленное, сомнамбулически-прекрасное начало «Лунной сонаты»; не спеша протягивала мне для поцелуя руку и рассеянно говорила; дорогой молчала.*

Из приведенного ряда ключевых слов на корейский язык переведены следующие: *не спеша протягивала мне для поцелуя руку и рассеянно говорила* – 천천히 손을 내 밀고 무관심하게 말했다; *И она ничему не противилась, но все молча* – 그녀는 입을 꼭 다물고 전혀 거부하지 않았다; *дорогой молчала* – 말없이 앉아 있었다. Таким образом, мотив покоя лишь частично реализуется в корейском переводе употреблением ключевой лексики молчания, которая оказывается актуальной и для корейского концепта свет.

Лейтмотив *света* в рассказе И. А. Бунина связан с мотивом *традиции, прошлого, допетровской Руси*, репрезентирующим узуальное, авторское восприятие концепта *свет*. Сравним речевые фрагменты оригинала и перевода, эксплицирующие мотив *свет* и репрезентирующие концепт: *«Как хорошо. И вот только в каких-нибудь северных монастырях осталась теперь эта Русь. Да еще в церковных песнопениях. Недавно я ходила в Зачатьевский монастырь – вы представить себе не можете, до чего дивно поют там стихиры! А в Чудовом еще лучше. Я прошлый год все ходила туда на Страстной. Ах, как было хорошо! Везде лужи, воздух уж мягкий,*

весенний, на душе как-то нежно, грустно и все время это чувство родины, ее старины... Все двери в соборе открыты, весь день входит и выходит простой народ, *весь день службы...* Ох, уйду я куда-нибудь в монастырь, в какой-нибудь самый глухой, вологодский, вятский!» (Бунин 2008: 780). – «정말 멋있어요. 그런데 지금은 북쪽에 있는 몇몇 수도원들에만 그런 러시아 어투가 남아 있어요. (Однако сейчас такая манера говорить осталась только в нескольких монастырях на севере) 아, 나는 어딘지 가장 깊은 곳에 있는 바츠키 수도원으로 떠날 거예요!» (부닌 2007: 198). – Из такого большого отрывка на корейский язык переведены только два первых и последнее предложение, остальная часть опущена. Корейский переводчик посчитал также, что предложение «*И вот только в каких-нибудь северных монастырях осталась теперь эта Русь*» относится только к старой манере речи, но автор имел в виду не это, а то, что в тех монастырях сохранены древние русские традиции, что оказалось не важным при переводе на корейский язык и разрушило важную составляющую авторского концепта *свет – память, традиция, прошлое, допетровская Русь*. Наличие адекватного перевода следующего фрагмента говорит о частичном восприятии прошлого, старины как возможного компонента концепта *свет*: «*Я русское летописное, русские сказания так люблю, что до сих пор перечитываю то, что особенно нравится, пока наизусть не заучу*» (Бунин 2008: 780). – «나는 러시아 연대기와 옛날이야기를 정말 좋아해요. 그래서 특별히 마음에 드는 책은 암기할 때까지 읽고 있구요» (부닌 2007: 198). Из приведенного примера можно сделать вывод, что мотив старины сохранился в корейском переводе лишь частично как демонстрация поведения и пристрастий героини, но не как компонент концепта *свет*, актуальный для И. А. Бунина.

Концепт *света* в рассказе тесно связан с мотивом *грусти* (сравним оригинал и перевод): «*В десять часов вечера на другой день, поднявшись в лифте к ее двери, я отворил дверь своим ключиком и не сразу вошел из темной прихожей: за ней было необычно светло, все было зажжено, – люстры,*

канделябры по бокам зеркала и высокая лампа под легким абажуром за изголовьем дивана, а пианино звучало началом «Лунной сонаты» – все повышаясь, звуча чем дальше, тем все томительнее, призывнее, в сомнамбулически-блаженной грусти» (Бунин 2008: 782). – «다음 날 저녁 10시에 나는 엘리베이터를 타고 올라와 그녀의 방문으로 가서 열쇠로 문을 열었지만, 어두운 (тёмный) 현관 입구에서 곧바로 방으로 들어가지 않았다. 집 안은 모두 불이 켜져 있어서 매우 환했다 (так как все было включено, было очень светло). 안에서 피아노 소리가 들려왔다» (부닌 2007: 198). – Переведено при помощи подбора эквивалентов, смысл предложения сохраняется, однако опущена как раз та часть предложения, в которой говорится о «сомнамбулически-блаженной грусти», поэтому мотив *грусти* не воплощается в корейском переводе и, априори, не входит в структуру корейского концепта *свет*.

Большую роль в рассказе играет мотив *преобразования*, что демонстрирует следующий фрагмент: «*В четырнадцатом году, под Новый год, был такой же тихий, солнечный вечер, как тот, незабвенный. Я вышел из дому, взял извозчика и поехал в Кремль. Там зашел в пустой Архангельский собор, долго стоял, не молясь, в его сумраке, глядя на слабое мерцанье старого золота иконостаса и надмогильных плит московских царей, – стоял, точно ожидая чего-то, в той особой тишине пустой церкви, когда боишься вздохнуть в ней. Выйдя из собора, велел извозчику ехать на Ордынку, шагом ездил, как тогда, по темным переулкам в садах с освещенными под ним окнами, проехал по Грибоедовскому переулку – и все плакал, плакал...*» (Бунин 2008: 785). – «1914 년 새해를 앞둔, 잊을 수 없는 그날 처럼 조용하고 황혼이 물드는 저녁이었다» (тихий и окрашивающийся закатом вечер). 나는 텅 빈 아르한겔스키 사원에 둘러어스레 한 어둠 속에서 (в темноте) 기도도 하지 않고 성상들로 덮인 제단의 벽면과 모스크바 황제들의 평판 묘석의 금박이 희미하게 반짝이는 것을 바라보며 서 있었다 (стоял и смотрел на мерцание

сусального золота)» (Бунин 2007: 203) – Данный отрывок переведен не полностью и не передает смысл того, что герой теперь не такой, как раньше, что душа его очистилась и сам он изменился. Следовательно, компонент преобразования не является непременной составляющей концепта *свет* в корейской лингвокультуре.

В следующем речевом фрагменте продемонстрирован не только мотив преобразования, но и возникшая граница между прошлым и настоящим героя, а также между старой Россией и Россией новой. В этом отрывке несколько раз повторяются ключевые лексемы, которые репрезентируют концепт *свет* (*белый, свеча, огоньки*) в его связи с прошлым и с традицией. Сравним оригинал и перевод на корейский язык: *«Но только я вошел во двор, как из церкви показались несомые на руках иконы, хоругви, за ними, вся в белом, длинном, тонколикая, в белом обруче с нашитым на него золотым крестом на лбу, высокая, медленно, истово идущая с опущенными глазами, с большой свечой в руке, великая княгиня; а за нею тянулась такая же белая вереница поющих, с огоньками свечек у лиц, инокинь или сестер, – уж не знаю, кто были они и куда шли. Я почему-то очень внимательно смотрел на них. И вот одна из идущих посередине вдруг подняла голову, крытую белым платом, загородив свечку рукой, устремила взгляд темных глаз в темноту, будто как раз на меня... Что она могла видеть в темноте, как могла она почувствовать мое присутствие? Я повернулся и тихо вышел из ворот»* (Бунин 2008: 787). – «마당 안으로 들어가자마자 (как только вошел) 손에 성화와 교회 깃발을 들고 가는 사람들이 눈에 띄었다. 그 사람들 뒤로 길고 흰 옷을 입고 (в белой одежде) 황금 십자가를 수놓은 하얀 베일을 이마에 두른 (в белой вуали, с вышитым золотым крестом на лбу) 날씬하고 키가 큰 공후 부인이 눈을 내리뜨고 손에 큰 초를 들고 열심히 걸어오는 것이 보였다. 그녀 뒤로 역시 하얀 옷을 입고 얼굴에 촛불이 빛나는 (в белой одежде, со свечами у лиц) 수련 수녀들과 수녀들의 합창 행렬이 이어졌다. 나는 그들이 수련 수녀들인지 아니면 수녀들이었는지, 어디로 향하는지는 알 수 없었다. 나는 웬지 아주

주의 깊게 그들을 바라보고 있었다. 그리고 행렬의 중간쯤에 있던 여자가 갑자기 하얀 머릿수건으로 (с белым платком на голове) 덮여진 머리를 들었다. 촛불을 (свеча) 손으로 가린 채 마치 나를 한 번이라도 보려는 듯 어둠 속으로 (в темноту) 시선을 돌렸다... 어둠 속에서 (в темноте) 그녀가 무엇을 볼 수 있었고 내가 그곳에 있다는 걸 어떻게 느낄 수 있었을까? 나는 돌아서서 조용히 문밖으로 나왔다 (Я повернулся и тихо вышел из ворот)» (부닌 2007: 204). – Данный отрывок переведен полностью, он репрезентирует аналогичные для бунинского текста компоненты концепта *свет*, актуальные и для корейской лингвокультуры: *белый цвет, золото, свечи*.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что концепты *свет* и *тьма* при переводе на корейский язык частично утрачиваются, демонстрируя несколько иное отношение к ним и их восприятие в корейской лингвокультуре. Ряд нарушений, допущенных при переводе, приводят к изменению смыслового содержания не только на уровне текста, но и на уровне его понимания и восприятия. Ключевые ассоциаты бунинского восприятия исследуемых концептов, выявленные нами в п. 2.1.2.3, только частично обнаруживаются в переводе, разрушая и мотивную структуру текста. С одной стороны, можно предположить, что корейский переводчик не ставил перед собой цель отразить в переводе все смысловые линии текста, связанные с памятью, традицией и ее разрушением в условиях историко-культурного контекста первой половины 20-го века, что воплощено посредством авторского обращения к исихастской традиции и развитию лейтмотивов *света* и *тьмы* как значимых концептов русской культуры; с другой стороны, становится очевидным, что такое восприятие концептов, которое было характерно для Бунина как представителя русской лингвокультуры, оказалось не столь актуальным для переводчика как представителя корейской лингвокультуры.

Из выделенных нами при анализе бунинского текста компонентов концептов *свет и тьма*, развивающихся по линии аналогичных лейтмотивов, в переводе сохранились следующие.

Узуальные, авторские, репрезентанты: свет – покой (частично), молчание (частично), традиция (частично), храм, монастырь; *тьма* – настоящее (частично), отступление от традиций (частично).

Универсальные: свет – тепло, свечи, золото, белый цвет; *тьма* – сумерки, темнота, черный цвет.

2.5. Ассоциативная зона концептов *свет и тьма* в корейской лингвокультуре по данным ассоциативного эксперимента

Для того, чтобы составить полную картину восприятия концептов *свет* и *тьма* в корейской лингвокультуре, так же, как и для русской, был проведен свободный ассоциативный эксперимент. Респондентами стали тридцать молодых людей возрастом от восемнадцати до тридцати лет. Материалом для анкетирования послужили слова-стимулы 빛(свет) и 어두움(тьма). Испытуемые должны были, не задумываясь, дать все возможные ассоциации, которые у них возникают на данные слова-стимулы. Результаты свободного ассоциативного эксперимента приведены в таблице 2.

Таблица 2

Слово-стимул	Все возможные ассоциации
빛(свет)	전등 (лампочка) (3), 형광등 (флюоресцентная лампа) (2), 밝다 (светлый) (2), 희망 (надежда) (2), 전구 (электрическая лампочка) (2), 손전등 (ручной фонарик) (2), 별(звезда) (2), 태양 (солнце) (2), 빛의 굴절 (преломление света) (2),

	<p>LED (светодиод) (1), 색청(синий цвет) (1), 종현 (Джонхен (бывший главный вокалист музыкальной группы «SHINee») (1), 샤이니(«SHINee» (южнокорейская музыкальная группа) (1), 빛이나 (сияние) (1), 눈부시다 (ослепительный) (1), 아침 (утро) (1), 백야 (белые ночи) (1), 새하얀 느낌의 빛 (белоснежный свет) (1), 눈앞이 하얘지고 초점을 잃음 (перед глазами ослепительно бело и теряется фокус зрения) (1), 구름사이의 한줄기 빛 (луч света между облаками) (1), 반사 (отражение) (1), 조명 (освещение) (1), 십자가 (крест) (1), 가로등이 켜진다 (включается уличный фонарь) (1), 스탠드 (настольная лампа) (1), 하나님 (Бог) (1), 모두를 보여줄 수 있는 것 (вещь, которая делает всех видимыми) (1), 낮 (день) (1), 가시광선 (видимое излучение) (1), 백색왜성 (Белый карлик) (1), 헤븐 (небеса) (1), 빛의 이중성</p>
--	--

	(двойственность света) (1), 라이트 (свет) (1)
어두움(тьма)	<p>밤 (ночь) (4), 암흑 (мрак) (3), 죽음 (смерть) (3), 정전/소등 (отключение электричества) (3), 우울 (депрессия) (2), 검은색 색연필 (черный карандаш) (1), 손전등 (ручной фонарик) (1), 어둡다 (темный) (1), 답답하다 (душный) (1), 잠 (сон) (1), 검정물감 (черная краска) (1), 까만 방 (темная комната) (1), 양초(어두울때 켜는것이므로) (Свечи (потому что они загораются в темноте) (1), 숨막히고 답답함 (удушье и духота) (1), 균형을 잃음 (потеря равновесия) (1), 전구 (электрическая лампочка) (1), 영화관 (кинотеатр) (1), 동굴 (пещера) (1), 탄광 (шахта) (1), 야맹증 (куриная слепота) (1), 클럽 (клуб) (1), 달 (луна) (1), 지옥 (ад) (1), 깊은 바다속 (глубокое море) (1), 지하 (подземный переход) (1), 칠흙같은 어둠 (крошечная тьма) (1), 모든 게 끝이지만 다시 시작할 수 있는 상태</p>

	(состояние, когда все закончилось, но можно начать заново) (1), 절망 (безысходность) (1), 우주 (Вселенная) (1), 공포 (ужас) (1), 암막커튼 (шторы) (1)
--	---

По результатам опроса мы видим, что у корейцев совпадения в ассоциациях встречаются крайне редко. Чаще всего при восприятии слова **빛 (свет)** у опрошенных возникает ассоциация **전등 (лампочка)** (3). При восприятии слова **어두움 (тьма)** – **밤 (ночь)** (4), **암흑 (мрак)** (3), **죽음 (смерть)** (3), **정전/소등 (отключение электричества)** (3).

Большинство ассоциаций возникли лишь один раз. Все ассоциации, возникшие у опрошенных при восприятии слова **빛 (свет)** положительны или нейтральны. При восприятии слова **어두움 (тьма)** у опрошенных помимо отрицательных, возникли нейтральные и положительные ассоциации, например: **양초 (свечи)**, **밤 (ночь)**, **검은색 색연필 (черный карандаш)**, **손전등 (ручной фонарик)**, **검정물감 (черная краска)**, **전구 (электрическая лампочка)**, **영화관 (кинотеатр)**, **클럽 (клуб)**, **달 (луна)**, **우주 (Вселенная)**, **암막커튼 (шторы)**.

Таким образом, в ядерной зоне у концепта **빛 (свет)** – **전등 (лампочка)**, на периферии: **형광등 (флюоресцентная лампа)**, **밝다 (светлый)**, **희망 (надежда)**, **전구 (электрическая лампочка)**, **손전등 (ручной фонарик)**, **별(звезда)**, **태양 (солнце)**, **빛의 굴절 (преломление света)**.

У концепта **어두움 (тьма)** в ядерной зоне – **밤 (ночь)**, на периферии – **암흑 (мрак)**, **죽음 (смерть)**, **정전/소등 (отключение электричества)**, **우울 (депрессия)**.

2.6. Структура концептов *свет* и *тьма* в корейской лингвокультуре

Результаты проведенного анализа концептов *свет* и *тьма* в корейской лингвокультуре представлен в таблицах и схемах ниже.

Таблица 1. Понятийная, образно-перцептивная и ассоциативная зоны концептов 빛 (свет) и 어두움 (тьма)

Этап	Источник	Компоненты концепта			
Словарный: понятийная зона		빛 (свет)		어두움 (тьма)	
		ядро	периферия	ядро	периферия
	Этимологические и толковые словари	<i>сияние, сияющий</i>	<i>красивый, солнце, красный</i>	<i>темное состояние, без света</i>	<i>хаос/растерянность, жуткий, глупый</i>
Текстовый: образно-перцептивная зона (диахрония)	1) Фольклор	1) <i>доброта, честность, отзывчивость</i>	1) <i>бедность</i>	1) <i>злоба, хитрость, жадность</i>	1) <i>богатство</i>
	2) И. Бунин «Чистый понедельник» (перевод на корейский язык)	2) <i>покой (частично), молчание (частично), прошлое (частично), старина/допетровская Русь (частично), традиция (частично), храм, монастырь, преобразование (частично)</i>	2) <i>настоящее (частично), отступление от традиций (частично)</i>		

Экспериментальный: ассоциативная зона (синхрония)	Ассоциативный эксперимент	전등 (лампочка)	형광등 (флюоресцентная лампа), 밝다 (светлый), 희망 (надежда), 전구 (электрическая лампочка), 손전등 (ручной фонарик), 별(звезда), 태양 (солнце), 빛의 굴절 (преломление света), 아침 (утро), 백야 (белые ночи), 십자가 (крест), 하나님 (Бог), 헤븐 (небеса), 낮 (день), LED	밤 (ночь)	암흑 (мрак), 죽음 (смерть), 정전/소등 (отключение электричества), 우울 (депрессия), 어둡다 (темный), 답답하다 (душный), 잠 (сон), 검정물감 (черная краска) 영화관 (кинотеатр), 클럽 (клуб), 까만 방 (темная комната), 지하 (подземный переход), 탄광 (шахта), 절망 (безысходность), 우주 (Вселенная), 공포 (ужас)
---	---------------------------	------------------	---	----------	---

			(светодиод), 스탠드 (настольная лампа), 가시광선 (видимое излучение), 조명 (освещение)		
--	--	--	---	--	--

Таблица 2 демонстрирует ядерные значения, выявленные на основании обобщения и анализа данных в Таблице 1.

Таблица 2. Ядерная зона концептов 빛 (свет) и 어둠 (тьма)

Понятийная (словарная) зона	Ассоциативно-перцептивная зона
<i>Свет:</i> сияние, сияющий; <i>тьма:</i> темное состояние, без света.	<i>Свет:</i> доброта, честность, отзывчивость, храм, монастырь, 전등 (лампочка); <i>тьма:</i> злоба, хитрость, жадность, 밤 (ночь).

Ниже представлены схемы в виде полей, которые сформировались в результате анализа приведенной выше Таблицы 1. Обозначения, которые присутствуют на схемах, имеют следующие значения:

1 – ядро, 2 – ближняя периферия, 2-а – дальняя периферия.

Схема 1. Полевая структура концепта 빛 (свет) в корейской лингвокультуре

Схема 2. Полевая структура концепта 어두움 (тьма) в корейской лингвокультуре

На основании анализа, проведенного выше, мы можем сделать вывод, что в ядерную зону концепта **빛 (свет)** у носителей корейской лингвокультуры попадают такие компоненты, как *сияние, сияющий, доброта, честность, отзывчивость, храм, монастырь, лампочка*, в ближнюю периферию попадают *красный, красивый, солнце, бедность, звезда, ручной фонарик, светлый, надежда, преломление света, флуоресцентная лампа, электрическая лампочка*. В ядерной зоне у концепта **어두움 (тьма)** – *темное состояние, без света, злора, хитрость, жадность, ночь*; на ближней периферии – *хаос/растерянность, мрак, смерть, депрессия, жуткий, глупый, богатство, отключение электричества*.

Так же, как и в случае анализа концептов *свет* и *тьма* в русской лингвокультуре, в корейской мы тоже можем выделить некоторые

тематические **группы-слоты**, по которым распределяются компоненты концептов:

- **религия: свет** – Бог, небеса, крест, храм, монастырь;
- **этические и философские понятия: свет** – красивый, честность, надежда, отзывчивость;
- **чувства, поведение, мироощущение: свет** – доброта; **тьма** – злоба, ужас, депрессия, безысходность;
- **природные явления: свет** – день, утро, звезда, белые ночи; **тьма** – ночь, Вселенная;
- **миропорядок: свет** – покой, молчание, старина, традиция; **тьма** – настоящее, отступление от традиций;
- **цветоощущения: свет** – сияние, сияющий, светлый; **тьма** – черная краска, темный;
- **электричество/физика: свет** – лампочка, флюоресцентная лампа, электрическая лампочка, ручной фонарик, преломление света, видимое излучение, настольная лампа, освещение, светодиод; **тьма** – отключение электричества;
- **помещения/урбанистика: тьма** – темная комната, подземный переход, шахта, кинотеатр, клуб.

Также, как и в случае с анализом концептов *свет* и *тьма* в русской лингвокультуре, нам представляется целесообразным представить таблицу, демонстрирующую оппозиционную структуру концептов.

Таблица 3. Оппозиционная структура ядерной зоны концептов 빛 (свет) и 어두움 (тьма)

빛 (свет)	어두움 (тьма)
<i>доброта, отзывчивость</i>	<i>злоба</i>
<i>честность</i>	<i>хитрость, жадность</i>
<i>сияние</i>	<i>темное состояние, без света</i>

--	--

Таким образом, по итогам проведенного анализа можно сделать вывод, что современные корейцы воспринимают концепты *свет* и *тьма*, соотнося их преимущественно с реалиями действительности (физические и природные явления – *сияние, белые ночи, лампочка, фонарик*), ощущениями в пространстве, в том числе – метафизическом (преимущественно с концептом *тьма* – *подземелье, темная комната, шахта, Вселенная, сон*), психологическими состояниями (*надежда – свет, депрессия – тьма*), человеческими качествами (*доброта, отзывчивость – злоба; честность – хитрость, жадность*), образующие неявные оппозиции *сияние – темное состояние, без света; доброта, отзывчивость – злоба; честность – хитрость, жадность*. Лишь незначительное количество ассоциатов, входящих в периферийную зону, связаны в корейской лингвокультуре с религиозной сферой, ассоциируемой преимущественно с концептом *свет*: *крест, монастырь, Бог*.

В следующем параграфе будет проведен сравнительный анализ и составлено ассоциативное поле концептов *свет* и *тьма* в русской лингвокультуре на фоне корейской.

2.7. Ассоциативное поле концептов *свет* и *тьма* в русской лингвокультуре на фоне корейской: сравнительный анализ

Восприятие концептов *свет* и *тьма* у носителей русской и корейской лингвокультур имеют определенные сходства и различия, которые мы наглядно представим на схеме ниже. Следует отметить, что околядерная зона исследуемых нами концептов в корейской лингвокультуре не была выявлена по причине отсутствия частотных совпадений компонентов концептов. На схемах ниже красным цветом выделены полные совпадения. Схема слева представляет собой ассоциативное поле концепта *свет* в русской лингвокультуре, а схема справа – в корейской.

Обозначения, которые присутствуют на схеме, представляющей собой ассоциативное поле концепта *свет* в русской лингвокультуре, имеют следующие значения: 1 – ядро, 1-а – околоядерная зона, 2 – ближняя периферия, 2-а – дальняя периферия.

Для схемы, представляющей собой ассоциативное поле концепта 빛 (свет) в корейской лингвокультуре: 1 – ядро, 2 – ближняя периферия, 2-а – дальняя периферия.

Схема 1. Концепт *свет*. Сопоставительный аспект

Как мы можем видеть из схем, приведенных выше, и у русских, и у корейцев в ядерной зоне концепта *свет* находятся положительные качества и состояния (*добро, радость, чистота, доброта, честность, отзывчивость*), присутствуют также ассоциации, связанные с религией (*Бог, храм, монастырь*), полностью совпадающим компонентом является компонент *добро/доброта*.

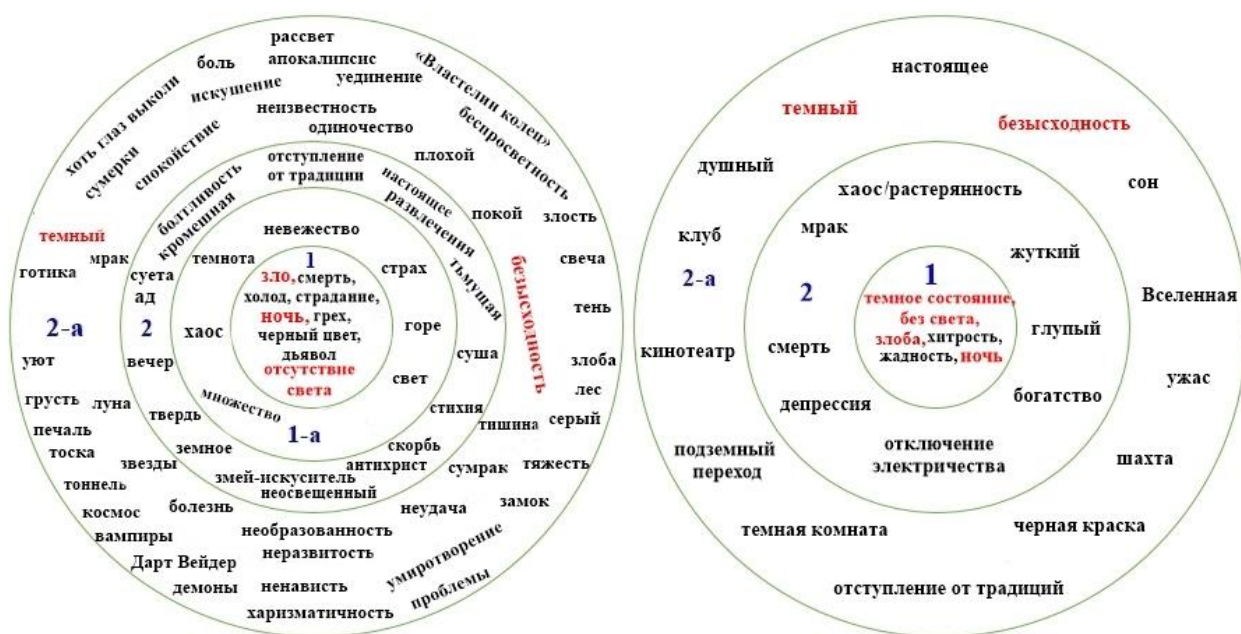
Общими компонентами и у русских, и у корейцев являются те, что относятся к природе или ее явлениям (*утро, земля, мир, солнце, звезда*), цветоощущениям (*яркий, светлый, красный*), а также, касающиеся электричества/физики (*лампа, преломление света, ручной фонарик,*

флюоресцентная лампа, электрическая лампочка). На периферии совпадает компонент *небо/небеса*.

У носителей русского языка в ядерной зоне находятся компоненты, относящиеся к природе (*день, солнце*) и цветовым ощущениям (*белый цвет*), у корейцев же – те, что относятся к физике и физическим явлениям (*сияние, сияющий, лампочка*).

Далее рассмотрим совпадения для концепта *тьма*. Обозначения на схемах соответствуют тем, что приведены выше.

Схема 2. Концепт *тьма*. Сопоставительный аспект

Для концепта *тьма* в ядерной зоне общими для представителей русской и корейской лингвокультур являются такие компоненты, как *ночь, отсутствие света/без света, зло/злоба*. На периферии полностью совпадают такие компоненты как *темный* и *безысходность*.

У носителей обеих лингвокультур совпадают компоненты *хаос* (у русских в околядерной зоне, у корейцев в ближней периферии) и *смерть* (у русских в ядерной зоне, у корейцев в ближней периферии), также к общим ассоциациям можно отнести те, которые относятся к негативным эмоциям/чувствам/состояниям (*горе, страх, смерть, депрессия*), умственному состоянию (*невежество, глупый*).

Различия состоят в том, что у носителей русской лингвокультуры *тьма* содержит в себе компоненты, относящиеся к религии (*зло, смерть, страдание, грех, дьявол*), цветоощущениям (*черный цвет*), температурным ощущениям (*холод*), а у корейцев – те, что относятся к моральным качествам (*хитрость, жадность*), а также темным местам/помещениям (*клуб, кинотеатр, подземный переход, темная комната*).

Существуют также различия в выделении фреймовых слотов (см. п.2.3, 2.6). Для русской лингвокультуры характерны такие слоты, как религия, аксиология, этические и философские понятия, чувства, поведение, мироощущение, природные явления, миропорядок, цветоощущения, историко-культурные слоты. Для корейской – религия, этические и философские понятия, чувства, поведение, мироощущение, природные явления, миропорядок, цветоощущения, электричество/физика, помещения/урбанистика. Как мы видим, у представителей русской лингвокультуры присутствует такой слот, как историко-культурный, а у корейцев такого слота нет, но есть электричество/физика и помещения/урбанистика.

Несмотря на отмеченные различия, восприятия концептов *свет* и *тьма* у носителей русской и корейской лингвокультур имеют и определенные сходства. Для большей наглядности ниже представлена таблица совпадений по когнитивным зонам, выявленным на трех проведенных этапах исследования.

Таблица 1. Совпадения по когнитивным зонам и этапам анализа

Этап	Совпадения			
Словарный: понятийная зона	свет		тьма	
	Русская лингвокультура	Корейская лингвокультура	Русская лингвокульт ура	Корейская лингвокультура

	<p>сияние, <i>противополож ность тьме, свет духовный, состояние, противополож ное тьме, источник освещения</i></p>	<p>сияние, <i>сияющий</i></p>	<p>темнота, отсутствие света, <i>неосвещенны й</i></p>	<p>темное состояние, без света</p>
<p>Текстовый: образно-перцептивная зона (диахрония)</p>	<p>добро, <i>счастье, радость, тепло, жизнь, воля, дух, разум, небесное, вода, день, утро, добро, Бог, жизнь, рай, безгрешие, радость, покой, молчание, прошлое, старина/допе тровкая Русь, традиция, грусть, храм, монастырь, преображение</i></p>	<p>доброта, <i>честность, отзывчивость, покой (частично), молчание (частично), прошлое (частично), старина/допет ровкая Русь (частично), традиция (частично), храм, монастырь, преображение (частично)</i></p>	<p>зло, <i>горе, беда, смерть, страдание, холод, хаос, стихия, земное, твердь/земля /суша, ночь, вечер, зло, антихрист/з мей- искуситель, смерть, ад/земля, грех, скорбь/стра дание, суета, болтливость , настоящее, отступлени е от традиции, хаос, развлечения</i></p>	<p>злоба, <i>хитрость, жадность, настоящее (частично), отступление от традиций (частично)</i></p>

<p>Экспериментальный: ассоциативная зона</p>	<p><i>яркий, тьма, солнце, окно, солнце, добро, белый, лампа, тепло, день</i></p>	<p>전등 (лампочка)</p>	<p><i>ночь, черный, зло</i></p>	<p>밤 (ночь)</p>
--	---	--	-------------------------------------	------------------------

Как мы видим из таблицы, приведенной выше, совпадения встречаются на каждом этапе. Больше всего совпадений на текстовом этапе (в образно-перцептивной зоне), это логично, так как на этом этапе, помимо анализа Библии и фольклора, проводился анализ перевода рассказа И. Бунина «Чистый понедельник». Поэтому совпали многие единицы, которые встречались в данном тексте. Совпадают такие понятия как, например, *сияние, темнота, добро, зло, лампа, ночь*. Это доказывает то, что несмотря на различия в культуре и менталитете, существуют такие понятия, которые являются общими для обеих культур.

ВЫВОДЫ

Анализ концептов в русской и корейской лингвокультурах, был проведен с опорой на три этапа: *словарный, текстовый, и экспериментальный*, обнаруживающих, соответственно, понятийную, образно-перцептивную (в диахронии) и ассоциативную зону концептов (в синхронии). На первом этапе мы опирались на анализ этимологических и толковых словарей; на втором – на «сильные» тексты культуры, отражающие культурно значимые смыслы и включающих данные концепты в качестве ключевых лейтмотивов (сказки, Библию и художественный текст – рассказ И. А. Бунина «Чистый понедельник» в сопоставлении с его переводом на корейский язык); на третьем этапе были проанализированы данные ассоциативных словарей и проведен ассоциативный эксперимент, позволяющий определить ассоциативную зону концептов в синхронии.

Результаты исследования представлены схемами в виде полей с выделением ядерной, окооядерной зон, ближней и дальней периферий. Однако в корейской лингвокультуре окооядерная зона не была выявлена, так как частотные совпадения компонентов концептов отсутствовали.

Помимо схем представлена таблица совпадений по когнитивным зонам и этапам анализа. Были также выделены фреймовые слоты, которые в большинстве своем совпали в обеих лингвокультурах, за исключением того, что в русской лингвокультуре выделяется историко-культурная группа слотов, а в корейской лингвокультуре она отсутствует, при этом выделяются такие группы-слоты, как электричество/физика и помещения/урбанистика. Такое различие может быть связано с тем, что для представителей корейской лингвокультуры реалии повседневной жизни являются более актуальными, чем для представителей русской лингвокультуры.

Помимо вышеперечисленного, было установлено, что в ядерные значения *понятийной (словарной) зоны* в русской лингвокультуре входят следующие компоненты: для концепта *свет*: *состояние, противоположное тьме*; для концепта *тьма*: *отсутствие света*. В свою очередь, в ядерные

значения понятийной (словарной) зоны в корейской лингвокультуре вошли: для концепта **свет**: *сияние, сияющий*; для концепта **тьма**: *темное состояние, без света*. Как мы видим, словарные значения практически совпадают для обоих языков.

Что касается **ассоциативной и перцептивной зон**, то для представителей русской лингвокультуры компонентами, вошедшими в ядерную зону, стали: для концепта **свет**: *добро, тепло, радость, жизнь, день, солнце, чистота, белый цвет, Бог*; для концепта **тьма**: *зло, смерть, холод, страдание, ночь, грех, черный цвет, дьявол*. В ядерные значения ассоциативно-перцептивной зоны в корейской лингвокультуре входят следующие компоненты: для концепта **свет**: *доброта, честность, отзывчивость, храм, монастырь, лампочка*; для концепта **тьма**: *злоба, хитрость, жадность, ночь*.

При этом, ассоциативная зона концептов, выявленная на основе ассоциативного эксперимента и отражающая синхронический аспект восприятия данных концептов у корейцев, не проявляет таких четких связей с образно-перцептивной зоной, выявляемой с опорой на тексты (фольклорные, корейский перевод рассказа И.А. Бунина «Чистый понедельник»), как в русской лингвокультуре, что говорит о периферийной позиции концептов *света* и *тьмы* в корейской лингвокультуре в отличие от русской, где они отражают «борение смыслов», образующих смысловые доминанты русской культуры, отличающейся противоречивостью, загадочным евразийским началом, отмеченным еще философами серебряного века – Н. Бердяевым, В. Соловьевым, Д. Розановым, а также великими русскими поэтами – Ф.И. Тютчевым (*Умом Россию не понять*), А. Блоком (*Да, скифы мы...*) и др. Корейцы смотрят на мир в большей степени с позиций прагматики и поведенческой аксиологии, религиозная, философская и мировоззренческая сферы когнитивного покрытия данных концептов оказались не столь актуальными для корейцев. Корея – страна, активно развивающаяся, начиная с 60-х годов XX века и по сей день, вероятно, поэтому корейцы уделяют

больше внимания не религии, а материальной культуре, реалиям мира, сохраняя тем не менее в периферийных зонах восприятия данных концептов отношение к прошлому как к свету и к настоящему как к тьме.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование доказало правомерность трехэтапного анализа структуры концептов, позволяющего обнаружить наличие в ней смысловых пластов разных уровней – понятийного (словарный этап), образно-перцептивного (текстовый этап), ассоциативного (экспериментальный этап). В ходе анализа были определены устоявшиеся в русской и корейской лингвокультурах, фиксированные в этимологических и толковых словарях архетипические и понятийные компоненты исследуемых концептов; выявлены образно-перцептивные зоны концепта в диахронии с опорой на «сильные» тексты культуры (Библия, фольклор, художественный текст – рассказ И.А. Бунина «Чистый понедельник»), где данные концепты занимают лейтмотивную позицию, а также был проведен анализ данных ассоциативных словарей и ассоциативный эксперимент с участием представителей русской и корейской лингвокультур, позволяющий обнаружить ассоциативный фон концептов в синхронии. Выявленная структура концептов *свет* и *тьма* в русской лингвокультуре на фоне корейской была представлена в виде поля (в сопоставительном аспекте).

Анализ концептов *свет* и *тьма* в русской лингвокультуре показал, что компоненты изучаемых нами концептов относятся к глубинным этическим и философским понятиям, имеющим древние истоки, которые восходят к библейскому тексту и являются актуальными по сей день. В сознании представителей русской лингвокультуры данные концепты образуют фреймовую структуру, обладающую широким охватом когнитивных зон, ярко отражающих мировоззренческие основы русской культуры и образующих собственную концептосферу, представленную эквивалентной смысловой оппозицией: *свет – тьма* как *добро – зло, жизнь – смерть, радость – скорбь, тепло – холод, чистота – грех, белый – черный, день – ночь, Бог – дьявол*

В свою очередь, анализ концептов *свет* и *тьма* в корейской лингвокультуре показал, что корейцы воспринимают концепты *свет* и *тьма*, соотнося их преимущественно с реалиями действительности, ощущениями в

пространстве, психологическими состояниями, человеческими качествами, которые образуют неявные оппозиции (*сияние – темное состояние, без света; доброта, отзывчивость – злоба; честность – хитрость, жадность*). Лишь незначительное количество ассоциатов, которые входят в периферийную зону, связаны в корейской лингвокультуре с религиозной сферой, ассоциируемой преимущественно с концептом *свет*: *крест, монастырь, Бог*. Ассоциативная зона корейцев не проявляет четких связей с образно-перцептивной зоной, выявляемой с опорой на тексты.

Несмотря на выявленные различия, были выявлены и совпадения у носителей обеих культур. Общими для концепта *свет* являются компоненты, обозначающие положительные качества и состояния, ассоциации, связанные с религией (у корейцев последние находятся в периферийной зоне, в русской же лингвокультуре занимают ядерную позицию), а также относящиеся к природе, физическим явлениям, цветоощущениям: *добро, красота, Бог, небеса, храм, монастырь, день, утро, светлый, сияние, сияющий, лампочка*.

Для концепта *тьма* общими для представителей русской и корейской лингвокультур являются компоненты, связанные с отрицательными качествами или категориями мировосприятия, такие, как *ночь, отсутствие света/без света, зло/злоба, хаос и смерть*, а также компоненты, которые относятся к негативным эмоциям/чувствам/состояниям и умственному состоянию (*одиночество, печаль, тоска, депрессия, безысходность*).

Ядерную зону концепта *свет* в русской лингвокультуре образуют компоненты: *состояние, противоположное тьме, добро, тепло, радость, жизнь, день, чистота, солнце, белый цвет, Бог*, в корейской – *сияние, сияющий, доброта, честность, отзывчивость, храм, монастырь, лампочка*.

Ядерную зону концепта *тьма* в русской лингвокультуре образуют компоненты: *зло, смерть, холод, страдание, ночь, грех, черный цвет, дьявол, отсутствие света*; в корейской – *темное состояние, без света, злоба, хитрость, жадность, ночь*.

Набор компонентов ядерной зоны данных концептов в русской лингвокультуре шире, в нем доминируют мировоззренческие, религиозные, аксиологические представления, в корейской лингвокультуре – физические представления, связанные с повседневной жизнью и природными явлениями. Это свидетельствует о том, что данные концепты принадлежат к числу приоритетных мировоззренческих концептов русской лингвокультуры, на котором основано все мировосприятие, в корейской лингвокультуре, более прагматической, они занимают периферийную позицию и соотносятся в большей мере с реалиями повседневной жизни.

Список литературы

1. Алефиренко, Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие / Н. Ф. Алефиренко. – Москва, 2010. – 224 с.
2. Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания / Ю. Д. Апресян. – 1995. – № 1. – С. 37 – 57.
3. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – Москва, 1993. – 896 с.
4. Аскольдов, С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / С. А. Аскольдов. – Москва, 1997. – С. 267 – 279.
5. Асратян, З. Д. Концепт в художественном произведении // Культура и цивилизация / З. Д. Асратян. – Набережные Челны, 2017. – Том 7. – №3А. – С. 35 – 42.
6. Ассман, Я. Культурная память: Письмо и память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
7. Афанасьева Н. А. Истоки образа *огонь – война* в русском поэтическом сознании // Русский язык в школе / Н. А. Афанасьева. – 2017. – №5. – С. 57 – 61.
8. Ахметжанова, З. А. Концепт как единица межкультурной коммуникации // Ярославский педагогический вестник. № 2. Том II (Психолого-педагогические науки) / З. А. Ахметжанова. – Ярославль, 2012. – С. 82 – 87.
9. Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А. П. Бабушкин. – Воронеж, 1996. – 104 с.
10. Баранов, А. Н. Основы фразеологии (краткий курс). Учебное пособие / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – Москва: Флинта; Наука, 2013.— 312 с.
11. Беспалова, О. В. Концептосфера поэзии Н. Гумилева в ее лексикографическом представлении: Автореф. дисс. канд. филол. наук / О. В. Беспалова. – Санкт-Петербург, 2002.
12. Борисова, Ю. А. Ассоциативный эксперимент в современных психолингвистических исследованиях / Ю. А. Борисова. // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – Москва, 2019. – Т. 8. – №1А. – С. 265 – 275.
13. Брутян, Г. А. Язык и картина мира / Г. А. Брутян. // Философские науки. – 1973. – № 1. – С. 108 – 111.
14. Валеева, Д. Р. Методы изучения базовых общечеловеческих концептов (на примере концепта «Дом») / Д. Р. Валеева // Лингвистические исследования: сборник научно-методических работ / Под общ. ред. Н. В. Габдреевой, Г. Ф. Зинатуллиной. – Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2009. – С.22 – 27.
15. Валеева, Д. Р. О методах исследования концепта / Д. Р. Валеева // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. – Нижний Новгород: Научно-издательский центр «Открытое знание», 2018. – №1 (33). – С. 6 – 12.
16. Введение в когнитивную лингвистику / Под ред. М. В. Пименовой. Вып. 4. – Кемерово, 2004.
17. Воркачев, С. Г. Концепт как «зонтиковый термин» // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 24 [Электронный ресурс]. – Москва, 2003. – С. 5 – 12. – URL: <http://www.lincon.narod.ru/umbrella.html> (Дата обращения: 18.03.21)
18. Воркачев, С. Г. Семиотика лингвокультурного концепта и терминосистема лингвокультурной концептологии [Электронный ресурс]. – URL: <http://lse2010.narod.ru/olderfiles/LSE2014pdf/LSE2014Vorkachev.pdf> (Дата обращения: 17.03.21)
19. Воркачев, С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. – Москва: Гнозис, 2004. – 192 с.
20. Гудкова, Е. Как в русских сказках возник образ Кошечки Бессмертного? / Е. Гудкова [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.culture.ru/s/vopros/koschey/> (Дата обращения: 24.07.21)

21. Гузикова, М. О. Основы теории межкультурной коммуникации: [учебное пособие] / М. О. Гузикова, П. Ю. Фофанова; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 124 с.
22. Гуманитарный портал [Электронный ресурс]. – URL: <https://gtmarket.ru/concepts/6960> (Дата обращения: 23.02.21)
23. Евлампиев, И. И. Традиции исихазма в русской культуре: от Андрея Рублёва до Андрея Тарковского / И. И. Евлампиев [Электронный ресурс]. – URL: <http://tarkovskiy.su/texty/analitika/Evlampiev.html> (Дата обращения: 27.10.21)
24. Зиновьева, Е. И. Лингвокультурология: от теории к практике. Учебник / Е. И. Зиновьева. – СПб: Нестор-История, 2016. – 180 с.
25. Зиновьева, Е. И. Понятие «концепт» в рамках спецкурса «языковая картина мира: концептосфера русского языка» / Е. И. Зиновьева. // Лингвистика, методика и культурология в преподавании русского языка как иностранного. Сборник статей / Под редакцией Е. Е. Юркова. – Санкт-Петербург: Политехника, 2003. – с. 16 – 22.
26. Иная ментальность / В. И. Карасик, О. Г. Прохвачева, Я. В. Зубкова, Э. В. Грабарова. – Москва: Гнозис, 2005. — 352 с.
27. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Москва: Гнозис, 2004. – 390 с.
28. Караулов, Ю. Н. Ассоциативный анализ: новый подход к интерпретации художественного текста // Вопросы психолингвистики / Ю. Н. Караулов. – 2015. – № 3 (25). – С. 15–16.
29. Касевич, В. Б. Буддизм. Картина мира. Язык / В. Б. Касевич. – СПб., 1996. – 320 с.
30. Клементьева Е. В. Концепт «Богатство»: когнитивно-прагматический аспект: на материале русского и английского языков автореф. дис. канд. фил. Наук / Е. В. Клементьева. – КГУКИ. – Краснодар, 2008. – 20 с.
31. Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мудрость слова / В. В. Колесов. – СПб, 2000. – 326 с.
32. Колесов В. В. «Первосмысл» концепта // Вестник СПбГУ. Язык и литература / В. В. Колесов. – Т. 15. Вып. 3. – СПб, 2018. – С. 438 – 451.
33. Колесов В. В. Философия русского слова / В. В. Колесов. – СПб: ЮНА, 2002. – 444 с.
34. Красных, В. В. Культура, культурная память и лингвокультура: их основные функции и роль в культурной идентификации / В. В. Красных // Вестник центра Международного образования Московского гос. ун-та. Сер. «Филология. Культурология. Педагогика. Методика». – №3. – 2012.
35. Красных, В. В. Основные постулаты и некоторые базовые понятия лингвокультурологии // Русский язык за рубежом / В. В. Красных. – №4. – 2011. – С. 60 – 66.
36. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – Москва: Гнозис, 2003. – 375 с.
37. Красных, В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций / В. В. Красных. – Москва, 2002. – 284 с.
38. Красовская, Н. В. Художественный концепт: методы и приемы исследования / Н. В. Красовская // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. – Саратов, 2009. – С. 21 – 24.
39. Крючкова, Н. В. Методы изучения концепта / Н. В. Крючкова // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы. Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета (Казань, 4 – 6 октября 2004 г.): труды и материалы; под ред. К. Р. Галиуллина. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2004. – С. 271 – 272.

40. Кубрякова, Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика, психология, когнитивная наука / Е. С. Кубрякова // Вопросы языкознания. — 1994. — №4. — С. 34 – 38.
41. Кубрякова, Е. С. О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный» / Е. С. Кубрякова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2001. – С. 4 – 10.
42. Кубрякова, Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Вопросы когнитивной лингвистики / Е. С. Кубрякова. – 2004, № 1. – С. 6 – 17.
43. Курбанов, С. О. История Кореи: с древности до начала XXI в. – Спб: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2009. – 680 с.
44. Кустов, В. Голгофа: смысл первообраза и культурные интерпретации. Электронный журнал православный паломник на Святой Земле / В. Кустов. –2011. – № 24 [Электронный ресурс]. – URL: <http://palomnic.org/journal/24/zemla/3/> (Дата обращения: 29.10.21)
45. Литвиненко, Т. Е. Метафора в религиозном дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – Москва, 2015. – №5 (716). – С. 79 – 87.
46. Лукин, В. А. Концепт истины и слово «истина» в русском языке (опыт концептуального анализа рационального и иррационального в языке) // Вопросы языкознания / В. А. Лукин. – 1993. – №4. – С. 63 – 86.
47. Ляпин, С. Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты. Научные труды Центроконцепта. Выпуск 1 / С. Х. Ляпин. – Архангельск, 1997. – С. 11 – 35.
48. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов - М., 1996. - С.416.
49. Маслова, В. А. Введение в когнитивную лингвистику / В. А. Маслова. – Москва, 2007. – 296 с.
50. Маслова, В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – Москва, 2001. – 208 с.
51. Милейко, Е. В. Художественный концепт как объект лингвистического исследования / Е. В. Милейко, И. В. Рус-Брюшнина. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 11 (65): в 3-х ч. Ч. 3. – С. 128 – 130.
52. Миллер, Л. В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория // Мир русского слова / Л. В. Миллер. – 2000. – № 4.
53. Михальчук, И. П. Концептуальные модели в семантической реконструкции (индоевропейское понятие «закон») / И. П. Михальчук // ИАН СЛЯ. – 1997. – Т. 56. – № 4. – С. 29 – 39
54. Моисеева, В. Л. Безличные глагольные предикаты состояния лица в русской языковой картине мира: Автореф. дис. канд. филол. наук / В. Л. Моисеева. – 1998.
55. Никитина С. Е. О концептуальном анализе в народной культуре // Логический анализ языка: Культурные концепты / С. Е. Никитина. – Москва, 1991. – С. 13 – 22.
56. Ольшанский, Г. И. Текст как единство элементов и отношений // Лингвистика текста: материалы научной конференции / Г. И. Ольшанский. – Москва, 1974. – Ч. 1. – С. 12 – 14.
57. Орлова, Н. М. Образы света и тьмы в словаре Срезневского: материалы для филологического анализа текста / Н. М. Орлова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2016. – № 6 – 4. – С. 63 – 65.
58. Палеева, Е. В. Концептуальный анализ как метод лингвистических исследований / Е. В. Палеева // Теория языка и межкультурная коммуникация. Вып. 2 (8). – Курск, 2010. – С. 1 – 5.
59. Панченко, Н. Н. Обман // Антология концептов: в 2т. / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина / Н. Н. Панченко. – Волгоград: Парадигма, 2005. – Т. 1. – 352 с. – С. 174 – 192.
60. Первухина, С. В. Семантический портрет Иисуса Христа в переводе Библии New International Version / С. В. Первухина. – Волгоград, 2003. – 158 с.
61. Пименова, М. В. Коды культуры и проблема классификации концептов // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах

- Ставропольского отделения РАЛК. / М. В. Пименова. – Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2007. – Вып. 5.
62. Пименова, М. В. Концептуальные исследования и национальная ментальность / М. В. Пименова. // Гуманитарный вектор. – Чита: Забайкальский государственный университет, 2011. – № 4 (28) – с. 126 – 132.
63. Пименова, М. В. Предисловие / Введение в когнитивную лингвистику. Под ред. М. В. Пименовой. Вып. 4. / М. В. Пименова. – Кемерово: Графика, 2004. – 208 с.
64. Пименова, М. В. Типы концептов и этапы концептуального исследования / М. В. Пименова / Вестник КемГУ. – 2013. – №2 (54). – Т. 2. – С. 127 – 131.
65. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика. Учебное издание / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Москва: АСТ: «Восток-Запад», 2007. – 226 с.
66. Радбиль, Т. Б. Основы изучения языкового менталитета: учеб. пособие / Т. Б. Радбиль. – Москва: Флинта; Наука, 2010. – 328 с.
67. Реброва, И. В. Особенности мотивной структуры рассказа И.А. Бунина «Чистый понедельник» / И. В. Реброва, Л. Д. Самохвалова. // Сб. материалов XXXIII международной филологической конференции. Выпуск 16. РКИ и методика его преподавания. СПбГУ. – СПб: СПбГУ, 2004. – С. 177 – 186.
68. Рогова, К. А. Мысль. Текст. Стиль: сб. статей, посвященный докт. Филол. наук, проф. К. А. Роговой / Под ред. Л. Р. Дускаевой и В. И. Конькова / К. А. Рогова. – СПб.: 2011. – 236 с.
69. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – Москва, 1988. – 242 с.
70. Рыжкина, А. А. О методах анализа концепта / А. А. Рыжкина. – ВЕСТНИК ОГУ №11 (172) / ноябрь 2014. – С. 117 – 120.
71. Садыкова, М. А. Концепты «свет/light» и «тьма/darkness» в тексте Библии / М. А. Садыкова. – Вестник Удмуртского Университета №5 (2). – С. 171 – 174.
72. Самохвалова, Л. Д. Библейские «вечные образы» в аспекте визуального поворота в современной лингвистике // Филологический класс / Л. Д. Самохвалова. – №3 (41). – Санкт-Петербург, 2015. – С. 91 – 98
73. Светоносина, Т. А. Когнитивная лингвистика и лингвокультурология: черты и различия / Т. А. Светоносина // Филологические науки в МГИМО: сборник науч. Трудов. № 27 (42) / МГИМО(У) МИД России; отв. Ред. Г. И. Гладков. – Москва: МГИМО-Университет, 2007. – 203 с. – ISBN 978-5-9228-0272-7. – С. 39 – 46.
74. Сергеева, Е. В. К вопросу о классификации концептов в художественном тексте / Е. В. Сергеева. – Вестник ТГПУ: 2006. – Выпуск 5 (56). – С. 98 – 102.
75. Снитко, Т. Н. Предельные понятия в Западной и Восточной лингвокультурах / Т. Н. Снитко. – Пятигорск: Изд-во Пятиг. гос. лингвист. ун-та, 1999. – 156 с.
76. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам / И. И. Срезневский. – Санкт-Петербург, 1893 – 1903.
77. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – Москва, 1997. – 824 с.
78. Степанов, Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации / Ю. С. Степанов. – Москва, 2007. – 248 с.
79. Стернин, И. А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание / Под редакцией И. А. Стернина / И. А. Стернин. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. – С. 58 – 65.
80. Тарасова, И. А. Модель индивидуальной поэтической концептосферы: базовые единицы и когнитивные структуры // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 18 – 21 марта 2004 г.): труды и материалы / И. А. Тарасова. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – С. 146 – 147.

81. Текстология. ru. Образовательный журнал [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.textologia.ru/slovari/lingvisticheskie-terminy/kognitivnaya-lingvistika/?q=486&n=2324> (Дата обращения: 21.02.21)
82. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – Москва, 1996. – 288 с.
83. Трубецкой, Е. Два мира в древнерусской иконописи // Философия русского религиозного искусства. Антология. Сост. Н. К. Гаврюшин / Е. Трубецкой. – Москва, 1993. – С. 220 – 246.
84. Трубецкой, Е. Умозрение в красках. Вопросы о смысле жизни в древнерусской религиозной живописи // Философия русского религиозного искусства. Антология. Сост. Н. К. Гаврюшин / Е. Трубецкой. – Москва, 1993. – С. 195 – 219.
85. Усовская, Э. А. Межкультурная коммуникация: учеб.-метод. комплекс / Э. А. Усовская. – Минск: БГУ, 2017. – 126 с.
86. Фрумкина, Р. М. Психоллингвистика / Р. М. Фрумкина. – Москва: Академия, 2008. – 320 с.
87. Фурманова, В. П. Межкультурная коммуникация и культурно-языковая прагматика в теории и практике преподавания иностранных языков (языковой вуз): дис. д-ра пед. наук / В. П. Фурманова. – Москва, 1994.
88. Чалова, Л. В. Концепт как объект исследования когнитивной лингвистики / Л. В. Чалова // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2007. – №3 (3): в 3-х ч. Ч. 1. – С. 244 – 245.
89. Чернейко, Л. О. Имя СУДЬБА как объект концептуального и ассоциативного анализа / Л. О. Чернейко, В. А. Долинский // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 9. Филология. – 1996. – №6. – С. 20 – 41.
90. Чве Ен Ги Символика цветообозначений в русских и корейских выражениях и их перевод / Чве Ен Ги, Чве Джин // Вестник Санкт-Петербургского университета / Востоковедение и африканистика. – 2020. – Т. 12. Вып. 3. – С. 332 – 347.
91. Языкова, И. Богословие иконы / И. Языкова. – 1995. – Москва: Издательство Общедоступного православного университета, 1995.
92. Яковлева, Е. С. К описанию языковой картины мира // Русский язык за рубежом / Е. С. Яковлева. – 1996. – № 1 – 3. – С. 47 – 56.

Список словарей

93. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – Москва: Московский государственный университет, 1996. – 245 с.
94. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / Под ред. чл.-кор. АН СССР И. Ю. Шведовой. – Москва, 1987. – 797 с.
95. Руднев, В. П. Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты / В. П. Руднев. — Москва, 1997. — 384 с.
96. Русский ассоциативный словарь [Электронный ресурс]. – URL: <http://thesaurus.ru/dict/> (Дата обращения: 05.08.2021)
97. Русский сопоставительный ассоциативный словарь / Г. А. Черкасова [Электронный ресурс]. – URL: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/RSPAS/zapusk.htm> (Дата обращения: 08.08.2021)
98. Словарь ассоциативных норм русского языка / Под редакцией А. А. Леонтьева. – Москва, 1977. – 192 с.
99. Толковый словарь русского языка / сост. С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова [Электронный ресурс]. – URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov> (Дата обращения: 03.08.21)
100. Толковый словарь живого великорусского языка / сост. В. И. Даль [Электронный ресурс]. – URL: <https://gufo.me/dict/dal> (Дата обращения: 03.08.21)

101. Толковый словарь Ушакова / сост. Д. Н. Ушаков [Электронный ресурс]. – URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (Дата обращения: 03.08.21)
102. Учебный ассоциативный словарь русского языка / Е. Ф. Тарасов, В. В. Дронов, Е. С. Ощепкова. – Санкт-Петербург: Златоуст, 2017. – 356 с.
103. Этимологический словарь Макса Фасмера [Электронный ресурс]. – URL: <https://gufo.me/dict/vasmer/%D1%81%D0%B2%D0%B5%D1%82> (Дата обращения: 13.09.2021)
104. Этимологический онлайн-словарь русского языка Крылова Г. А. [Электронный ресурс]. – URL: <https://lexicography.online/etymology/krylov/> (Дата обращения: 13.09.2021)
105. Этимологический онлайн-словарь русского языка Семенова А. В. [Электронный ресурс]. – URL: <https://lexicography.online/etymology/semyonov/> (Дата обращения: 13.09.2021)
106. Этимологический онлайн-словарь русского языка Шанского Н. М. [Электронный ресурс]. – URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky/> (Дата обращения: 13.09.2021)
107. Этимологический словарь современного русского языка / сост. А. К. Шапошников: в 2 т. Т. 2. – 2-е изд. стереотипн. – Москва: Флинта: 2016. – 576 с.
108. 국립국어원. 표준국어대사전 [Электронный ресурс]. – URL: <https://stdict.korean.go.kr/main/main.do> (Дата обращения: 12.08.2021)
109. 국어사전 [Электронный ресурс]. – URL: <https://ko.dict.naver.com/#/main> (Дата обращения: 12.08.2021)
110. 우리말 한자 사전. –서울, 2010. – 688 p.
111. 우리말 어원 사전 / 백문식. –서울, 2014. – 523 p.

Список источников

112. Аникин, В. Русские народные сказки / В. Аникин. – Москва: Детская литература, 1978. – 964 с.
113. Афанасьев, А. Н. Мифы древних славян / А. Н. Афанасьев. – Москва: Рипол Классик, 2014. – 288 с.
114. Афанасьев, А. Н. Народные русские сказки / А. Н. Афанасьев. – Москва: Эксмо, 2008. – 800 с.
115. Белякова, Г. С. Славянская мифология / Г. С. Белякова. – Москва: Просвещение, 1995. – 584 с.
116. Библия. В 2 т. Т.1. Ветхий Завет. – Москва: Духовное просвещение, 1990. 472с.; Т.2. Ветхий Завет: От Книги Пророка Исаии до Третьей Книги Ездры. Новый Завет. – Москва: Духовное просвещение, 1991. – 496 с.
117. Боянова, О. Истории про человеческих Богов и благородных людей / О. Боянова. – Архангельск: ОАО «ИПП «Правда Севера», 2012. – 349 с.
118. Бунин, И. А. Чистый понедельник / И. А. Бунин. // Жизнь Арсеньева. Повести. Рассказы. – Москва: Эксмо, 2008. – С. 774 – 787.
119. Васильченко, Л. П. Природа славян / Л. П. Васильченко, Н. А. Чуднова. – Томск: Томский государственный университет, 2002. – 235 с.
120. Русские народные сказки и былины. – Москва: АСТ, 2018. – 210 с.
121. 견우직녀설화 [Электронный ресурс]. – URL: <http://encykorea.aks.ac.kr/Contents/Item/E0002170> (Дата обращения: 28.07.2021)
122. 금도끼와 은도끼 // 한글학교학생용 동화로 배우는 한국어 / 서영훈. – 서울, 2006. – 96 p.
123. 부닌 이반 깨끗한 월요일 // 어두운 가로수 길 / 옮긴이 김경태. – 서울, 2007. – 214 p.
124. 도깨비 방망이/ 전래동화 / 핑크퐁! 인기동화 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rVwefWX58IQ> (Дата обращения: 28.07.2021)

125. 흑부리 영감 // 엄마, 또 읽어 주세요! / 박형준. – 서울, 2004. – 108 p.
126. 흥부와 놀부 [Электронный ресурс]. – URL: <https://freshkorean1.files.wordpress.com/2013/01/heungbu-and-nolbu-korean-story-and-worksheet.pdf> (Дата обращения: 26.07.2021)
127. 해님 달님 / 전래동화 / 핑크퐁! 인기동화 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=o60apGctKKQ> (Дата обращения: 26.07.2021)

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

Результаты ассоциативного эксперимента среди представителей русской лингвокультуры

№	1	2	3	4	5	6	7	8
Пол	ж	ж	ж	ж	ж	ж	ж	ж
Возраст	25	22	24	31	27	25	23	23
Все ассоциации, которые возникают при восприятии слова «свет»	Яркий, солнце, белый, серебряный, истый, теплый	Солнце, добро, семья, день, любовь	Солнце	Яркий, солнечный, добро, темнота, лампа	Небо, ангел, электричество, цвет	Тоннель лампы, белые	Тепло, добро, лампочка, день, красота, желтый, белый, светофор	Счастие, смех, жизнь
Все ассоциации, которые возникают при восприятии слова «тьма»:	Холод, одиночество, громкие мысли, ночь, покой	Будущее, зло, ночь	Ночь	Черный, темный, зло, мрак	Дарт Вейдер, ночь, звезды, луна	Тоннель свечей, тень	Страх, злоба, ночь, луна, черный, серый, тишина, спокойствие	Горе, смерть, ночь

№	9	10	11	12	13	14	15	16
Пол	ж	ж	ж	ж	ж	ж	ж	ж
Возраст	28	23	22	24	30	22	22	25
Все ассоциации, которые возникают при восприятии слова «свет»	Тепло, добро, зеленая трава	Белый цвет	тепло, белый, яркий, в небе, волшебный	Добро, радость, перспектива, надежда	Солнце	Благодать, Бог, добро, истина, правда, покой, равновесие, чистота, солнце, любовь, день, ясность	Тепло, мягкость, спокойствие, яркий, игривый, солнце	Добро, солнце, лучи
Все ассоциации, которые возникают при восприятии	Ночь, тишина, зло, мрак	Черный цвет	поглощает, вокруг, скорбь, холод, тишина	Злость, харизматичность, одиночество	Ночь	Мрак, зло, ненависть, страдание, боль, тяжесть, одиночество, грусть,	Умиротворение, тишина, уединение, покой	Темнота

Слова «Тьма» :						ночь, замутне нность		
----------------------	--	--	--	--	--	----------------------------	--	--

№	17	18	19	20	21	22	23	24
Пол	ж	ж	ж	ж	ж	ж	ж	ж
Возраст	20	23	26	22	22	22	24	22
Все ассоциации, которые возникают при восприятии слова «свет»	Солнце, винтаж, осень, желтый.	Солнце, добро, радость, спокойствие, умиротворение, ангел, Бог	Солнце	Лампа, солнце, светлый, белый	Солнце, свет в конце туннеля, луч, благо, надежда, лампа, лампочка	Огонь, Сеул, дети	Добро, солнце, лампочка, физика	Солнце, тепло, цветы, ветер, поле
Все ассоциации, которые возникают при	Готика, ночь, замок, демоны, вамп	Черный, тоска, безысходность, страх	Свет	Черное, рассвет, темно	Мрак, проблемы, горе, ночь, звезды, страх	уют, спокойствие	«Властелин колец», искушение, космос	Свет, лес, сумерки

воспри ятии слова «Тьма»:	иры, арбал ет, черн ый.						блужда ние	
------------------------------------	-------------------------------------	--	--	--	--	--	---------------	--

№	25	26	27	28	29	30
Пол	м	м	м	м	м	м
Возраст	26	31	25	26	27	24
Все ассоциаци и, которые возникают при восприятии и слова «Свет»	Небо, лампа, небеса, Бог, Иисус	Ангел, солнце, лампочк а	Солнце , день, небо	Солнце, фонарь	День, теплы е стран ы	Лампа, небо, хороша я погода
Все ассоциаци и, которые возникают при восприятии и слова «Тьма»:	Черны й, море	Черный, плохо, элегантн о	Плохо й, черный	Безысходност ь, печаль	Холод , ночь	Зло, черный , плохой

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

Результаты ассоциативного эксперимента среди представителей корейской лингвокультуры

№	1	2	3	4	5	6	7	8
성별 (Пол)	여자 (ж)	여자 (ж)	여(ж)	여(ж)	여성(ж)	여(ж)	여(ж)	여(ж)
나이 (Возраст)	25	22	27	25	25	25	30	26
빛이라는 단어를 보는 순간 제일 먼저 떠오르는 물건 /헌상/등을 적어주십 시오 (Все ассоциаци и, которые возникают при восприяти и слова «свет»)	형광 등 (флю орес цент ная лампа)	LED (свет одио д)	색청 / 종현 / 샤이 니 / 빛이 나 (Сини й цвет, Джон хен, «SHI Nee», сияни е)	밝다 눈부 시다 (свет лый, ослеп итель ный)	전등/ 희망/ 아침 (лампоч ка, надежд а, утро)	전구/ 백야 (элект ричес кая лампо чка , белые ночи)	새하 얀 느낌 의 빛 (бело снежн ый свет)	손전등 /눈앞 이 하얘지 고 초점을 잃음 (ручно й фонари к, перед глазам и ослепи тельно бело и теряетс

								я фокус зрения)
어두움이 라는 단어를 보는 순간 제일 먼저 떠오르는 물건 /헌상/등을 적어주십시오 (Все ассоциации, которые возникают при восприятии и слова «тьма»):	암흑 (мрак)	검은 색 색연필 (черный карандаш)	죽음 / 손전등 (смерть, ручно й фонарик)	어둡 다 답답 하다 (темный, душный)	밤/잠/ 죽음 (ночь, сон, смерть)	검정 물감/ 우울 함 (Черная краска, депрессия)	까만 방 (темная комната)	양초(어두울 때 켜는것 이므로)/숨막 히고 답답함 , 균형을 잃음 (Свечи (потому что они загора ются в темноте), удушье и духота, потеря равнове сия)

№	9	10	11	12	13	14	15
성별 (Пол)	여(ж)	여 (ж)	여자 (ж)	여 (ж)	여(ж)	여(ж)	여(ж)
나이 (Возраст)	25	25	23	24	25	24	22
빛이라는 단어를 보는 순간 제일 먼저 떠오르는 물건 /현상/등을 적어주십 시오 (Все ассоциаци и, которые возникают при восприятии и слова «свет»)	구름사 이의 한줄기 빛 (Луч света между облака ми)	전등 / 별 (лам почк а, звезд а)	손전등 (ручно й фонари к)	밝다 태양 (светл ый, солнц е)	전구/빛 굴절, 반사 (электриче ская лампочка, преломлен ие света, отражение)	별(звезд а)	조명 (освещ ение)

어두움이 라는 단어를 보는 순간 제일 먼저 떠오르는 물건 /현상/등을 적어주십 시오 (Все ассоциаци и, которые возникают при восприяти и слова «тьма»):	전구 (электр ическа я лампоч ка)	영화 관/ 밤 (кин отеа тр, ночь)	소등 (Отклю чение света)	암흑, 정전 (тьма, отклю чение элект ричес тва)	동굴, 탄광/ 야맹증 (пещера, шахта, куруная слепота)	밤 (ночь)	클럽 (клуб)
---	---	---	---------------------------------	---	--	-------------	--------------

№	16	17	18	19	20	21	22	23
성별 (Пол)	남 (м)	남(м)	남 (м)	남 (м)	남 (м)	남 (м)	남 (м)	남 (м)
나이 (Возраст)	21	30	27	28	28	18	18	18
빛이라는 단어를 보는 순간 제일 먼저	태양 (сол нце)	십자 가 (крес т)	형광 등 (флю орес	가로등 이 켜진다 (Вклю	스탠 드/ 하나 님	모두를 보여줄 수 있는 것(вещь	낮 (ден ь)	가시광 선 (видим ое

<p>떠오르는 물건 /헌상/등을 적어주십 시오 (Все ассоциаци и, которые возникают при восприяти и слова «свет»)</p>			<p>цент ная лампа а)</p>	<p>чается уличн ый фонарь)</p>	<p>(насто льная лампа , Бог)</p>	<p>, которая делает всех видимы ми)</p>		<p>излуче ние)</p>
<p>어두움이 라는 단어를 보는 순간 제일 먼저 떠오르는 물건 /헌상/등을 적어주십 시오 (Все ассоциаци и, которые возникают при восприяти</p>	<p>달 (лун а)</p>	<p>지옥 (ад)</p>	<p>밤 (ноч ь)</p>	<p>깊은 바다속 (Глубо кое море)</p>	<p>지하/ 철흙 같은 어둠 (подз емны й перех од, кроме шная тьма)</p>	<p>모든 게 끝이지 만 다시 시작할 수 있는 상태 (состоян ие, когда все закончи лось, но можно начать заново)</p>	<p>밤 (ноч ь)</p>	<p>죽음 (смерт ь)</p>

И слова «Тьма»):								
---------------------	--	--	--	--	--	--	--	--

№	24	25	26	27	28	29	30
성별 (Пол)	남 (м)	남 (м)	남 (м)	남 (м)	남 (м)	남 (м)	남 (м)
나이 (Возраст)	19	18	18	18	18	18	28
빛이라는 단어를 보는 순간 제일 먼저 떠오르는 물건 /현상/등을 적어주십 시오 (Все ассоциаци и, которые возникают при восприяти и слова «свет»)	희망 (надеж да)	빛의 굴절 (Прел омлен ие света)	백색왜 성 (Белы й карлик)	전등 (лампо чка)	헤븐 (небес а)	빛의 이중성 (Двойс твенно сть света)	라이트 (свет)
어두움이 라는 단어를 보는 순간	절망 (безыс ходнос ть)	우울 (депре ссия)	우주 (Вселе нная)	정전 (откл ючени е электр	공포 (ужас)	암막커 튼 (штор ы)	암흑 (мрак)

<p>제일 먼저 떠오르는 물건 /현상/등을 적어주십 시오 (Все ассоциаци и, которые возникают при восприятии и слова «тьма»):</p>				<p>ичеств а)</p>			
---	--	--	--	----------------------	--	--	--